

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

ГОД ИЗДАНИЯ

V

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1956

В. В. Виноградов и Б. А. Серебренников (Москва). О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков	3
И. Лекков (София). Отклонения от флективного строя в славянских языках	18
Н. А. Катагощина (Москва). Процессы формирования французского письменно-литературного языка	27

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

<u>А. И. Смирницкий</u> Аналитические формы	41
М. Б. Балакаев (Алма-Ата). Типы именных словосочетаний в казахском языке	53
Н. Ю. Шведова (Москва). К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы	67

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Обсуждение курса «Современный русский литературный язык» (Обзор статей)	83
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. С. Кузнецов (Москва). Букварь Ивана Федорова	91
Э. А. Макаев (Москва). <i>А. В. Десницкая</i> . Вопросы изучения родства индоевропейских языков	97
И. А. Ососовецкий (Москва). <i>W. Kuraszkiwicz</i> . <i>Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych</i>	103
Вич. В. С. Иванов (Москва). Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка	111
И. А. Кондрашов (Москва). <i>Adolfu Kellnerovi</i> . <i>Sbornik jazykovědných studií</i>	121
Г. А. Меновщиков (Ленинград). Русские заимствования в языке эскимосов Аляски	124

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В. И. Костров (Москва). Языковеды должны изменить свое отношение к терминологической работе	127
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Н. Коротков (Москва). Конференции в Пекине по вопросам реформы китайской письменности и нормализации китайского языка	131
С. В. Бернштейн (Москва). Изучение македонского языка в Народной Республике Македонии	136
Д. Е. Михальчи (Москва). Сопещение по вопросам развития молдавского литературного языка	139
М. П. Преображенская и Б. С. Шварцкопф (Москва). Второе Всесоюзное координационное совещание по вопросам диалектологии языков народов СССР	144
В. А. Кочергина и Т. В. Булыгина (Москва). В Ученом совете филологического факультета МГУ	146

Редколлегия:

О. С. Азманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), В. П. Григорьев (и. о. отв. секретаря редакции), А. И. Ефимов, В. В. Иванов (и. о. зам. главного редактора), И. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев, В. А. Серебренников, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

Т-02370. Подписано к печати 9/IV 1956 г. Тираж 12100 экз. Заказ 46
 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4³/₄ Печ. л. 13,02 Уч.-изд. л. 16,7

В. В. ВИНОГРАДОВ и Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

**О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ**

1

Развитие советской науки о языке во многом зависит от правильной и дальновидной организации коллективных и индивидуальных научных изысканий, от предусмотрительного планирования их, от координирования исследовательской работы как целых лингвистических учреждений и ассоциаций, так и отдельных крупных языковедов и от концентрации ее на самых основных, самых важных, самых актуальных проблемах современного языкознания. Ведь не только молодые, начинающие ученые, но и умудренные профессиональным опытом мастера лингвистической науки нередко уделяют много времени и труда изучению заинтересовавших их частных, иногда очень мелких вопросов без ясного понимания перспектив последующих обобщений, без отчетливого представления о проекте того задания, для которого они производят или собирают «кирпичи», «кирпичики» или другие материалы. Мелкость и дробность тем, рассеянность научных интересов тормозят движение науки, препятствуют подъему ее на новые высоты, с которых ясно видны пути и направления ее дальнейшего развития.

Вот почему Отделение литературы и языка Академии наук СССР признало целесообразным сосредоточить в ближайшую пятилетку силы советских филологов на изучении восьми центральных проблем. Из них четыре относятся к области литературоведения:

- 1) Основные этапы развития реализма в мировой литературе;
- 2) О генезисе, становлении и развитии метода социалистического реализма (в русской советской литературе, в современных литературах народов Советского Союза, в литературах стран народной демократии, а также в периодовых литературных направлениях капиталистических стран);
- 3) Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур;
- 4) Закономерности развития художественных литератур отдельных народов — в связи с конкретно историческими своеобразиями жизни этих народов.

Четыре проблемы относятся к области языкознания:

- 1) Основные вопросы семасиологии и лексикологии (в связи с лексикографией);
- 2) Закономерности развития общенародного языка и диалектов в периоды народностей и наций;
- 3) Важнейшие проблемы образования и развития литературных языков и
- 4) Задачи сравнительно-исторического изучения разных семей и групп языков.

Исследование таких проблем литературоведения, как проблема реализма, проблема специфических закономерностей развития литератур отдельных народов, проблема взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур, требует широкого участия в их разработке и языковедов. В самом деле, изучение развития разных форм и типов художественного реализма в той или иной национальной литературе невозможно в отрыве от исследований по истории соответствующего литературного языка как «первоэлемента» литературы, а также от исследований взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и «языка» художественной литературы. Любопытно, что, например, процесс образования русского национального литературного языка и становления его норм сопровождался в области художественной литературы углублением и расширением элементов реалистичности и оформлением самого метода художественного реализма, прежде всего в творчестве А. С. Пушкина.

Само собой разумеется, что изучение общих и специфических закономерностей развития литератур отдельных народов, а также взаимодействий разных национальных литератур предполагает параллельные или предварительные глубокие исследования по истории соответствующих литературных языков, по истории их связей с другими языками, а также по вопросу о соотношении систем разных языков.

Таким образом, исследования, посвященные проблемам образования и развития литературных языков, имеют огромное значение для современного литературоведения. Но изучение литературных языков представляет и самостоятельный — и притом не менее глубокий — лингвистический интерес. Об этом так писал в своем «методологическом очерке» под заглавием «Об изучении литературных языков» еще в 1914 г. рано умерший казанский языковед А. Н. Боголюбов, характеризуя типичный для младограмматической теории упадок интереса к исследованию литературных языков: «Разрыв с филологией естественно должен был повести к временному пренебрежению литературными языками, которые являются промежуточною областью между филологией и сравнительно-историческим языкознанием... Литературные языки как языки пишемые и читаемые, а не говоримые и слышимые отодвинулись далеко на задний план. Правда, документальные показания письменных памятников продолжают привлекаться для подтверждения и для хронологической фиксации фонетических и грамматических изменений, констатированных сравнительным языкознанием, но изучение истории самих литературных, писанных, языков представляется собственно историкам литературы. А эти последние, вполне естественно, если делают экскурсии в область языка, то изучают его главным образом со стороны стилистической и притом стараются выяснить не столько особенности грамматического стиля данного литературного языка в такое-то время, сколько особенности индивидуальных стилей известных писателей. А этот вопрос уже выходит за пределы лингвистики; в сущности он сводится к тому, как такой-то писатель сумел воспользоваться современным ему литературным языком для создания своих художественных произведений»¹. Между тем, по словам А. Н. Боголюбова, предмет изучения лингвиста — «язык, прежде всего, как коллективное явление... Язык литературный, письменный, представляет нечто своеобразное сравнительно с языком долитературным, разговорным. То обстоятельство, что он служит органом изящной литературы, конечно, не является существенным: ведь и долитературный язык служил органом художественной, если и не литературы, то словесности...; по крайней мере в настоящее время языки „литературные“ суть в то же время и государственные, и цер-

¹ А. Н. Боголюбов, Об изучении литературных языков. Методологический очерк, Казань, 1914, стр. 7—8.

ковные... и обыденные (например, в переписке между образованными людьми), а насколько они влияют на самую речь образованных людей, насколько образованный человек „говорит, как читает и пишет“, это языки всей жизни, всей данной культуры в целом»¹.

*

Вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языкознания. Ведь культурная общность нации, обусловленная социально-историческими условиями ее развития, темпы движения народных масс по пути прогресса во многом зависят от степени возможности или достижимости для широких слоев народа при помощи знания литературного языка и активного владения им приобрести к сокровищам культуры, науки и технических открытий — к сокровищам, которые запечатлены в произведениях, написанных на соответствующем литературном языке. В сложной, своеобразной и богатой новыми задачами области изучения литературных языков, их истории, процессов их образования и развития много специфических трудностей и много важных задач, решение которых способно продвинуть далеко вперед всю систему современного лингвистического знания.

Прежде всего необходимо подчеркнуть отсутствие ясности и точности в употреблении самого термина «литературный язык». Достаточно сослаться на противоречивые определения этого термина в курсах «Введение в языкознание». При употреблении термина «литературный язык» часто не учитываются исторические различия в содержании и объеме этого понятия, обусловленные различиями культурно-общественных функций литературного языка в разные периоды истории народа, а также зависящие от конкретно-исторических своеобразий развития литературных языков в связи с индивидуальными особенностями истории разных народов. И все же литературный язык — не только не подлежащая никакому сомнению языковая реальность, но и своеобразное социально-языковое явление, крайне важное по своему культурно-общественному значению. Изучение этого явления неразрывно связано и с исследованием таких явлений, как общенародный разговорный язык и его областные диалекты, с одной стороны, «письменный язык» в его отношении к литературному языку в собственном смысле, с другой, затем «речевые стили», «стили языка» и «стили художественной литературы» и, наконец, жаргоны и арго.

Только глубокие исследования отдельных литературных языков и последовательные обобщения на основе таких конкретно-исторических изучений могут привести к всесторонним ответам на вопрос об общих и специфических закономерностях развития литературных языков. При изучении таких закономерностей особенное значение приобретают исследования языков тех народов, история которых — и притом как народов с давней письменностью и высокой литературно-языковой культурой — начинается с глубокой древности и без перерывов продолжается до наших дней. Таковы языки некоторых народов Индии и китайский язык; за ними следуют языки греческий, иранские, арабский, армянский, грузинский; далее — языки относительно «молодых» народов, историческая жизнь которых ярко проявилась лишь в средние века: это — письменные языки народов романских, германских, славянских, тюркских, монгольских; языки — тибетский, аннамский, некоторые из малайских, корейский, японский.

¹ Там же, стр. 8—9.

В развитии литературного языка не могут не отразиться исторические изменения в структуре и социальной сущности самой категории народа — от племен к народности и от народности к нации. Разговорный язык народности часто бывает очень далек от письменно-литературного языка. В этот период, особенно на ранних ступенях существования народности, литературный язык обычно не отражает с необходимой полнотой и широтой общий язык того народа, кому принадлежит письменность, литература.

В период развития языка народности, тем более в начальные этапы становления народности, в тех или иных областях письменно-речевого общения может функционировать «чужой» язык (ср. латинский — в Западной Европе, старославянский — у восточных славян, арабский — в многоязычном халифате и т. п.). Разграничение сфер «чужого» и своего языка может идти по линии как литературных жанров, так и функциональных сфер общения. Так, в романских странах в качестве административного языка, языка деловых грамот, служил латинский язык: до XII в. включительно не существует деловой переписки на народном языке; в сфере поэзии на Пиренейском полуострове употреблялся галисийский; широко распространен был в качестве языка поэзии провансальский язык, на нем писали стихи некоторые итальянские поэты, им прекрасно владели каталонские трубадуры. По отношению к донациональной эпохе развития литературного языка выступает, с одной стороны, проблема «литературных диалектов», или «областных вариантов литературного языка» (как, например, в истории немецкого и итальянского языков, в ранней истории испанского языка, в истории сербо-хорватского языка до XIX в. и т. п.), а с другой — проблема функциональной и жанровой дифференциации сфер действия разных литературных языков в системе культуры одного и того же народа (например, в истории русского языка, в истории чешского и польского языков, в истории романских языков, в истории японского и корейского языков и т. д.).

Таким образом, в исторических объяснениях нуждается как самый факт использования «чужого» языка в функции литературного языка народа, так и степень общественной значимости этого языка. Ведь «чужой» литературный язык может быть по отношению к своему, родному языку языком другой системы (например, китайский для японцев и корейцев), языком той же системы (например, латинский для языков германских), языком — исторической основой (например, латинский для романских, санскрит — для некоторых индийских языков) и т. д. Возникают вопросы: о типах возможных отношений этого «чужого» языка с родным языком народа, о влиянии этого «чужого» языка на свой, об областях и границах такого влияния, об исторических условиях замены «чужого» языка своим, родным.

Вопрос об историческом использовании «чужого», хотя бы и близко родственного языка в роли языка литературного связан с проблемой различий в общественных функциях, сферах применения и степени «народности» литературного языка в разные периоды истории народа, между прочим, в культуре народности и в национальной культуре.

Иногда в роли письменно-литературных языков, обслуживающих народ в донациональную эпоху, выступали языки завоевателей. Например, завоеваниям обязано распространение или закрепление в качестве литературных языков — арабского для целого ряда разноязычных народов (VII—VIII вв. н. э.), нормандского в Англии (XI в.), турецкого в Малой Азии (XIII в.), персидского в северной Индии (XVI в.). Вопрос о взаимоотношении языка победителей и языка побежденных очень важен в истории английского языка. Ведь на территории Англии существовала очень богатая рыцарская литература на англо-нормандском (т. е. французском)

языке («Тристан» Томаса, лэ Марии Французской и мн. др.). Вопрос о функционировании языка победителей в роли литературного языка в разной форме возникал для немецкого языка в Прибалтике и Чехии, польского в Литве и т. п. Становление нового письменного языка в таких случаях сопровождается насильственным вытеснением, ликвидацией старых, ранее существовавших языков литературы и письменности, применявшихся покоренными народами.

Впрочем период развития народности в истории многих наций бывает настолько сложным и многообразным, что и в его пределах могут происходить резкие изменения как в структуре литературного языка, в его отношениях к народно-областным диалектам, в его стилистической системе, так и в объеме его культурно-общественных функций. Эти процессы связаны, например, с вытеснением «чужого» языка родным из некоторых сфер письменного общения или письменно-деловой практики, с изменением соотношения разных областных вариантов литературного языка или — что чаще бывает — с возобладанием над некоторыми местными разновидностями литературного языка одной нормы, одного культурно-диалектного типа литературного языка на народной основе и т. п.

В период национального развития литературный язык, не составляя обособленной от разговорного общенародного языка системы, совпадая с ним в своей структуре, в то же время характеризуется более или менее выдержанными нормами речевого употребления, а также разнообразием стилей речи. Таким образом, понятие «литературный язык» наполняется разным содержанием и имеет разный объем — применительно к разным периодам истории народа.

Очень существенны для понимания закономерностей развития литературного языка наблюдения над различиями в характере общественной регламентации литературного языка, в строгости, обязательности и универсальности его норм — применительно к разным сторонам его структуры — в разные эпохи его развития.

Несмотря на важность для истории литературного языка изучения различий в общественно-исторических условиях языкового развития в эпоху народности, с одной стороны, и в эпоху становления и расцвета нации, с другой, все же следует остерегаться механического или автоматического переноса исторических схем и исторических границ между разными этапами развития народности и нации в историю литературных языков. Нельзя не видеть и того, что характер отражения исторических процессов формирования и развития народностей и наций в истории общенародного разговорного языка и его диалектов и в истории литературного языка имеет существенно качественные отличия.

Все это говорит о сложности и своеобразии общественно-исторических условий развития литературного языка, о специфике законов этого развития сравнительно с историей общенародного языка, о глубоких — расчлененных и разносторонних — связях истории литературного языка с историей народа, с историей его материальной и духовной культуры. Исследователь истории литературного языка (не «чужого», а сложившегося на народно-диалектной основе), воссоставивший его систему в тот или иной момент развития, должен определить ее отношение к системе данного общенародного языка в грамматическом, лексическом и фонетическом аспекте и далее следить за исторически заменяющимися формами взаимодействий и взаимоотношений этих систем. Возникает вопрос о соотношении движения общенародного языка в целом с движением литературного языка, о темпах и направленности этих движений; о существе и пределах их расхождений. За этим вопросом, естественно, следует ряд других, с ним тесно связанных: не происходит ли в период национального развития по-

степенное, но непрерывное уменьшение расхождения между литературным и народно-разговорным языками? Какую роль играет художественная литература в этом процессе и т. п.

В истории литературных языков должны быть выделены и очерчены основные периоды их развития, должны быть определены главные пути и направления этого развития. Тем самым значительно приблизится и решение проблемы общих закономерностей истории литературных языков. Среди тех вопросов, исследование которых чрезвычайно существенно для уяснения специфических законов литературно-языкового развития, следует особенно подчеркнуть три: 1) вопрос об исторических взаимодействиях литературного языка и языка художественной литературы; 2) вопрос о «стилях языка» и «стилях речи» в истории литературных языков и 3) вопрос о процессах нормализации в развитии литературного языка, об их социальной сущности, о содержании и объеме понятия литературной нормы в разные периоды истории языка.

В истории развития литературных языков огромную роль играет художественная литература. Применительно к новейшим эпохам истории национальных литературных языков для современных лингвистических исследований типично полное отождествление литературного языка с языком художественных произведений (ср. историю французского языка в изложении Ф. Брюно, «Историю русского литературного языка» проф. А. И. Ефимова и др.). Эта тенденция к смешению и даже слиянию литературного языка с языком художественной литературы мешала и мешает установить закономерности развития отдельных — восточных и европейских — национальных литературных языков в XIX и XX вв., например русского, польского, румынского, французского и т. д. Между тем развитие стилей художественной литературы, очень тесно связанное с развитием литературного языка, имеет свои закономерности и определяется своеобразными, специфическими категориями словесно-художественного искусства.

В истории литературно-словесного искусства народов, между которыми существуют тесные культурно-исторические связи и которые, хотя и разными темпами, проходят более или менее однородный путь социально-исторического движения (конечно, с национально-индивидуальными видоизменениями), наблюдается известная общность тенденций художественного развития. Венгерский романист Л. Гальди в критическом разборе работ А. И. Ефимова по вопросам истории русского литературного языка и языка русской художественной литературы справедливо отметил, что в XVIII в. влияние стихотворной стилистики на язык прозы — явление общеевропейское. Оно наблюдается, например, в русской, французской, итальянской литературах. Проза пишется цветистым «поэтическим» стилем. Предпочтение стиля более трезвого, точного и простого начинается во французской литературе с Вольтера, который сразу же находит себе блестящего сторонника в немецкой литературе в лице Лессинга. Трудно отрицать воздействие этих тенденций на творчество Карамзина¹.

Известно, что хотя стили художественной литературы и ориентируются на нормы литературного языка, вместе с тем они обнаруживают тенденцию — при соответствующей эстетической мотивировке — отступать от них. В разных жанрах художественной литературы (например, в драматургии, в диалогической речи повести, романа, в разных формах сказа и т. п.) принципы отбора выражений и способы их конструктивных связей

¹ См. L. G á l d i, Trois études de A. I. Efimov sur la langue littéraire russe, «Acta linguistica», t. V, fasc. 1—2, Budapest, 1955, стр. 249, примеч. 63.

бывают подчинены задачам речевого построения образов персонажей из разной социальной среды, иногда очень далекой от носителей литературного языка и его норм.

Сложен вопрос о соотношении литературных жанров и стилей литературного языка. В одних исторических условиях стили языка прочно сочетаются и объединяются с теми или иными литературными жанрами; в других условиях в стилевые и композиционные формы литературных жанров включаются самые разнообразные по своему стилистическому характеру и качеству речевые средства, и тогда соотношение между литературными жанрами и стилями языка делается иным — противоречивым и смешанным.

Несмотря на возрастающее стремление построить историю литературного языка, особенно по отношению к новому периоду, на основе изменения и развития его стилей, в этой области пока все еще преобладают субъективные и, следовательно, антиисторические приемы исследования. Кроме того, применение стилистических критериев к разграничению языковых разновидностей при изучении литературного языка древнейшей эпохи очень затруднительно. Неясен вопрос об отличиях древнего литературного языка в собственном смысле от языка старинных письменно-деловых памятников. Критерий «литературности» языка в конкретно-историческом плане недостаточно точно определен. Сравнительного изучения и сопоставления языка старинных деловых текстов с языком художественных произведений той эпохи обычно не производится.

Само собой разумеется, что историческое углубление стилистических исследований литературных языков зависит во многом от теоретической разработки основных понятий и категорий стилистики как лингвистической дисциплины.

Следует выделить центральные, наиболее важные вопросы, на которых необходимо сосредоточить изучение литературных языков в их образовании и развитии. Эти вопросы следующие:

1. Исторические взаимоотношения и взаимодействия письменного языка, литературного языка в собственном смысле, народно-разговорного языка и диалектов в разные периоды истории народов и в разных конкретно-исторических условиях.

2. «Чужие языки» в функции литературных языков. Их влияние на последующие судьбы народно-литературных языков, формирующихся на базе живой речи соответствующего народа (роль санскрита в истории индийских языков; арабского — в истории языков тюркских и иранских; китайского — в истории языков корейского и японского; латинского и старославянского — в истории разных славянских языков и т. п.).

3. Международные характер «старых» литературных языков Востока и Запада.

4. Разграничение понятий «письменный язык» и «литературный язык» в разные периоды истории отдельных народов применительно к истории разных конкретных языков.

5. Исторические взаимодействия литературного языка и «языка» художественной литературы в истории культуры разных народов.

6. История литературного языка и истории литературно-словесного искусства народа.

7. Исторические взаимодействия и взаимоотношения разных литературных языков. Сюда примыкают вопросы изучения истории словарного состава разных литературных языков, а также отслоений того или иного «литературно-словесного фонда» в лексике разных литературных языков.

8. Специфика исторических законов развития литературных языков — соотносительно и сравнительно с историческими закономерностями развития соответствующих народно-разговорных языков.

9. Принципы периодизации истории литературного языка.

10. Различия в степени «народности» литературного языка, в объеме и содержании его функций в разные периоды развития народности и нации.

11. Понятия «стилей языка» и «стилей речи» в истории литературного языка.

12. Процессы нормализации в истории литературного языка, их социальная сущность и понятие нормы в разные периоды истории литературного языка.

13. Своеобразия развития литературных языков в условиях социалистического общества.

2

Проблема закономерностей истории языка в эпоху существования народности и ее перехода в нацию, а также в эпоху национального развития возникла в языковедении вместе с углублением и расширением марксистской исторической науки, марксистско-ленинской науки об обществе. Разработка этой проблемы отсутствовала в нашем отечественном языковедении досоветского периода.

Развитие языка на разных этапах истории общества (в эпоху существования племен, народностей, наций) представляет собой своеобразный процесс, обусловленный всей историей данного общества — экономической, политической, культурной, специфическими отличиями данного общества от других. Следовательно, эта проблема разрешается не одинаково для разных языков. Однако при всей своей сложности и при всем конкретно-историческом своеобразии этот процесс (по отношению к истории разных языков) включает в себе и общие черты.

Неравномерность и своеобразие развития различных народов создает в некоторых случаях специфические и неодинаковые условия для языкового развития отдельных народностей и наций: ср., например, существование разноразличных народностей в многонациональном феодальном и капиталистическом государстве (например, русское государство XIV—XVII вв., капиталистическая Россия); расчленение народности, развивающейся в нацию с вхождением отдельных ее частей в состав разных государств, и своеобразие языкового развития в этом случае (Польша, Украина); существование отдельных равноправных народностей с их различными языками в условиях многонационального социалистического государства; развитие народности в нацию в многонациональном социалистическом государстве и своеобразие развития языков в условиях Советского Союза.

Всеми этими историческими различиями обусловлена и специфика конкретных задач лингвистических исследований на материале разных языков. Наличие или отсутствие письменности в эпоху образования и развития народности, характер этой письменности, разнообразие или бедность ее жанровых и стилевых возможностей, соотношения письменного и общенародного языков, характер и глубина диалектных различий, конкретно-исторические условия самого формирования и развития народности, специфика процесса формирования той или иной нации — все это накладывает свой отпечаток на протекание языковых процессов и выдвигает на первый план постановку то одних, то других вопросов, входящих в общую проблематику исследования истории конкретного языка.

Для эпохи народности важны такие вопросы, как вопрос о формах существования диалектов, об условиях, вызывающих их развитие и дифференциацию, о взаимодействии диалектов в эту эпоху, о характере языка письменности (если письменность существует), о письменном и литературном языке того же периода, о соотношениях разных типов письменного языка с диалектами, о существовании или отсутствии в эту эпоху наддиалектной языковой нормы. Выяснение этих частных вопросов подчинено более общему вопросу о закономерностях развития языков народностей в различных конкретных исторических условиях.

По отношению к некоторым языкам может быть поставлен вопрос о развитии языков народностей более поздней формации («вторичных» народностей), образовавшихся на почве диалектов языка народности более ранней формации («первичных» народностей), например, языков русской (великорусской), украинской и белорусской народностей на основе диалектов языка единой русской народности более древней эпохи.

В некоторых случаях представляет значительные трудности разграничение родоплеменных союзов и народностей ранней формации. Например, в процессе формирования тюркских народностей на известных этапах их развития возникали крупные родоплеменные союзы, которые по степени консолидации были близки к народностям. Из некоторых подобных союзов впоследствии образовалось несколько народностей, у которых развились соответственно свои отдельные родственные языки. Так, например, из огузского союза образовались турецкая, азербайджанская и туркменская народности; из кыпчакской общности — каракалпакская, татарская, башкирская и др. народности, которые развили свои отдельные, хотя и близко родственные языки.

При изучении позднейших эпох существенно исследование следующих вопросов: языковые процессы, характеризующие развитие национального языка, их постепенность и длительность (от эпохи, когда еще только намечаются предпосылки к развитию нации в связи с ликвидацией феодальной раздробленности, с образованием национального рынка, с постепенным развитием капиталистических отношений, до эпохи существования развитого национального языка, обслуживающего капиталистическое общество), изменения, происходящие в функционировании общенародного разговорного языка, в соотношении литературного языка и диалектов, в специфике самого литературного языка в связи с развитием национального языка из языка народности; вопрос о наддиалектной языковой норме; вопрос о диалектной основе национального языка; изменения в звуковой, грамматической и лексической структуре языка; новые тенденции в области нормализации национального литературного языка, оказывающего все более сильное влияние на сферу диалектной речи.

Центральное место в изучении процессов развития общенародных языков в разные исторические эпохи занимает проблема исторических изменений в соотношении общенародного языка и местных диалектов. Сюда относятся следующие вопросы:

Характер единства общенародного языка в разные эпохи, наличие или отсутствие наддиалектной нормы. Возрастающая самостоятельность отдельных диалектов и развитие на их почве самостоятельных языков в определенных исторических условиях. Утрата диалектами своих характерных особенностей и их нивелировка в других исторических условиях.

Характер различий между диалектами разных языков в разные эпохи. Вопрос о том, в какой мере эти различия охватывают разные стороны структуры языка (словарный состав, грамматический строй, фонетическую систему) и насколько они глубоки.

Вопрос о роли процессов языковой дифференциации и интеграции близко родственных диалектов в разные эпохи. Вопрос о времени, когда диалекты становятся категорией пережиточной.

Как известно, в позднейшие эпохи истории языков (начиная с эпохи, когда языки народностей развиваются в национальные языки) постепенно прекращается образование новых резких диалектных различий, хотя существующие диалектные различия, в особенности на ранних этапах развития национального языка, обладают очень значительной устойчивостью. Таким образом, диалекты постепенно становятся категорией пережиточной. Их состояние теперь определяется не внутренними признаками их «систем», а дифференциальными отличиями в отношении к общенациональному языку. Они постепенно утрачивают свою самобытность, нивелируются, вливаясь в национальный язык.

Утрата диалектами своей самобытности, связанная с расширением территории употребления общих для всего языка черт за счет вымирания особенностей специфически диалектных, заметно меняет сложившуюся в более раннюю эпоху (когда развивались диалектные различия) картину географического размещения соответствующих явлений.

Изучение данных лингвистической географии в их динамике, в связи с данными внутренней истории языковых явлений, в связи с фактами их частичного отражения в языке памятников, с одной стороны, и в связи с историей самого носителя изучаемого языка — народа, с другой, обеспечивает возможность путем последовательного «снятия» результатов позднейших процессов до известной степени воссоздать историю образования данного языка в его диалектах.

Вместе с тем проблема развития языков народностей и наций не относится полностью к сфере исторической диалектологии, а включает в себя в качестве одного из важнейших компонентов вопрос о письменном, литературном языке, о различиях в общественно-исторических условиях его развития в разные эпохи истории народа.

Разрешение основных задач исторического изучения языков СССР требует широкого исследования первоисточников (современных языков и письменных памятников).

На первый план должны быть выдвинуты следующие три задачи: 1) изучение по определенному, заранее составленному плану диалектов языков народов Советского Союза; 2) издание и исследование письменных источников истории языка; 3) составление исторических и диалектологических словарей.

Изучение диалектов языков народов Советского Союза должно вестись в следующих направлениях:

По языкам, ранее не изучавшимся или мало изучавшимся, необходимо проводить «первоначальное накопление» материала, т. е. составлять полные описания отдельных наиболее отличающихся друг от друга диалектов, чтобы можно было уяснить характер диалектных различий в этих языках в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава. Сюда относятся, например, такие языки, как языки народов Севера, мордовский, чувашский, марийский, бурят-монгольский.

По языкам, уже достаточно изученным, с установленными в основном диалектными различиями, необходимо составление диалектологических программ — теоретического и методического документа, учитывающего уже известные диалектные различия и предназначенного для систематического сбора материала. Эти программы должны равномерно охватывать всю территорию данного языка; они должны быть построены по принципам лингвистической географии, т. е. служить для составления диалектологических атласов соответствующих языков. Такая работа должна быть

проведена, например, по армянскому, грузинскому, азербайджанскому, узбекскому, казахскому, киргизскому, коми языкам.

Наконец, по языкам, уже имеющим такие программы, следует продолжать собирать материалы и составлять диалектологические атласы. Как известно, в настоящее время уже составляются атласы русского, украинского и белорусского языков, литовского и латышского языков, подготовлены диалектологический атлас карельского языка и атлас болгарских говоров, распространенных на территории СССР. Диалектологический атлас русского языка, состоящий из ряда самостоятельных атласов отдельных частей Европейской территории СССР, как известно, частью уже составлен. Наряду с работами в области лингвистической географии, конечный результат которых должен быть зафиксирован в серии лингвистических атласов языков народов Советского Союза, необходимо продолжать дальнейшее монографическое изучение диалектов.

Известно, что развитие науки обеспечивается постоянным развитием ее материальной базы, расширением круга источников, интенсификацией их разработки. Поэтому необходимо ввести в научный обиход новые письменные источники русского языка и других языков с древней традицией письменности. В этом важнейшая предпосылка дальнейшего развития истории отдельных языков как науки.

На основе всего имеющегося фактического материала необходимо поставить на очередь создание обобщающих трудов по истории русского языка и истории других языков народов Советского Союза. Историческое исследование развития языков в условиях существования народностей и наций должно получить крепкую опору в достижениях сравнительно-исторического языкознания.

3

Широкое развертывание научно-исследовательской работы в области сравнительно-исторического изучения языков неизбежно вытекает из самого существа марксистского языкознания, предусматривающего изучение языковых явлений не только в их синхронном состоянии, но также в процессе их исторического становления и развития.

Гармоничное сочетание исследований чисто описательного характера с исследованиями, посвященными изучению истории различных языков, при соблюдении необходимых пропорций между ними, является первейшим условием нормального развития языковедческой науки, предотвращающим ее от застоя и прозябания.

Современная компаративистика представляет высокоразвитую отрасль языковедческой науки. В ее активе — проверенный многолетний опыт и все время совершенствующиеся приемы изучения истории языков. В процессе поступательного развития сравнительно-исторического изучения семей и групп языков все время выдвигаются новые проблемы, касающиеся более углубленной и точной характеристики языка-основы, конкретных путей его распада, характера связей языков, возникших в результате его распада, между собой и с языками иного происхождения. Привлечение новых этимологий, а также изучение текстов на вновь открытых индоевропейских языках позволили внести значительные коррективы в понимание структуры индоевропейского корня, характера ударения, типов основ и т. д. Поэтому успешное развитие сравнительно-исторического языкознания в настоящее время совершенно немислимо без использования всего того положительного, что было создано языковедческой наукой прошлого, и без учета всех новейших достижений в этой области.

Советский Союз, на территории которого насчитываются десятки раз-

личных языков, представляет широкое поле деятельности для компаративиста. Казалось бы, богатейшие возможности изучения истории различных языков должны были бы способствовать бурному развитию компаративистики в нашей стране и широкому развертыванию сравнительно-исторических исследований. Однако в действительности пока еще наблюдается иное. Необходимо совершенно открыто и без всяких оговорок признать, что сравнительно-историческое изучение различных групп языков у нас находится в очень тяжелом состоянии. В прошлом русская лингвистическая наука выдвинула крупнейших компаративистов своего времени, таких, как Фортунатов, Шахматов, Богородицкий и др., в настоящее же время наша компаративистика почти совершенно оторвалась и изолировалась от общего русла поступательного движения этой отрасли науки за рубежом.

За период времени с 1950 г. по 1955 г. у нас не появилось ни одного нового исследования по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, которое значительно продвинуло бы вперед эту науку. Мало сделано за последние годы в области сравнительно-исторического изучения даже таких языков, как славянские. В 20-ые годы XX в. у нас велась большая работа по сравнительно-исторической грамматике славянских языков (труды Г. А. Ильинского, Д. В. Бубриха, М. Г. Долобко, Е. Ф. Карского, А. М. Селищева, Б. М. Ляпунова, Н. Н. Дурново и многих других исследователей). Эта работа была приостановлена в результате деятельности представителей «нового учения» о языке.

После лингвистической дискуссии 1950 г. были опубликованы две монографии по славянской акцентологии члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского и ряд статей его же и других авторов, но работа по сравнительно-историческому изучению славянских языков не развернулась еще достаточно широко. После выхода в свет обобщающих трудов члена-корр. АН СССР Я. М. Эндзелина по сравнительно-исторической грамматике балтийских языков не появилось новых работ в этой области, хотя литовскими диалектологами за последнее время собраны материалы, представляющие существенный интерес для балтийского языкознания.

У нас отсутствует сравнительно-историческое изучение «тохарских» языков, несмотря на то, что наличие «тохарских» рукописей в советских музеях создает благоприятные условия для исследования этих языков. Количество специалистов по индийским языкам недостаточно. Совсем заглохло сравнительно-историческое изучение греческого языка; советские лингвисты еще не включились в работу по исследованию древнейших греческих текстов, открытых благодаря расшифровке крито-микенского линейного письма В. Не развернулась и работа по самостоятельному изучению вновь открытых индоевропейских языков Малой Азии.

Неблагополучно обстоит дело и в области сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков. Отличительной особенностью нашего дореволюционного финно-угроведения является почти полное отсутствие работ в области сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков. Все работы по финно-угроведению, изданные в России до Великой Октябрьской революции, носили чисто описательный характер. В России, в отличие от таких стран, как Финляндия, Венгрия и др., никогда не было сильной школы финно-угроведов компаративистов. Поэтому навыки применения сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков у нас мало прививались. В послеоктябрьский период член-корр. АН СССР Д. В. Бубрих впервые положил начало русскому сравнительно-историческому финно-угорскому языкознанию. Однако засилие марризма в советском языкознании не давало возможности Д. В. Бубриху развернуть в полной мере эту деятельность. После смерти Д. В. Бубриха, если

не считать отдельных работ проф. В. И. Лыткина и проф. П. А. Ариста, изучение истории финно-угорских языков, особенно восточных, почти прекратилось. Не ведется также широких исследований связей финно-угорских языков с самодийскими. Вопрос о генетических связях других языков народов Севера также не находится в центре внимания специалистов по этим языкам.

Сравнительно-историческое изучение тюркских и монгольских языков в нашей стране может опираться на значительные достижения наших тюркологов и монголистов. Сравнительное исследование тюркских языков, начатое В. В. Радловым, было продолжено Н. Ф. Катановым, Н. И. Ашмаринным, С. Е. Маловым, Н. К. Дмитриевым и другими нашими тюркологами. В развитии сравнительно-исторической грамматики монгольских языков эпоху составили труды акад. Б. Я. Владимирцова. В Советском Союзе проделана огромная работа по изучению ранее мало известных или совсем неизвестных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и диалектов. Но результаты этой работы еще в совершенно недостаточной степени используются для создания систематических сравнительно-исторических грамматик этих групп языков и для решения вопросов родства алтайских языков посредством применения методов современной компаративистики. Как в ряде прежних работ по этим языкам, так и в некоторых более новых работах не используются приемы реконструкции, понятие сравнительно-исторического исследования родственных языков иногда смешивается с понятием сопоставления этих языков.

Недостаточная строгость метода характерна и для некоторых работ по так называемым «иберийско-кавказским» языкам. Советские кавказоведы обращают серьезное внимание на сравнительно-историческое изучение этих языков. Однако для установления звуковых соответствий, связывающих все иберийско-кавказские языки, пока нет достаточной базы, которую могут подготовить лишь дальнейшие интенсивные этимологические исследования. При установлении звуковых соответствий между отдельными группами иберийско-кавказских языков часто наблюдаются нарушения оправданных практикой основных правил установления языкового родства. К наиболее существенным недостаткам подобного рода исследований могут быть отнесены следующие:

1. При установлении соответствий выбирается отдельное слово, облик которого прослеживается в ряде языков. Для подтверждения того же соответствия другие слова параллельно не анализируются.
2. Корень слова обычно низводится до одного согласного.
3. Архетипы общекавказского языка-основы не реконструируются.
4. Для подкрепления мало убедительных соответствий нередко делаются ссылки на наличие типологических сходств между отдельными иберийско-кавказскими языками.

Нет ничего удивительного в том, что индосвроноисты, привыкшие к строгой методике сравнительно-исторических исследований, не могут признать эти первые опыты по установлению родства между отдельными иберийско-кавказскими языками достаточно убедительными.

В чем заключаются причины, приведшие к такому исключительно тяжелому положению в области сравнительно-исторического изучения различных групп языков? Основная причина — двадцатилетнее господство «нового учения» о языке Н. Я. Марра, почти полностью ликвидировавшего развитие сравнительно-исторического языкознания в Советском Союзе. Приемы и методы сравнительно-исторического изучения языков, проверенные многолетней практикой, были объявлены идеалистическими, антимарксистскими и устаревшими. Пренебрежительное отношение ко всему тому, что происходило за рубежом в области

сравнительно-исторического языкознания, как заведомо идеалистическому и порочному, фактически вело к глубокому отставанию этой отрасли лингвистической науки.

Между тем, несмотря на наличие в зарубежном языкознании целого ряда новых направлений, далеких от компаративизма (структурализм, неогумбольдтианство и т. д.), все же нельзя говорить о каком-либо застое этой науки. На протяжении последних 25—30 лет сравнительно-историческое языкознание за рубежом несомненно развивалось, происходило улучшение методики сравнительно-исторических исследований, выражавшееся в уточнении относительной хронологии реконструируемых фактов, в более глубоком изучении одинаковых тенденций развития родственных языков, в применении достижений лингвистической географии (ареальная лингвистика), в дальнейшем развитии теории субстрата, в стремлении осознавать факты языка определенного исторического периода как систему, в применении фонологических методов. Значительных успехов достигла за рубежом хеттология. В широком масштабе производятся этимологические исследования.

За время господства марризма необходимая подготовка языковедов-компаративистов в нашей стране фактически отсутствовала. Можно без всякого преувеличения сказать, что почти 95% языковедов, получивших подготовку в этот период, не имеет необходимых навыков сравнительно-исторического исследования языков. Особенно это относится к языковедам национальных республик. Почти во всех наших национальных республиках в настоящее время выполняются научно-исследовательские работы чисто описательного характера (составление словарей и грамматик). Изучение диалектов производится главным образом ради описания самих диалектов. Никаких выводов для истории языков из этого изучения чаще всего не делается. Развитию сравнительно-исторических исследований в значительной степени мешает также недостаточная подготовка аспирантов-языковедов, специализирующихся чаще всего по одному языку и не знающих в достаточной степени других языков, родственных языку их специальности.

Для ликвидации этого ненормального положения, с которым в настоящее время больше уже нельзя мириться, необходимо принять наиболее эффективные и действенные меры. Первостепенной задачей в ряду мероприятий по ликвидации отставания в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков следует считать критический анализ научного наследия русской науки в области компаративистики, а также критическую оценку новейших историко-фонетических, историко-морфологических и историко-лексикологических гипотез, появившихся в индоевропеистике за последние 25—30 лет, и выявление всех обоснованных элементов этих теорий, которые могли бы быть использованы для перестройки сравнительной грамматики индоевропейских и иных языков. Прошлый опыт с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что нередко тенденциозная критика этих теорий, выражающаяся в их огульном охаивании без достаточного проникновения в сущность дела, не только не способствовала дальнейшему развитию сравнительно-исторического индоевропейского языкознания в нашей стране, но и приводила к его отставанию.

Большие задачи стоят перед исследователями в области дальнейшего усовершенствования методики сравнительно-исторических исследований: разработка принципов сравнительно-исторического синтаксиса, улучшение методики этимологических исследований. Важное организующее значение могло бы иметь создание обобщающих трудов, посвященных истории образования и развития отдельных языковых групп. Необходимо также

направить внимание на сравнительно-историческое изучение тех языков, которые в истории нашего отечественного языкознания никогда не были объектами такого изучения, а также приступить к самостоятельной разработке материала вновь открытых или впервые исследованных в XX в. древнеписьменных языков, относимых к индоевропейской семье («тохарские», хетто-лувийские).

Критическая оценка научного наследия финно-угроведческой науки и всех новейших достижений в этой области также является одной из первоочередных задач нашего финно-угроведения. Однако здесь, пожалуй в гораздо большей степени, чем в области индоевроеистики, придется обратить внимание на оживление различных слабых участков работы, приступить к изучению истории отдельных групп финно-угорских языков с целью создания сравнительно-исторических грамматик по этим языкам. Чрезвычайно важным следует также считать создание обобщающего труда по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Успешное сравнительно-историческое изучение самодийских языков в значительной степени будет зависеть от создания базы для такого изучения, которую должно подготовить детальное исследование всех ныне существующих самодийских языков и их диалектов.

Важнейшими задачами в области сравнительно-исторического изучения тюркских языков следует считать обобщение данных, полученных в результате изучения диалектов различных тюркских языков, организацию этимологических исследований в самом широком масштабе с целью установления точных звуковых соответствий между отдельными тюркскими языками и создание действительно научной классификации тюркских языков.

В области сравнительно-исторического изучения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и алтаистики предстоит дальнейшая работа над созданием сравнительно-исторической грамматики монгольских языков с применением метода реконструкции, организация в широком масштабе этимологических исследований, составление общеалтайского этимологического словаря, а также выявление отношений корейского и тунгусо-маньчжурского языков к тюркским и монгольским языкам.

Сравнительно-историческое изучение иберийско-кавказских языков предполагает прежде всего создание необходимой базы для сравнительно-исторических исследований. Это означает, что должны быть изучены прежде всего языки, до сих пор не изученные. Как уже говорилось выше, успешное выявление звуковых соответствий немислимо без организации широких этимологических исследований. Необходимо также приступить к созданию сравнительно-исторических грамматик тех групп иберийско-кавказских языков, которые в настоящее время можно считать более или менее изученными, например картвельских. Особую задачу составляет изучение родственных отношений древнеписьменных языков Передней Азии (шумерского, эламского и др.).

Так сложны и многообразны задачи, стоящие перед советским языкознанием в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков. Концентрация научных сил на исследовании основных лингвистических проблем является действенным фактором быстрого подъема советского языкознания. Решение важнейших задач в области истории литературных и народно-разговорных языков разных стран мира, а также в области сравнительно-исторического изучения языковых семей и групп неразрывно связано с дальнейшим развитием и углублением марксистских основ языкознания.

И. ЛЕКОВ

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

Вопрос о том, должны ли в будущей сравнительно-исторической грамматике славянских языков занять важное место и такие явления, которые со времени самостоятельного существования этих языков развиваются в них параллельно, еще не разрешен и поэтому его следует подвергнуть обсуждению. Известно, что по мнению некоторых исследователей в этих случаях уместнее ставить вопрос только о сопоставительном рассмотрении соответствующих фактов. Как бы то ни было, такие явления существуют и к тому же в самой важной составной части языка — грамматическом строе, где они обязаны своим возникновением или общим унаследованным тенденциям, действующим в некоторых из славянских языков независимо от их географической близости, или — в более сомнительных случаях — влиянию чуждых языковых систем. Несмотря на то, что подобные наблюдения не единичны, действительность в этом отношении как будто еще богаче, и возможности открыть новые черты, существенные для классификации славянских языков, еще весьма многообразны. Так, если посмотреть на современную грамматическую структуру славянских языков с типологической точки зрения и поискать в ней элементы другого, нефлективного строя независимо от происхождения подобных явлений, то обнаружатся признаки известной пестроты, своеобразной неравномерной склонности к освоению таких структурных приемов, которые напоминают собой либо агглютинирующие, либо изолирующие языки¹.

Эти признаки, разумеется, могут быть использованы для построения новой синхронической классификационной схемы в отношении славянской языковой группы. Не подлежит сомнению при этом, что такое сопоставление не делает излишней генеалогическую классификацию, сохраняющую свое решающее значение при определении отношений между славянскими языками. Однако сопоставление это вскрывает тенденции, которые имеют как частное, так и общетеоретическое значение для современного описательного сравнения славянских языков и разбивают полностью старые теории о чистых морфологических типах и о строгой последовательности перехода из одного типа в другой или, наконец, утверждения о преимуществе флективного языкового типа, который, по ошибочному мнению некоторых, якобы наиболее совершенен и представляет последнюю фазу развития.

¹ Оправдание подобной попытки можно обнаружить и во «Введении в языковедение» А. С. Чикобава, где типологическая классификация расценивается следующим образом: «Следовательно, морфологическая классификация при всех ее недостатках не лишена определенного значения как для разработки описательной грамматики, так и в плане изучения исторической грамматики соответствующего языка» (ч. I, 2-е изд., М., 1953, стр. 190).

Немногочисленные старые, несистематизированные и разбросанные, но тем не менее полезные сведения о проявлении в грамматическом строе яного, нефлективного типа, а также и новые наблюдения дают материал для ответа на ряд вопросов методологического и фактического характера, связанных как с историей, так и с современным состоянием национальных славянских языков.

В настоящей статье будет сделана попытка охарактеризовать наиболее типичные из этих явлений и показать, какие из славянских языков затронуты ими в большей степени, какие новые взаимоотношения намечаются здесь и в какой связи находятся данные факты с известными до сих пор классификационными критериями. Этим будет положено начало исчерпывающей разработке проблемы в указанном направлении.

Как известно, чешский языковед В. Скаличка допускает, что индоевропейский язык-основа обнаруживал черты и агглютинации, и флексии, но развивался в сторону флективного типа¹. В области склонения это отнесется особенно к восточной половине индоевропейских языков, к которой принадлежат и славянские языки. Согласно мнению Скалички, в них зарождается теперь новая тенденция к агглютинации, а это значит, что в данной части индоевропейских языков можно указать как старые, так и новые черты агглютинации. Из числа старых черт назовем такие, как группировка склонений в зависимости от конечного звука основы, процесс слияния склонений, образование форм именительного падежа без окончания. К новым чертам Скаличка причисляет тип чешского склонения имени *Jirí*: род. падеж *Jirího*, твор. падеж *Jirím*, выражение *svatého Jirí* (только с одним окончанием), как в венгерском языке, и вообще отсутствие падежных окончаний в титулах; силлабический синхронизм при перегласовках в польском и чешском языках; наконец, перенесение окончаний из одного склонения в другое: ср. сербо-хорватские окончания *-ma* в дательном, творительном и местном падежах множественного числа и *-om* в творительном падеже женского рода единственного числа. Кроме того, в качестве отличительных черт агглютинирующих языков вообще Скаличка указывает еще на отсутствие синонимии, омонимии и супплетивизма, на наличие многочисленных инфинитивов и причастий, на редкое появление подчиненных предложений, несвободный порядок слов и др.²

Поскольку агглютинирующие языки выражают отдельные грамматические значения суффиксами, присущими только этим значениям, можно было бы считать, что там, где в славянских языках, в основном флективных, наблюдается подобная тенденция, это является уже элементом агглютинирующего грамматического строя³. В таком случае ближе к агглютинирующему типу будут стоять те из славянских языков, которые создали меньшее количество полиморфных и омонимичных падежных форм, хотя это и не означает еще полного сходства с агглютинирующим типом⁴. Более существенным в этом отношении является очень частое употребление инфинитива и причастных форм (особенно в древнеболгарском языке), а также склонность к безглагольным предложениям и к именной конструкции.

¹ См. V. Skalička, *Vývoj české deklinace*, Studie typologická, Praha, 1941, стр. 1 и сл., 35 и сл., 40 и др.

² См. там же, стр. 4.

³ Ср. подобное предположение у В. Доросевского (W. Doroszewski, *Podstawy gramatyki polskiej*, część I, Warszawa, 1952, стр. 134).

⁴ При этом русский и словенский языки нужно было бы считать более флективными, чем остальные славянские языки, потому что они уподобили формы звательного и именительного падежей единственного числа. Но самая утрата какой-нибудь падежной формы уже является признаком аналитизма (изоляция). Следовательно, условность подобных единичных сопоставлений очевидна.

ции, заменившей собой предложения со вспомогательным глаголом *быть* в настоящем времени (ср. русск. *он мастер* и т. п.). На основании указанной особенности, свойственной восточнославянским языкам, можно вывести уже более серьезные заключения относительно тенденций грамматического развития этой преобладающей части славянской языковой семьи. Тенденция к пропуску вспомогательного части глагола в 3-ем лице единственного числа прошедшего сложного времени наблюдается не только в болгарском языке, но также и в сербо-хорватском, особенно у возвратных глаголов и при наличии нескольких глаголов в одном предложении; ср. *био је један човек* (вместо *био је један човек*), *родио се* (вместо *родио се је*) и т. п.

Чешский языковед К. Горалек, обращая внимание на эти черты специально в русском языке¹, считает, что русский язык ближе к типу агглютинирующих языков, с которыми он имеет и более непосредственный географический контакт, чем чешский. Соответствующие признаки Горалек видит и в ослаблении согласования (конгруенции) между главными членами предложения, хотя и в чешском языке наблюдается несогласованность в таких сочетаниях, как *bratrovo dům* и т. п.²

Проявление агглютинации замечается и в склонении иноязычных слов, обычно более новых, из категории неосвоенных (нем. *Fremdwörter*), особенно же в склонении иностранных личных имен в отдельных славянских языках; ср., например, сербо-хорв. род. падеж *Русо-а*, дат. *Русо-у*, твор. *Русо-ом*; род. *Гете-а*, дат. *Гете-у* и т. д.

Интересным остается вопрос о том, как рассматривать древнеболгарские формы типа *чесого*, *чесомоу* и т. п.: считать ли, что в них налицо обычная аналогия, действовавшая после того, как фузия стала причиной так называемой перинтеграции, т. е. расширения основы, имевшей окончание *-so*, или что здесь проявляется стремление, подобное тому, которое свойственно агглютинирующим языкам, и заключающееся в свободном прибавлении нового окончания к форме, имевшей уже свое окончание. Такие явления наблюдаются на славянской почве и в различных других случаях (ср. словенские формы *dneva*, *dnevu*, *dnevom*, *dnevi*, *dnevo* и т. д.).

Свободное согласование имен числительных друг с другом или с другими словами в единственном числе в некоторых славянских языках также свидетельствует о стремлении как к агглютинации, так и к изоляции. Но эти явления носят уже синтаксический характер (см. ниже).

Приставки и суффиксы в славянских языках обычно сохраняют свои границы в пределах слова, напоминая агглютинирующий тип, хотя в сербо-хорватском и отчасти в чешском и словацком языках наблюдается склонность к стиранию префиксальной границы, особенно в случаях геминации³. Для болгарского языка типично частое нагромождение глагольных приставок, усиливающее впечатление об этой словоизменительной агглютинации.

Некоторые исследователи считают существенным признаком агглютинации в болгарском языке способ образования степеней сравнения прилагательных и наречий при помощи частиц *по-* и *най-*. Подобная черта в той или иной степени свойственна и остальным славянским языкам. Специ-

¹ См. K. Hořálek, *K charakteristice ruštiny*, «*Kniha o překládání*», Praha, 1953, стр. 154. Примеров автор не приводит.

² Ср. V. Škálíčka, указ. соч., стр. 4.

³ Ср. мою работу «Фонологичната стойност на удължените и удвоени съгласни звукове в славянските езици» («Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, кв. XXXVI. 4, 1940).

флексической особенностью болгарского языка оказывается здесь употребление в разговорной речи частицы *по-* и с другими частями речи; ср. *той е по-майстор от тебе, ти по-играеш от него*. Еще более характерным для болгарского языка является прием словообразовательной агглютинации при образовании относительных местоимений и наречий от соответствующих вопросительных местоимений при помощи суффикса *-то*; ср. *който, когато, защото* и др.¹

В более широком, свободном смысле признаки агглютинирующего морфологического строя можно было бы усмотреть и в формах именительного падежа двойственного числа 1-го и 2-го лица личного местоимения в словенском языке, которые образованы путем «приклеивания» имени числительного *dva* к местоимению: *midva, vidva* < *mi + dva* и т. д.

Безусловно прав Б. Гавранек, указывающий среди задач славянского сравнительного языкознания на необходимость исследования отношений между агглютинирующими и флективными элементами в склонении². Однако не менее типичные для агглютинации структурные приемы наблюдаются и в спряжении различных славянских языков. Здесь прежде всего надо указать на польский язык. Ср. образование форм прошедшего времени и условного наклонения, а также формы настоящего времени вспомогательного глагола *być* «быть» и некоторые другие глагольные формы типа *winiennem, powinienem*, образованные от имен прилагательных.

В формах прошедшего времени в польском языке обнаруживается четкая граница между окончаниями и глагольной основой. Окончания здесь «приклеены» к основе, как в агглютинирующих языках. На это указывает ударение во множественном числе, еще не ставшее *penultima*, так как формы еще не срослись, не представляют окончательно одну лексическую единицу (ср., например, *pracowałem, pracowałam, pracowałeś, pracowałas, pracowaliśmy* и т. п.). На это же указывает и тот факт, что личные окончания могут свободно отрываться от глагольной формы и присоединяться к другой части речи, предшествующей глаголу (ср. *I takeśmy pracowały do rana, myśmy to zrobili* и т. п.).

Тем же качеством обладают и польские формы условного наклонения: *pisalbym, pisalbyś, pisalbyśmy* и т. д. В них подвижная часть присоединяется к форме причастия прошедшего времени. Возможности прибавления второй составной части слова к другим словам предложения здесь более ограничены, но все же существуют (ср. предложения: *przypuszczam, żebym mógł zrobić* и *dobrze by się zdarzyło*). Отчетливая структура этих форм, образованных в относительно недавнее время, удостоверяется опять-таки ударением, которое еще не парокситонично.

Агглютинирующая структура наблюдается и у некоторых форм вспомогательного глагола *być* (ср., например, *jestem* < *jeśm* через 3-е лицо *jest + em*), а также у различных форм тех глаголов, которые образованы от имен прилагательных и имеют, как и причастия прошедшего времени, родовые отличия, например: *winiennem, -eś, winien, winniśmy, -ście, winni, winienbym, -byś, winienby* и т. д.³

В русском языке такие формы, как *идёмте, бежимте*, соответствующие болг. *да идемте* и т. п. в диалектном и просторечном употреблении, являются типичными образованиями агглютинирующих языков. В университетском курсе морфологии современного русского языка к этой

¹ Ср. наблюдения Ю. С. Маслова в статье «О морфологических средствах современного болгарского языка» («Ученые записки ЛГУ», № 156, 1952, стр. 172, 173).

² См. B. Havránek, «Slavia», роён. XVIII, vol. 3—4 (1947—1948), стр. 267.

³ См. J. Tokarski, *Czasowniki polskie*, Warszawa, 1951, стр. 54—60.

категории причисляются и формы 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, как, например, *несите, лягте*, образованные от форм единственного числа *неси, ляг* и т. п.¹ А. А. Реформатский в качестве примера агглютинации в русском языке приводит также формы с возвратным суффиксом *-ся* и побудительной частицей *-ка*, например *двигающийся, пошла-ка ты вон, двинитесь-ка* и т. п., причем замечает: «но для строя русской грамматики это не типично»².

В болгарском просторечии наблюдаются случаи соединения наречия, употребленного в функции глагола, с глагольными окончаниями, например *да такова-ме, той е такова-л*. Правда, это явление вызвано контаминацией наречия с глаголом, особенно в речи прерывистой и недостаточно организованной, но по результату оно представляет агглютинирующую глагольную форму. Точно так же контаминация модальной побудительной частицы *хайде*, например, с глагольной формой *тръгвайте* дает «склеенную» по типу агглютинирующих языков форму *хайдете*, имеющую параллель в сербо-хорват. *айдемо* и т. п.³ Ср. также болг. *елате* (2-е лицо мн. числа) < н.-греч. *ἐλα* (2-е лицо ед. числа).

Сербо-хорватские формы будущего времени типа *навижнућемо, веселићемо* и т. п. и такие формы украинского потенциального будущего времени, как *писатиму*, соответствуют той же тенденции, а чередование сербо-хорватских форм будущего времени (*писаћу — ти ћеш бити писао* и под.) наминает отношения, вскрытые при рассмотрении польского прошедшего времени и условного наклонения⁴.

Наконец, типичный для болгарского и македонского языков способ присоединения постпозитивной членной формы, имеющей, особенно в женском и среднем роде единственного числа и всех трех родах множественного числа, очень отчетливые формы (*-та, -то; -те, -та*), можно было бы истолковывать не только как признак аналитичности, но и как структурную особенность, напоминающую агглютинацию⁵.

О проявлении аналитичности, характерной для изолирующего языкового типа, кроме множества фактов болгарского и македонского языков (отсутствие склонения и инфинитива, наличие членной формы и др.), свидетельствует и ряд черт, присущих другим славянским языкам⁶. Так, на основании анализа данных русского языка В. В. Виноградов приходит к выводу, что и русский язык не является по своему строю чисто синтетическим⁷. Аналогичные указания можно найти также в работах Бодуэна де

¹ См. «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952, стр. 287.

² А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1947, стр. 91.

³ Ср. А. Теодоров-Балав, *Нова българска граматика*, София, 1940, стр. 204, 378.

⁴ В сербо-хорватском языке **значительную** роль играют так называемые приставные гласные и частицы, **привлекаемые** по эвфоническим причинам как к именам, так и к глаголам (ср., например, твор. падеж от *добар — добром и добре; стаде* вместо *ста, стадох* вместо *стел* в прошедшем времени, *имабудем* наряду с *будем имао* в будущем времени и др.). Все эти случаи напоминают агглютинацию. О приставных гласных в славянских языках см. В. Н а в г а н е к, *Přísůvné vokály (flickvokale) v slovanských jazycích*, «MNHMA. Sborník na paměť čtyřicetileté učitelské činnosti prof. Josefa Zubatého», Praha, 1926.

⁵ Ю. С. Маслов **рассматривает** членную форму в современном болгарском языке как подвижную флексию, а не как подлинную агглютинацию или аналитическое средство, хотя и признает, что в историческом плане развитие членной формы — признак аналитичности (см. указ. соч., стр. 159, 179, 180, 191 и сл.).

⁶ Ср. новую попытку объяснения этих черт в упомянутых языках у В. Леттенбауэра (W. Lettenbauer, *Synthetische und analytische Flexion in den slavischen Sprachen*, «Münchener Beiträge zur Slavenkunde», 1953).

⁷ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 37 и 167.

Куртена, Богородицкого и Крушевского. Здесь нужно вспомнить прежде всего развитие местного падежа по направлению к аналитизму еще в древнеболгарском, а вслед за этим и в остальных славянских языках. Этот падеж все больше заслуживает названия «предложный», потому что употребление его без предлога уже редкость. Кроме того, и употребление других падежей все больше связывается с предлогами, а употребление некоторых даже с двумя или тремя. Так, например, в словацком языке замечается все более частое употребление творительного падежа с предлогом *s, so*¹.

В области имен числительных в южнославянских языках обнаруживается утрата падежных форм [в сербо-хорватском — у числительных от 5 до 10, в словенском — *dve sto* (200), *tri sto* (300), *pet sto* (500)].

Более типичным случаем аналитизма является один из способов образования сравнительной и превосходной степени в русском языке; ср. *более сильный, самый полезный* и др. Подобные формы возможны и в словенском языке: *bolj črn, bolj zdrav* и т. п. Для русского языка некоторые исследователи допускают, что выражения типа *таким образом* и т. п. в сравнении с соответствующими французскими свидетельствуют о расширении аналитизма². Аналитический грамматический прием, кроме того, обнаруживается и в области русского спряжения, а именно — в образовании форм сослагательного наклонения; ср. *я пришел бы*, где слово *бы* когда-то было спрягаемым. Параллелью здесь могут служить словацкие формы *nesol by som, nesol by si* и т. д., а также подобные образования в лужицком языке³.

Образцом аналитической конструкции в русском языке является прошедшее время, потому что, как известно, здесь личные местоимения замещают собой аффиксы (ср. *я был, ты был* и т. д.). Наконец, во всех славянских языках существуют аналитические формы для выражения будущего времени, а иногда и других сложных времен, например времен сослагательного наклонения и др. Некоторые из этих случаев отмечает Л. А. Булаховский⁴.

Развитие модальных частиц и появление все большего количества сложных предлогов и союзов, особенно в некоторых севернославянских языках, подкрепляет предположение об усилении аналитической тенденции (ср. польск. *z przed, po nad, z nad, zasz, nacz, przecz*, чеш. *tentyž, tyž*, сербо-хорв. *deder, nuder* и т. д.)⁵.

Целью данной статьи является не исчерпывающий обзор материала, что могло бы быть задачей будущего, а только приведение наиболее характерных примеров. Это относится и к тем фактам славянских языков, которые напоминают типичные черты изолирующего языкового типа: имеется в виду наличие неизменяемых слов — наречий, деепричастий и служебных слов. От количества и частоты употребления этих частей речи в каждом славянском языке и от тенденций их будущего развития зависит и условное установление роли элементов изолирующего морфологического типа во флективном — в основном — строе большинства современных славянских языковых систем.

¹ Ср. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфологии, кн. I, Вратислава, 1954, стр. 131.

² Там же, стр. 334.

³ Ср. В. Науганек, *Srovnávací studium gramatické stavby slovanských jazyků*, «Slavia», год. XXII, сод. 2—3, 1953, стр. 245.

⁴ См. Л. А. Булаховский II, Курс русского литературного языка, т. I, 5-е изд., Киев, 1952, стр. 232—233.

⁵ В этом случае аналитическая тенденция переключается формально и с полисинтетизмом, так как в результате получается сложное слово, осложненная структура.

Чертам полисинтетизма можно было бы уподобить — разумеется, очень условно — и процессы, происшедшие в славянских именах числительных от десяти и далее, так же как и склонность к образованию сложных слов, количество которых довольно велико в русском, польском и других славянских языках¹.

Выводы

Наличие элементов другого, нефлективного морфологического типа в структуре славянских языков не следует ни переоценивать, ни игнорировать. Наиболее ощутительно затронуты и даже преобразованы влиянием аналитических черт болгарский и македонский языки. Эти два языка преимущественно аналитичны, но имеют при этом остатки флективности и слабые единичные признаки другого морфологического строя, проявляющиеся иногда в просторечии. Остальная часть славянских языков продолжает свой путь развития в качестве языков флективного строя, который был характерен и для славянского языка-основы, хотя уже очень рано восточнославянские языки начинают развивать черты агглютинации и изоляции, а некоторые другие, как, например, польский, проявляют большую тенденцию к агглютинации, чем к изоляции. Чешский язык, флективный в более значительной степени, позднее всего обнаруживает (вообще очень слабые в нем) проявления агглютинации и некоторую склонность вследствие фонетических причин к аналитизму в области известных схем склонения. Словенский и лужицкие языки имеют самые незначительные примеси другого, нефлективного грамматического строя.

Как видно, классификация языков с подобной точки зрения очень условна. Но такова вообще и всякая иная классификация славянских языков. Наименее условным является то деление, при котором различают преимущественно флективные и преимущественно аналитические славянские языки. Различие между признаками агглютинации в восточнославянских языках, с одной стороны, и в польском, с другой, состоит в том, что в восточнославянских языках имеется большее количество подобных явлений, охватывающих разнородные структурные элементы и носящих обычно бессистемный характер, в то время как в польском языке они сильно типизированы в одной области, а именно — в области спряжения. Значительно противопоставлен агглютинирующим языкам чешский язык благодаря обилию в нем омонимичных форм в склонении. Своеобразие развития этого языка связано главным образом с воздействием фонетических правил на его морфологический вид. По мнению одних исследователей (например, Н. С. Трубецкого², А. Белича³ и др.), это ведет к изоляции (аналитизму), по мнению других, — это признак агглютинации, а согласно мнению третьих⁴, — это характерно для флективного типа. Все это показывает, насколько условна типологическая характеристика, позволяющая считать чешский язык либо многотипным, либо индифферентным ко всем морфологическим типам, кроме флективного. При этом можно было бы отметить, что и болгарский язык отчасти сближается с чешским в отношении возможности различной типологической (технически-морфологической) трактовки его типичных черт, например членной формы.

¹ Образование составных числительных В. В. Виноградов связывает с приемами агглютинации (см. указ. соч., стр. 305—306).

² См. N. Trubetzkoy, Gedanken über die slovakische Deklination, «Sborník Matice slovenskej», ročn. XV, č. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1937, стр. 42.

³ См. А. Белич, О языковой природе и язычком развитии, Белград, 1941, стр. 237.

⁴ Ср., например, V. Skalička, указ. соч., стр. 14.

Соотношение различных типологических черт в строе языка отражает разные эпохи развития. К тому же процессы их развития в общенациональном языке и диалектах не совпадают. Обычно чуждые типологические черты первоначально проявляются в диалектах (ср. развитие соответствующих процессов в болгарском и чешском языках), хотя это положение и нельзя обобщить в виде правила. Не свойственные основному типу черты распределяются неравномерно и в разных структурных частях языка. Они играют двойную роль — словообразовательную и словоизменительную. Славянские языки представляют сложную и пеструю в типологическом отношении картину; в них сосуществуют старые и новые черты флексии, агглютинации и изоляции. Восточнославянские языки наиболее чутки к типологическому разнообразию как в именной, так и в глагольной структуре; такой же характер, но в меньшей степени, имеет и сербо-хорватский язык; чешский язык обладает чертами, повторяющимися в разных морфологических типах; система польского языка существенно затронута агглютинацией в области глагольных форм; болгарский и македонский языки обнаруживают аналитизм в структуре имен, но имеют и значительное число черт агглютинации; словенский же и лужицкие языки, а в некоторой мере также и словацкий язык гораздо последовательнее сохраняют флективный морфологический строй.

Причины различного соотношения типологических черт в отдельных славянских языках неоднородны. Одни исследователи видят их в действии факторов внешнего характера, таких, как соседство с языками нефлективного типа, причем считают, что, например, агглютинация представляет собой явление, распространяющееся преимущественно с востока¹. Другие с не менее серьезными основаниями утверждают, что появление черт много типологического строя в славянских языках носит главным образом самобытный характер, т. е. должно рассматриваться как результат внутренних законов их развития, особенно если учесть, например, распространение агглютинации в таком языке, как польский. К подобному пониманию, видимо, склоняется В. В. Виноградов². Не следовало бы отрицать целиком ни первую, ни вторую возможность. Современное состояние славянских языков является, может быть, результатом сложного одновременного или перекрестного воздействия этих двух факторов.

Морфологическая классификация языков вообще гораздо менее надежна, чем генеалогическая, так как многие из черт, по которым она устанавливается, многотипны. Однако не следует полностью отказываться от этой классификации, несмотря на скептическое отношение к ней, усилившееся в последнее время.

В настоящее время следует считать несомненным, что развитие от одного типа к другому, а именно — от изолирующего через агглютинирующий к флективному, не является обязательным, как когда-то предполагали. Об этом свидетельствует ряд тенденций развития, наблюдаемых в славянской языковой семье, а также в таких, например, языках, как немецкий, где типичной агглютинирующей особенностью является присоединение суффиксов *-keit*, *-lein*, *-schaft* и др., и французский³; черты нового синтетизма обнаруживаются и в болгарском языке.

¹ Ср. К. Horálek, указ. соч.

² См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 37.

³ См. L. Tesnière, *Synthétisme et analytisme*, «Charisteria Gvilelmo Mathesio Quinqvagenario», Pragaе, 1932. Автор отмечает, что во французском языке наблюдается тенденция к превращению некоторых аналитических (изолирующих) черт в полисинтетические.

Предположение Л. Новака о том, что между флективными и агглютинирующими языками близость большая, чем между изолирующими и полисинтетическими¹, является правильным и находит свое подтверждение в представленном здесь, хотя и скромном по объему, сравнительном материале. Но агглютинирующий тип имеет немало черт, общих и с изолирующим типом, поэтому можно было бы считать, что проявления агглютинации в таких флективных языках, как славянские, представляют не столь значительное изменение, как проявления изолирующего типа.

Этим объясняется, почему финский, венгерский и особенно эстонский языки, преимущественно агглютинирующие, отчасти являются также и флективными. Однако развитие славянских языков обнаруживает своеобразие и в несколько ином направлении: в некоторых из этих языков имеются не только старые признаки изоляции, но и новые факты сближения с этим более далеким по отношению к языкам флективного строя типом — сближения, которое в болгарском и македонском языках достигает широких и значительных размеров. Поэтому прав А. Белич, когда он при характеристике сходств и различий между морфологическими типами допускает существование переходных (смешанных) типов².

Итак, если болгарский и македонский языки назвать аналитико-синтетическими с примесью другого, главным образом агглютинирующего типа, то остальные славянские языки должны быть названы синтетико-аналитическими также с примесью другого морфологического типа. При всем этом, несмотря на типологическую пестроту, каждый славянский язык сохраняет свои унаследованные или выработанные с течением времени преобладающие типичные и наиболее характерные черты. В этом отношении существует параллель со всеми остальными классификационными критериями в славянской языковой группе.

То обстоятельство, что в славянскую языковую группу проникают, хотя и в ограниченном и неравномерном количестве, различные, но повторяющиеся из языка в язык типологические черты, еще раз подчеркивает тесное единство славянских языков на протяжении всей их истории.

¹ См. L. Novák, Základná jednotka gramatického systému a jazyková typológia, «Sborník Matice slovenskej», ročn. XIV, č. 1, 1936, стр. 9.

² См. А. Белич, указ. соч., стр. 226, 234, 241, 244.

Н. А. КАТАГОЩИНА

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1

Ранний период существования французского письменного языка, т. е. период XI — XII вв., представляет особый интерес для изучения проблемы формирования общепровансальского письменно-литературного языка. Спорен вопрос о том, с какого времени следует говорить о начале развития французского письменно-литературного (= общелитературного) языка и какова была его первичная диалектная основа.

Можно вполне согласиться с Луи Ремаклем, что и сейчас сохраняют силу слова известного романиста Германа Сюшье, сказанные им в конце XIX в.: «До сих пор нам столь же мало удалось добиться полной ясности в вопросе образования французского письменного литературного языка, как и в вопросе происхождения провансальского»¹.

Довольно широко распространено мнение о том, что процесс формирования французского письменно-литературного языка начался не ранее XIII в., когда Иль-де-Франс становится центром территориального и политического объединения Франции. На этой точке зрения стоят Ф. Брюно, Ш. Брюно, Г. Гребер, В. Мейер-Любке, К. Фореч и многие другие, а из отечественных ученых — А. Смирнов. Она преобладает и в учебниках по истории французского языка (см. учебники М. Поп, А. Эверта и др.).

Однако те же авторы не отрицают, что и в XII в. были поэты и писатели, у которых заметна тенденция отрешиться от своего родного диалекта и писать на «общем» языке, равнявшемся на франсийский, и называют таких старофранцузских авторов, как Кретгон из Труа (Ф. Брюно, В. Мейер-Любке) или Готье Арасский (К. Фореч)².

Существует и другая точка зрения, представленная в работах Германа и Вальтера Сюшье, Г. Ванор, К. Фосслера и некоторых других³.

¹ См. L. Remacle, *Le problème de l'ancien wallon*, Liège, 1948, стр. 141 (цит. по кн.: H. Suchier, *Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten*, «Grundriß der romanischen Philologie», Bd. I, Strassburg, 1888, стр. 573).

² См.: [F. Brunot], *Histoire de la langue et de la littérature française*, publ. sous la direct. de L. Petit de Julleville, t. II, Paris, 1896, стр. 458, ср. также стр. 460; W. Meyer-Lübke, *Historische Grammatik der Französischen Sprache*, Heidelberg, 1908, стр. 8; C. Voretzsch, *Einführung in das Studium der altfranzösischen Sprache*, Halle a. S., 1911, стр. 2.

³ См.: G. Millardet, *Linguistique et dialectologie romanes*, Montpellier—Paris, 1923, стр. 14; E. Faral, *Le français langue littéraire; unité de la littérature française*, в кн. «Histoire de la littérature française illustrée», publ. sous la direct. de J. Bédier et P. Hazard, t. I, Paris 1923, стр. 2.

Эти авторы признают наличие французского письменно-литературного языка с начала XII в., т. е. с более раннего периода.

В своей недавней книге по истории французского языка М. Коэн также говорит о том, что в XI — XII вв. «уже заложено единство старофранцузского литературного языка»¹; Наличие диалектной дифференциации в языке феодальной Франции этого периода не рассматривается ими как бесспорное свидетельство принадлежности старофранцузских текстов этого времени отдельным диалектам.

Однако исследователи, относящие становление французского письменно-литературного языка к XI — XII вв., определяют его диалектную основу так же, как авторы, относящие формирование литературного языка к более позднему периоду — XIII в., т. е. считают этой диалектной основой франсийский диалект.

Между тем, если предположение о ведущей роли франсийского диалекта в процессе формирования литературного языка в XIII в. представляется вполне возможным и оправдывается исторически, то этого никак нельзя сказать об XI — XII вв. Нельзя считать доказанным довольно распространенное мнение о том, что первичной диалектной основой французского письменно-литературного языка был франсийский диалект (диалект Парижа). Вполне можно согласиться с М. Дельбуём, когда он пишет: «Не только правдоподобно, но и очевидно, что с определенного времени тот или иной диалект влиял на соседние области даже в письменном языке и что с этой точки зрения франсийский диалект по своему положению имел особые преимущества. Но, по моему мнению, было бы заблуждением предполагать исконное, неизбежное абсолютное первенство диалекта Иль-де-Франс в письменной или устной его форме»². Признание франсийского диалекта основой французского письменно-литературного языка в XI — XII вв. наталкивается на ряд трудностей, так как такого рода утверждение трудно обосновать как лингвистически, так и исторически, что и побуждает автора данной статьи высказать некоторые соображения и предположения по этому поводу.

Памятники XI — XII вв., которые считаются написанными на формирующемся литературном языке, обнаруживают в области фонетики и морфологии некоторые черты, не свойственные франсийскому. В области произношения это: 1) разграничение *an* и *en* в ассонансах и рифмах; 2) изменение *o* в открытом слоге в *u*, а не в *o*; 3) изменение *e* в открытом слоге в *ei*, без дальнейшего преобразования его в *oi*. В области морфологии — употребление *Imparfait Indicatif* на *-ie* для всех спряжений, включая и первое. Кроме того, далеко не для всех памятников этого периода можно доказать развитие $c^{+a} > t\dot{s}$ и $c^{+e,i} > ts$.

Г. Сюшье, признающий существование французского письменно-литературного языка с начала XII в., различает в его развитии два периода: ранний — «норманнский»³, когда больше выступают нормандские черты, и второй — французский. Нефрансийские особенности он объясняет нормандской окрашенностью литературного языка раннего периода.

¹ M. Cohen, *Histoire d'une langue: le français*, Paris, 1950, стр. 82.

² M. Delbouille, *Y a-t-il une littérature wallonne au moyen âge? C. r. du Congrès de lingu., de litt., d'art et de folk. wallons*, Liège, 1939, стр. 103 (цит. по указ. книге Л. Ремакля).

³ Под термином «норманнский» Г. Сюшье понимает французский письменно-литературный язык, представленный главным образом нормандскими авторами, писавшими в Нормандии или в Англии. Его, по мнению Г. Сюшье, нельзя отождествлять с нормандским диалектом, хотя в нем и отражены некоторые черты этого последнего. Отсюда у Г. Сюшье наличие двух терминов: «норманнский» и «нормандский».

От этого объяснения отказывается Г. Вакер. По ее мнению, литературный язык «норманнского», т. е. раннего периода, был тождествен франкийскому, и это тождество обуславливалось совпадением основных диалектных особенностей нормандского и франкийского диалектов в ранний период их существования. Черты же, отличающие франкийский от нормандского, представляют собой хронологически более позднее явление¹.

Несколько иначе объясняет допущение франкийской диалектной основы французского письменно-литературного языка раннего периода В. Сюшье. Литературный язык «норманнского» (по терминологии Г. Сюшье) периода не представлял собой, по его мнению, какого-либо отдельного нормандского говора, а являлся «общим» языком (Gemeinsprache), стоявшим над нормандскими говорами. Он считает, что следует говорить не о совпадении производительных норм нормандского и франкийского диалектов на раннем этапе их развития (как это делает Г. Вакер), а о том, что авторы, писавшие в Нормандии и в Англии в XI — XII вв., использовали в качестве общеписьменного, общелитературного языка франкийский диалект. Предпочтение, оказанное франкийскому диалекту, он объясняет политическим авторитетом Иль-де-Франса, а также тем, что франкийский диалект был более однороден, чем сильно расходившиеся между собой по производительным нормам нормандские говоры, а следовательно, франкийский диалект практически был более «удобен» для использования его в качестве письменно-литературного языка².

Менее категоричен К. Фосслер. Он признает ведущую роль франкийского диалекта, но не считает, что этот диалект определял собой все развитие французского письменно-литературного языка. По его мнению, язык произведений старофранцузского периода представлял собой известного рода литературную койне, в формировании которой приняли участие различные старофранцузские диалекты. Процесс складывания французского письменно-литературного языка он мыслит как соревнование различных старофранцузских диалектов (нормандского, пикардского, валлонского, лотарингского, шампанского), в результате которого в конечном счете победил франкийский. При этом, по мнению Фосслера, франкийский явился как бы связующим звеном между этими диалектами, а не основным элементом литературного языка³.

Предположения о том, что франкийский диалект был диалектной основой формировавшегося литературного языка в XI — XII вв., строятся на довольно зыбкой почве и с точки зрения собственно исторических предпосылок, так как в этот период Иль-де-Франс (королевский домен) не играл еще той доминирующей роли, которую он начал играть с XIII в., с момента ослабления герцогства Нормандского. Между тем с начала XII в. на западе Франции начинает формироваться одно из наиболее крупных и могущественных феодальных объединений этого периода — королевство англо-норманно-анжуйское. Оно выросло на основе герцогства Нормандского, значительно расширившего свои владения после завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. С приходом к власти Генриха II Плантагенета это королевство занимало около двух третей всей терри-

¹ «Die normannische Schriftsprache die wir seit Anfang des XII. Jahrhunderts in der französischen Literatur verwendet haben, ist aus der altfranzösischen Mundart erwachsen. Sie weicht von dieser Mundart nicht ab. Die Merkmale, die Suchier als Unterschiede des Normannischen vom Französischen auffasst, trennen das Altfranzösische vom Neufranzösischen» (G. Wacker, Über das Verhältnis von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen, Halle a. S., 1916, стр. 25).

² См. W. Suchier, Zwei altfranzösische Reimpredigten. Mit Benutzung der Ausgabe H. Suchiers, Halle a. S., 1949, стр. 16—17.

³ См. K. Vossler, Frankreichs Kultur und Sprache, Heidelberg, 1929, стр. 7.

тория Франции. Ему принадлежал весь берег Ламанша, все побережье Атлантического океана; помимо Англии, оно объединяло Нормандию, Анжу, Мен, Бретань, Аквитанию и Гасконь. Ко второй половине XII в. (т. е. в царствование Генриха II) в этом королевстве уже имелся более или менее централизованный государственно-административный аппарат, который королями Франции был создан гораздо позднее (в XIV в.).

Существование такого сильного феодального владения, как королевство англо-норманно-анжуйское, является одновременно и предпосылкой для формирования и укрепления письменно-литературного языка в этот период не в Иль-де-Франсе, а скорее именно на западе Франции.

Франсийский диалект не имел и литературной традиции. Нет ни одного произведения, относящегося к этому периоду, о котором можно было бы с достоверностью сказать, что оно возникло на территории Иль-де-Франса. Города Иль-де-Франса не играли сколько-нибудь заметной роли в литературной жизни страны. Как известно, Париж стал постоянной королевской резиденцией только с приходом к власти Капетингов. До этого времени место королевской резиденции все время менялось: ее переносили то в Париж, то в Орлеан, Суассон, Нуайон, Аахен, Компьень, Лав.

В XII в. литературными центрами были двор Элеоноры Аквитанской (жены Генриха Плантагенета), часто перемещавшийся по всей обширной территории королевства англо-норманно-анжуйского, двор ее дочери Аэлис в Блуа и двор ее второй дочери Марии Шампанской в Труа.

Все наиболее древние списки рукописей, т. е. датируемые XII в., написаны в Англии или Нормандии, но не в Иль-де-Франсе. Самые ранние рукописи, написанные в Иль-де-Франсе, датируются главным образом серединой XIII в.

Диалектные особенности франсийского на раннем этапе его существования нам совсем неизвестны; все соображения по этому вопросу могут относиться лишь к области предположений. Именно поэтому К. Фосслер смог дать франсийскому диалекту XI — XII вв. только негативную характеристику: «не нормандский, не пикардский, не шампанский и не какой-либо другой диалект»¹.

Естественно, что при таком положении вещей у В. Сюшье нет реальных оснований говорить о большем «удобстве» франсийского, чем нормандского, как основы литературного языка. Точно так же нет оснований и ссылаться на наличие в XI — XII вв. политических и экономических факторов, способствовавших использованию франсийского в качестве литературного языка в Нормандии. Такой видный историк французского языка, как Ф. Брюно, считал, что в ранне-старофранцузский период нормандский диалект находился в не менее благоприятных условиях, чем франсийский, для того чтобы играть роль общепольского литературного языка².

При решении вопроса о диалектной основе французского литературного языка нельзя основываться на данных изучения только двух диалектов (нормандского и франсийского). Приблизиться к правильному его разре-

¹ «Ich habe in meinem Buche über Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung... darauf hingewiesen, dass man das Französische des 11. und 12. Jahrhunderts lediglich negativ bestimmen kann als eine nicht-normandische, nicht-pikardische, nicht-champagnische und so weiter Mundart...» (K. Vossler, ред. на кн.: G. Wacker, Ueber das Verhältnis von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen..., «Literaturblatt für germ. und rom. Philologie», Jg. XXXVIII, № 1—2, 1917, стр. 110).

² «... Hugues Capet est le premier roi qui ait sûrement ignoré le francique et parlé exclusivement roman. Dès lors la cour eût-elle résidé à Paris, qu'il n'y aurait eu encore jusque-là que peu d'avantage pour le francien à être la langue du pays où s'établissait la Cour. Le parler normand qui était celui des conquérants de l'Angleterre, complètement romanisés, était dans d'aussi bonnes conditions» (разрядка моя.— Н. К.) (F. Brunot, Histoire de la langue française, t. I, Paris, 1933, стр. 326).

шлемо возможно лишь при условии выяснения характерных особенностей и взаимосвязей всех старофранцузских диалектов данного периода. Сравнительный анализ старофранцузских диалектов XI и XII вв.¹ (по-скольку они могут быть доступны для изучения) дает основания предположить существование в этот период двух основных диалектных групп, которые можно назвать западной и северо-восточной. Западная объединяла нормандский, северо-западные, юго-западные и франсийский диалекты. Все те черты, которые принято считать франсийскими, являются характерными для западной группы диалектов, взятой в целом². Связи франсийского с западом еще давно отмечались выдающимся французским романистом Г. Парисом. Из часто цитируемых высказываний отдельных авторов конца XII и начала XIII в. (Conon de Béthune, Bertran de Bar sur Aube, Aimon de Varenne и Adenet le Roi) о том, что они стремятся писать «по-французски», употреблять диалект Парижа, вовсе не следует, что франсийский не примыкал ни к какой диалектной группе и занимал какое-то особое место среди всех других старофранцузских диалектов по своим особенностям в области фонетики и морфологии. Эти высказывания свидетельствуют только о том, что область Иль-де-Франса с ее диалектом постепенно становится центром языкового объединения.

Восточная группа включала валлонский, лотарингский и бургундский диалекты. Пикардский диалект занимал промежуточное положение, сочетая в себе западные и восточные черты. Более своеобразным было положение шампанского диалекта. Недостаточность языковых свидетельств не дает возможности определить весь комплекс специфически шампанских черт; создается впечатление, что различные части территории Шампани отражают черты соседних диалектов.

Расхождения между старофранцузскими диалектами обнаруживались главным образом в области фонетики (своеобразие развития одних и тех же латинских звуков). Слабее были различия в области морфологии: они заключались в том или ином использовании вариантов общих форм.

Ряд явлений мог при этом совпадать даже в наиболее отличных друга от друга диалектах; таким образом, различия между старофранцузскими диалектами XI—XII вв. не носили характера глубоких расхождений в основных звеньях строя языка, — скорее это были лишь известные видоизменения одного общего целого (народной латыни Галлии).

2

Разногласия по вопросу о времени возникновения французского письменно-литературного (= общелитературного) языка в значительной мере обусловлены тем, что различные авторы вкладывают различное содержание в само понятие «литературный язык», нередко распространяя на письменно-литературный язык донационального периода признаки, свойственные ему в национальный период. Подобная постановка вопроса связана с игнорированием того, что литературный язык — прежде всего историческая категория, признаки которой не могут быть одинаковыми на всем протяжении развития, так как появление или исчезновение этих признаков зависит от исторических условий, в которых развивается литературный язык.

¹ См. Н. А. Катагощина, О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.). Автореф. докт. дисс., М., 1955.

² См. Н. А. Катагощина, Франсийский диалект и его место среди других старофранцузских диалектов, «Ученые записки [1-го Моск. гос. ун-та иностр. языков]», т. VII, 1955.

Если искать во французском письменном языке XI—XII вв. признаки французского национального литературного языка, то оказывается, что некоторые из них отсутствуют совсем, а некоторые только начинают появляться. Как известно, в XI—XII вв. сфера распространения французского письменного языка была ограничена произведениями светской литературы (народный эпос и куртуазная литература) и литературы религиозно-поучительной (жития святых, псалтыри, календари, переводы из священного писания и т. п.). В деловые документы и судопроизводство французский письменный язык начинает проникать в основном с начала или середины XIII в., сосуществуя в этой сфере с латинским как основным языком официальных документов. С момента возникновения Франции как феодального государства функции государственного языка, языка школы, науки и т. д. выполняет латинский язык. Официальное признание как языка государственной французский получает только в XVI в. (Ордоананс Виллер-Котре).

В феодальной Франции XI—XII вв. французский письменный язык не обнаруживает фиксированных устойчивых языковых норм, единых для всей территории Франции, т. е. не имеет одного из характерных признаков национального письменно-литературного языка. Подобное положение отчасти связано с тем, что диалекты, которые были в это время живым развивающимся явлением, еще не играют подчиненной роли и не подвергаются нивелировке; письменно-литературный язык развивается и укрепляется на их основе.

Но вместе с тем нет достаточных оснований утверждать, что в XI—XII вв. язык произведений, написанных по-французски, представлял собой письменное отображение каких-либо отдельных диалектов со всеми их отличительными чертами. Дело обстоит гораздо сложнее. Письменные памятники XI—XII вв. обнаруживают определенные диалектные особенности преимущественно в области фонетики и лишь частично в области морфологии. При этом оказывается возможным лишь в самом общем виде приурочить эти особенности к разным диалектным группам того времени. Так, одни произносительные и морфологические особенности представлены в старофранцузских текстах, возникших на северо-востоке, например, в «Диалоге души и разума» (*Dialogus anime*), Лотарингской псалтыри (*Psautier lorrain*), проповедях Бернара Клервосского (*Li sermon st. Bernart*); другие, несколько отличные от первых, черты отражены в текстах, написанных на западе Франции. Таковы «Проповеди в стихах» (*Reimpredigten*), «Календарь» и «Юстиарий» Филиппа из Тана (*Comput, Bestiaire — Philippe de Thauon*), «Четыре книги царств» (*Quatre livre des reis*), произведения Уаса и др. При этом среди указанных памятников весьма мало таких, которые действительно можно считать написанными на каком-либо одном диалекте (или его говоре), т. е. таких, как «Диалог души и разума» или Лотарингская псалтырь (явно лотарингские), Окассен и Николетта (пикардский) (последний только при том условии, если вместе с Г. Парисом относить этот текст к XII в.).

Наряду с этим существует несколько памятников XI—XII вв., которые большинством исследователей и издателей рассматриваются как «общезападнофранцузские», отражающие языковые нормы, нашедшие свое дальнейшее развитие в национальном общезападнофранцузском письменном языке. При этом для многих исследователей термин «общезападнофранцузский» имеет то же значение, что и «франсийский», так как они рассматривают именно этот диалект в качестве первичной и исконной основы литературного языка. К памятникам этой категории относят Житие св. Алексия (*Vie de St. Alexis*) XI в., «Песнь о Роланде» (*Chanson de Roland*) XI — начало XII в., «Паломничество Карла Великого» (*Pèlerinage de Charlemagne*)

XII в., Житие св. мученика Фомы, произведение Гарнье из Понт-Сент-Маманса (*Vie de St. Thomas le martyr, Guernes de Pont-Sainte-Maxence*)
XII в., басня, лэ, «Чистилище св. Патрика» — произведения Марии Французской (*fables, lais, Espurgatoire de st. Patrice — Marie de France*)
XII, может быть, начало XIII в.

Вольшие, иногда непреодолимые трудности представляет также установление диалектной принадлежности более ранних текстов. Известно, что диалектная принадлежность «Страсбургских клятв» (*Serments de Strasbourg*) еще не определена: Г. Люкинг считал их возникшими в Турени или Ангумуа, т. е. на западе Франции, Г. Парис настаивал на их северном происхождении, а Ж. Меландер говорит о том, что в основе языка этого памятника лежит французский диалект¹. Житие св. Евлалии (*Vie de st. Eulalie*) Люкинг относит к Пикардии, а Парис считает, что текст возник на границе Пикардии и Валлонии. В отношении Жития св. Леодегария (*Vie de st. Léger*) разногласия еще значительнее: Диц считал, что текст возник в Пуату (т. е. на юго-западе), а Дю-Мериль относил его к Нормандии (*Fécamp*), Люкинг рассматривал этот памятник как бургундский, Сюшье полагал, что он возник в Пикардии или Валлонии, Валькоф усматривал в нем явное наличие южных черт, Ле Ру де Ленси считал *Moralia super Job* (рук. 24764) бургундским памятником, Поль Мейер и Ферстер видели в нем отражение льежского говора (Валлония), а Бергер утверждал, что текст этот лотарингский. Г. Парис, за ним К. Фореч считали *Florimont* памятником французским, а А. Хилка и А. Ризоп — лотарингским.

Как отмечает в своем исследовании Г. Вакер, многие старофранцузские тексты относятся к пограничным диалектным районам (*Vie de st. Eulalie* — памятник, созданный в пикардско-валлонской области, *Compendium de Louis* — в области между Иль-де-Франс и Пикардией и др.). Даже в текстах, признаваемых большинством исследователей общепольскими (или французскими), те же исследователи обнаруживают черты и других диалектов.

Нельзя отрицать, что в отдельных случаях локализация текстов может осложняться потому, что памятники, возникшие в одних областях, переносились уроженцами других областей, в результате чего могло получаться наложение одних диалектных черт на другие². Однако понятно, что определение диалекта переписчика может быть столь же затруднительным, как и определение диалекта автора оригинала. Неправильно было бы, кроме того, трудности локализации всегда относить на счет переписчика. «Очевидна... ошибочность метода, — пишет Ш. Брюно, — который состоит в том, что без всяких оснований предполагаются авторы и переписчики родом из различных провинций для того, чтобы объяснить смешение диалектных черт (впрочем, иногда воображаемое)»³.

Несмотря на то, что развитие французского письменного языка в XI — XII вв. представляет весьма сложную картину (с одной стороны, отсутствие признаков, присущих национальному письменно-литературному языку, с другой — ограниченное количество текстов, связанных с определенными диалектными группами), есть основания ставить вопрос о суще-

¹ В журн. «*Studia neophilologica*», 6, стр. 100: «...un aréolien du français qui constitue la base du français littéraire postérieur de l'Île-de-France» (цит. по указ. книге Романиля, стр. 164).

² См. В. Ш и ш м а р е в, Книга для чтения по истории французского языка, IX—XV вв., М.—Л., 1955, стр. 25, 27.

³ Ch. Brunet, Les parlers lorrains anciens et modernes, «Revue de linguistique romane», t. I, 1925, стр. 392.

ствовании французского письменно-литературного языка во Франции в XI—XII вв.

При анализе развития письменно-литературного языка в феодальном государстве нельзя исходить из всей той совокупности признаков, которые характерны для него в период существования национального государства. Исследователь должен сам установить те признаки, которые свойственны письменно-литературному языку в период его формирования в определенных исторических условиях.

В донациональный период в условиях существования феодального государства во Франции представляется вполне возможным говорить о наличии не просто письменного, а письменно-литературного (= общелитературного) языка, хотя бы этот последний и не обнаруживал ряда признаков, обязательных для национального письменно-литературного языка.

В том случае, когда язык народности представляет собой единство диалектных разновидностей, близких друг к другу в основных своих компонентах и различающихся главным образом в области фонетики (как это было во Франции XI—XII вв.), о формировании письменно-литературного языка можно говорить при следующих условиях:

1. Если в данном феодальном государстве имеется налицо письменный язык, который тесно и неразрывно связан с общенародным языком во всей совокупности его диалектных разновидностей (возник на его основе), а не является чужим, ненародным книжно-письменным языком.

2. Если он (письменный язык) не представляет собой простой письменной фиксации отдельных диалектов во всей совокупности их диалектных особенностей, а отражает языковые нормы целой диалектной группы. (В таком письменном языке могут явно доминировать отличительные особенности какого-либо определенного диалекта или же он может представлять собой некоторого рода койне, объединяющую языковые черты различных диалектов той или иной группы. В пограничных районах, где имеет место соприкосновение различных диалектных групп, может создаваться письменный язык, отражающий смешанные языковые нормы.)

3. Если при всех указанных условиях имеются и определенные исторические предпосылки: тенденция к централизации государства и, таким образом, к созданию территориального, политического и экономического единства страны, выделение определенной области в качестве центра этого политического, экономического и культурного объединения.

В условиях существования феодального государства самым главным и существенным признаком начала процесса формирования литературного языка является наличие в письменном языке (возникшем на народной основе) тенденции к созданию единых норм, сначала выходящих за пределы одного диалекта, а затем и за пределы группы диалектов. Эта тенденция может свидетельствовать о развитии литературного языка только в том случае, когда она поддерживается наличием определенных общественно-исторических предпосылок. Наличие этой тенденции наиболее явно обнаруживается при изучении так называемых общезападных текстов, наиболее ценных для разрешения поставленной нами задачи.

3

Анализ текстов XI—XII вв., признаваемых большинством исследователей «общезападными», определенно показывает, что все эти тексты обнаруживают целый комплекс сходных черт как в области фонетики, так и в области морфологии; при дальнейшем изучении черты эти оказываются в общем характерными для определенной, а именно для западной группы старофранцузских диалектов.

Такое развитие $-ata > iée$ (а не ie , типичное для северо-восточных диалектов и пикардского), непосредственно засвидетельствованное ассоциациями «Песни о Роланде» и рифмами Марии Французской. Подобное изменение совсем не отражено в Житии св. Алексия, «Паломничестве Карла Великого» и у Гарнье, потому что в этих текстах отсутствуют ассоциации на $ié \dots e$ (Паломн., Ал.)¹ и рифмы на $iée$ (Гарнье). Однако и в этих текстах есть косвенное свидетельство об изменении $-ata > iée$. Оно заключается в том, что в них в ассонансах на $i \dots e$ (Ал., Паломн.) и в рифмах на ie (очень многочисленных у Гарнье) нет ни одной формы на $-ata$.

Встречающиеся у Гарнье 9 форм (на 6180 стихов) на ie ($-ata$) нетипичны для этого автора [см. стрф. 554 (2767): *Mucie est la lumiere qui eclaire le mill;* стрф. 623 (3115): *qui a salu des anemes seit et traitie e prise;* стрф. 784 (3919): *E gingibre e girofle a puignies mangeit;* стрф. 789 (3943): *Az curgies tranchanz e batre e descirer,* см. эту же форму в строфах 791 (3955), 792 (3958), 1184 (5820); стрф. 938 (4690): *Tenez, lisez ces lettres k'enveies ius a* и др.].

Тексты отражают также тенденцию к развитию ai в ei и далее в e (Рол., Гарнье, М. Фр.). В Ал. есть только одна форма *lairmes* (написание *lerrnes*) в ассонансе на a (стрф. 117) и ни одной в ассонансах на e , но этот текст вообще не показателен, так как датируется серединой XI в., а развитие $ai > ei$ началось позднее. В Паломн. ассонансов на e нет совсем, единичные формы на ai встречаются лишь в трех небольших строфах на a и в единственной строфе на ai . Наличие в этой строфе формы *ad* не исключает предположения о развитии ei (ср. Рол., где ai одновременно представлено в строфах на a и на e).

О развитии $-aticu > adze$ во всех исследованных текстах можно сделать заключение главным образом по написаниям, так как данные ассонансов и рифм здесь недостаточны: в Ал. $-aticu$ ассонирует только на a , а ассонансов на ai нет совсем, следовательно, нет возможности сравнения. В Рол. слова на $-aticu$ встречаются в строфах, где одинаково представлены и формы на $-a$, и формы на $-ai$. У Гарнье и М. Фр. слова на $-aticu$ рифмуются только между собой. Однако исключительная последовательность в передаче $-aticu$ через *age* во всех текстах дает достаточное основание предположить наличие именно данного процесса.

Все тексты обнаруживают развитие $e > ei$ (ср. отсутствие ассонансов на ei лишь в Ал.). Отсутствие ассонансов на ei в Ал. не меняет общих выводов, так как в середине XI в. развитие $e > ei$ в ударном слоге было обычным для всех старофранцузских диалектов независимо от того, к какой диалектной группе они принадлежали. Преобразование $ei > oi$ в ударных слогах началось с XII в.² и отделило северо-восточные диалекты и пикардский от западных, противопоставив восточное развитие $e > oi$ западному $e > ei$.

¹ Названия текстов в дальнейшем даются сокращенно: Рол.—«Песнь о Роланде»; Ал.—Житие св. Алексия; Паломн.—«Паломничество Карла Великого»; Гарнье—Житие св. мученика Фомы, М. Фр.—Мария Французская. Тематы датируются по следующим изданиям: «Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie», veröffentlicht von E. Stengel, I—*La chanson de St. Alexis*, Lief. I, Marburg, 1881; «La Chanson de Roland», publ. d'après le manuscrit d'Oxford et traduit par Joseph Bédier, éd. définitive, Paris, 1944; «Karis des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel», hrgg. von E. Kuschwitz, 3-e Aufl., Leipzig, 1895; «La vie de St. Thomas le martyr par Guernos de Pont-Sainte-Maxence. Poème historique du XIIe siècle (1172—1174)», publ. par E. Walberg, Lund, 1922; «Poésies de Marie de France», publ. par B. de Roquesfort, t. I, Paris, 1832. При использовании 2-го издания К. Варнке (K. Warnke), сокращенно — (W); «Die Fabeln der Marie de France», hrgg. von K. Warnke, Halle, 1898, сокращенно — (W) F.

² См. R. Weigelt, *Französisches oi aus oi auf Grund lateinischer Urkunden des 12. Jahrhunderts*, «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. XI, Heft 1, 1887.

Развитие \acute{o} в открытом слоге представлено одинаково во всех текстах, причем более поздние по времени возникновения тексты дают возможность раскрыть основную линию этого процесса. Если ассонансы Ал., Паломн., Рол. с одинаковым основанием дают возможность предположить три различные варианта в результате этого развития: \acute{o} , или $\acute{o}\acute{c}$, или \acute{y} — то рифмы М. Фр. с очевидностью говорят о развитии \acute{y} (или очень закрытого \acute{o}).

Дифтонг $\acute{u}i$ представлен как дифтонг, имевший тенденцию к преобразованию в восходящий. Если в более ранних текстах, т. е. в Ал., Паломн., Рол., он отражен в ассонансах как $\acute{u}i$, то в поздних — у Гарнье и М. Фр. — рифмы указывают на него как на дифтонг восходящий ($\acute{u}i$).

Для исследованных текстов характерна и такая западная черта (наблюдающаяся также в валлонском и пикардском диалектах), как отделение в ассонансах и рифмах $\tilde{a}n$ ($\langle a + \text{нос.} + \text{согл.} \rangle$) от $\tilde{e}n$ ($\langle e + \text{нос.} + \text{согл.} \rangle$). Некоторые отклонения, отмеченные для Рол. и Паломн., не нарушают впечатления о доминирующей в этих памятниках тенденции к разграничению $\tilde{a}n$ и $\tilde{e}n$.

Развитие $\acute{e} + j > i$ можно предположить в Паломн., Гарнье и М. Фр., где оно вполне очевидно. В Ал. развитие $\acute{e} + j$ совсем не представлено в ассонансах, несмотря на то, что в поэме имеются 13 строк на i (VII, XX, XXI, XXV, XXXVII, XLV, LXVII, LXXI, LXXIV, LXXXVIII, XCIII, CII, CXX). Встречающееся же в тексте лат. *lectus* дается как *lit*. Что касается Рол., то, несмотря на очень большое количество ассонансов на i , развитие $\acute{e} + j$ представлено только в двух словах: *sire* ($\langle *s\acute{e}njor \rangle$) и *engignent* (стрф. VII). Отсутствие развития $\acute{e} + j$ в многочисленных ассонансах на i могло быть не простой случайностью, а объясняться отсутствием соответствующей произносительной нормы.

Развитие $\acute{o} + j$ отражено как $\acute{u}i$ более или менее полно лишь в рифмах Гарнье и М. Фр. Совсем слабо оно представлено в Паломн.: в пяти строках на \acute{u} (IV, XI, XXX, XL, XLV) встречается только одна форма $\acute{u}i$ ($\langle \acute{o}je \rangle$). Совсем не отражен данный процесс в ассонансах Ал. и Рол., причем в тексте этих поэмов перемежаются формы на $\acute{o}i$ и на $\acute{u}i$. Таким образом, развитие $\acute{e} + j > i$ и $\acute{o} + j > \acute{u}i$ несомненно только для Гарнье и М. Фр.

Консонантизм общефранцузских памятников обнаруживает опять-таки характерные для западных диалектов черты.

Группа *bl* во всех исследованных памятниках (как в тексте, так и в рифмах и ассонансах) передается, как правило, через написание *bl*. Наличие таких написаний, как *tabeles = tables* (Паломн., стрф. LII), говорит в пользу сохранения *b* в указанной группе.

Группы *s'r*, *n'r*, *l'r*, *m'l*, *m'r* последовательно передаются на письме в тексте, ассонансах и рифмах с переходными согласными *t*, *d*, *b*. Такая последовательность графического изображения, почти не знающая исключений, дает основание признать существование переходных согласных в этих группах также и в произношении.

Развитие *l* перед согласными — явление очень существенное при установлении диалектных черт старофранцузского языка — в известной мере поддается выяснению и после вокализации этого согласного, так как употребление буквы *l* продолжало сохраняться, хотя уже и для обозначения гласной \acute{y} . Процесс вокализации *l* более или менее определенно можно принять для Рол. [форма *cristaus* в рук. О (стрф. CXLVI), принадлежащая переписчику, а не редактору, и написания типа *levuld*], а также для М. Фр. (см. ее рифмы *reaus: beaus, Milun 214—215; cheaus: Beaus, Milun 645—646*). В отношении остальных текстов очевидно

только то, что в них *l* перед согласными систематически сохраняется. Сохранение же *l* (до и после вокализации) — черта, отличающая западные диалекты от северо-восточных, для которых типично довольно раннее выпадение *l* перед согласным.

Германское *w*, за редким исключением, передано на письме как *gu*, что предполагает соответствующее звучание. В рассматриваемых памятниках не находит своего выражения характерное для северо-восточных диалектов палатализующее влияние романской палатальной согласной на предшествующее *a*.

Наиболее сложным и до сих пор не разрешенным вопросом является вопрос о том, как представлено в исследованных памятниках развитие c^a и $c^{e,i}$ (а также *cf*, согл. + *cf*, согл. + *tj* и т. п.). Давало ли $c^a > t\check{s}$, а $c^{e,i} > ts$ или же $c^a > k$ и $c^{e,i} > t\check{s}$ (развитие, свойственное пикардскому и северонормандским говорам) остается неясным. Все исследованные памятники обнаруживают одинаковую систему передачи на письме результатов этого развития: c^a обозначается через *c* (*cambre, carn, capel* и т. п.), $c^{e,i} (< a)$ — через *ch* (*chevaler, chemise, chiet* и т. п.), а $c^{e,i}$ передается через *c* и лишь изредка через *sc*. Различие состоит лишь в том, что в более поздних памятниках (Гарнье, М. Фр.) обозначение c^a через *c* все чаще и чаще заменяется обозначением через *ch*.

Для выяснения происхождения с некоторую точку опоры может дать сравнение системы обозначения, употребляемой в исследованных памятниках, с системой обозначения, наблюдаемой в деловых документах и литературных текстах Пикардии, т. е. той области, для которой обычным является развитие $c^a > k$ и $c^{e,i} > t\check{s}$. Сравнение показывает, что система обозначения здесь иная: c^a обозначается здесь также через *c*, а $c^{e,i} (< a)$ передается при помощи *c, qu, k, c^{e,i}* через *c*, чаще через *ch*. Такое обозначение отражает в известной мере различие в звучании c^a и $c^{e,i}$ и одинаковое происхождение *c* перед *a*, независимо от того, было ли это *a* преобразовано в *e, ie* или же сохранилось во французском без изменений.

При этом орфография исследованных текстов не указывает на особое произношение $c^{e,i}$, поскольку для его передачи не используется знак *ch* (встречается лишь небольшое количество написаний типа *tenchons* в списке В у Гарнье). Наоборот, диграф *ch* используется для обозначения $c^{e,i} (< a)$ и постепенно распространяется на слова с c^a .

Такая система орфографии скорее предполагает развитие $c^a > t\check{s}$ и $c^{e,i} > ts$. Преобладание в списке L Ал. написаний типа *carn* и *carire* могло быть традиционным и отражать более позднее развитие аффрикаты $t\check{s}$ перед *a*, чем перед *e, ie (< a)*.

Что касается развития g^a , то наличие таких написаний, как *jalne, joie*, может свидетельствовать в пользу изменения $g^a > d\check{z}$.

Морфология исследованных текстов также с очевидностью обнаруживает черты, свойственные именно западным, а не северо-восточным диалектам.

Для артикля характерно различие в косвенном падеже единственного числа формы мужского рода (*le*) и женского (*la*). Только в списке L Ал. встречается четыре слова женского рода с артиклем *le*. Для всех текстов обычны слитные формы *del — des; al — as; el — es*.

В системе личных местоимений обычны формы на *-ei*: *mei, tei*; форма *je, je (ge)*, но не *jou* и не *gié*; обычными формами объектных местоимений являются *lui, li* и только один раз у Гарнье — *lei*; в мужском роде множественного числа обычна форма *els (eus)* и только один раз в тексте Паломн. встречается написание *eauls* и в списке В Гарнье — *eaus*.

Для системы безударных притяжательных местоимений характерны формы: *mis — mon, mi — mes; tis — ton, ti — tes; sis — son, si — ses*. Только в Рол. и у Гарнье выступают в мужском роде им. падеже единственного числа также и формы *mes, tes, ses* (наряду с *mis, tis, sis*), а в женском роде — *ma, ta, sa; mes, tes, ses*. В косвенном падеже мужского рода единственного числа наряду с *mon, ton, son* представлены в Ал., Паломн. и у Гарнье ослабленные формы *men, ten, sen*.

Для указательных местоимений обычна парадигма: мужской род, единственное число — *cil, celui, cel*, множественное число — *cil, cels*; женский род, единственное число — *cele*, множественное число — *celes*. Параллельные формы *cist, cestui, cest; cist, cez; ceste* и *cestes* (или *cez*). Только у Гарнье (список В) представлена в тексте форма *ceaus*.

Система глагольных окончаний также характерна для западных, а не северо-восточных диалектов. В 1-м лице множественного числа в качестве обычных выступают окончания *-on (un), -ons (uns)* как для *Présent Indicatif*, так и для *Futur*, причем для *Futur* более обычно отсутствие *s*. На письме эти окончания чаще всего обозначаются через *-um, -ums*. Во 2-м лице множественного числа обычные окончания *-ez (iez)*. Иногда встречающееся в *Présent Indicatif* окончание *-eiz* носит чисто графический характер. В *Futur* употреблялись и *-ez*, и *-eiz*, отраженные в рифмах и ассонансах.

Окончания *-ion, редко -ions* (на письме преимущественно *-ium, -iums*) обычны для 1-го лица множественного числа *Imparfait Indicatif* и *Conditionnel Présent*. Лишь в Рол. (список О) отмечена форма на *-iomes (avriumes)*.

Окончание *-iez* является обычным окончанием 2-го лица множественного числа этих же времен. Только в Ал. и Паломн. эти окончания отсутствуют как в ассонансах, так и в тексте.

Если принимать во внимание всю систему окончаний *Imparfait Indicatif*, то здесь представлено два ряда: 1) для глаголов первого спряжения *-o(u)e, -o(u)es, -o(u)t, -o(u)ent*; 2) для глаголов остальных спряжений — *-eie, -eies, -eit, -eient*. Однако параллельные ряды окончаний представлены не во всех текстах (окончания типа *-o(u)e* отсутствуют совсем в Ал. и Паломн., в Рол. представлены минимально и только в тексте).

Во всех текстах для *Futur* обычны лишь окончания *-ai, -as, -at, -ont (unt)*. Остается неясным образование этих форм от глагола *avoir* — имелось ли здесь *v* или *u*. В Ал. и Рол. представлены только формы типа *aurai*, кроме того, в Рол. есть еще и формы типа *au'rai*, которые Ж. Бедье (J. Bédier) дает как *aurai*, основываясь на том, что в Рол. совсем нет типа *averai* (изд. 1944 г., стр. 338). Что касается Паломн. и М.Фр. (список А. (= Н) и частично D, Y), то в них даны формы типа *averai*.

В текстах представлены те формы *Passé Simple*, восходящие к сильным латинским перфектам, которые обычны именно для западных диалектов.

Тип *ui*: Ал. — *ous XLVIII, out (passim), ourent III, V, XXXIX*; Паломн. — *oi 150, out (passim), oumes 665, o(u)rent 89*; Рол. — *oi CVI, out XCIII, CXIX, oumes CLXI, ourent CIX*; Гарнье — *oi (passim), ot (passim), o(u)rent, eurent (passim)*; М. Фр. — *oi (passim), ot (passim), eumes (W) F. XIX, 18 и др., eustes W (F) XVIII, 42, o(u)rent (passim)*. Ал. — *sout LX, sourent VI, XXI*; Рол. — *sout LXXX*; Гарнье — *soi стрф. 1158, sot 64,85; sout (passim), solt 291; sorent (passim)*; М. Фр. — *soi (W) F. III, 60; sot (passim), seumes (W) Biscavret 254 (список А — sumes); sorent (passim)*.

Тип *si*: Ал. — *dimes CXV*; Паломн. — *dis 718, dist (passim), desimes 666, desistes 675, deistes 646, distrent 632*; Гарнье — *desis 677,*

dist (passim), *distrent* (passim); М. Фр.— *dis* (W) F. XXXVII, 53; *deis* IX, 46; *dist* (passim), *distrent* XXXVI, 10.

Тип *i*: Ал.— *vint* III—X, *vindrent* XXIII; *vit* XL, *virent* XLVIII, *vi*, *vit* (passim), *veistes* 9,555, *virent* 262, 776; Пол.— *venis* CCVII, *vint* (passim), *venimes* XIV, *vindrent* VII (passim); *vi* CXL, *veimes* CXXXI; Гарнье — *vinc* 471, *ving* 449, *vindrent* (passim); *vit* (passim), *veimes* 777, *virent* (passim); М.Фр.— *vi* XIII, 16 (passim), *vit* (passim), *veimes* (R) Lanval 508, *veistes* XLV, 45.

Во всех текстах (кроме Ал.) представлены характерные для запада формы *Passé Simple*, восходящие к *dedi*-перфектам: Паломп.— *respondiet* 1, 12; в дипломат. издании *respondeit* (: *ie*); *benesquiet* (X, 177); Пол.— *respondiet* (: *ie*) CLXXVII, *perdiat* (: *ie*) CC; Гарнье — *suspendie* (: *ie*) стрф. 207, *respundie* (: *ie*) стрф. 855, *entendie* (: *ie*) 995.

Формы *Imparfait Subjonctif* образуются по типу *Passé Simple*: Ал.— *ouisse* 3-е лицо, XLVI; *souisse* 1-е лицо, XCVIII, *souissent* XCVIII; Паломп.— *ouist* 451, 689, *souissez* 689; Пол.— *ouisse* LIV, *ouist* LXXII, *ouissum* LXXXVII, *ouissent* LIV и др.

Так же, как и во всех западных диалектах, в текстах довольно обычны в *Présent Subjonctif* формы на *-ge*.

Общепанцузские тексты обнаруживают не отдельные, случайные особенности, свойственные западным диалектам, а их основные фонетические и морфологические черты.

Вместе с тем ни один из текстов нельзя признать принадлежащим какому-либо отдельному диалекту западной группы — нормандскому, франсийскому или одному из северо- или юго-западных диалектов. Ряд черт фонетического характера был присущ не только нормандскому, но и всем диалектам западной группы. Это следующие фонетические черты:

1) *-ata* > *iee*; 2) *ai* (< *a + j*) > *ei* с дальнейшей тенденцией к развитию в *e*; 3) *aticu* > *adže*; 4) *e* > *ei*; 5) *o* > *u* или очень закрытое *o*; 6) *üi* > *üi*; 7) разграничение *ān* и *ēn*; 8) сохранение группы *-bl-* без изменения *b* > *v*; 9) тенденция к развитию переходных *d*, *b*, *t* в группах *n'r*, *l'r*, *m'r*, *m'l*, *s'r*; 10) сохранение *l* перед согласным с последующей вокализацией; 11) преобразование германского *w* > *gž*; 12) отсутствие сильно выраженного палатализующего влияния романских палатальных на предшествующее *a*. (Остается лишь открытым вопрос, было ли свойственно и франсийскому диалекту в XI—XII вв. разграничение *ēn* и *ān*.)

Развитие *ε + j* > *i*, отмеченное в ряде текстов, было характерно не только для восточной Нормандии (Верхней Нормандии), но и для юго-западных диалектов, в которых *ε + j* > *i* (наряду с другими рефлексамми — *e*, *ei*, *ie*). Развитие *ρ + j* > *üi* — опять-таки не специфически восточно-нормандская черта: в тех же юго-западных диалектах наряду с *ρ + j* > *oi* было представлено *üi*.

И, наоборот, ряд черт, характерных для нормандского диалекта, в исследованных текстах не представлен. Как известно, во всей западной Нормандии сочетание *ε + j* давало не *i*, а другие рефлексмы — *iē*, *ei*, *e*; *ρ + j* давало не *üi*, а *ieu* (*ie*, *eu*, *u*). В области консонантизма для всей северной Нормандии (включая и Верхнюю Нормандию) было характерно развитие *c^{ta}* > *k*, а не *tš* и *c^{ta}.i* > *tš*, а не *ts*; *g^{ta}* > *g*, а не *dž*. В текстах отсутствуют обычные для нормандского формы объектного местоимения 3-го лица женского рода *lie*, *lei*, а в системе указательных местоимений — форма *cestei*.

В итоге проведенного обзора можно прийти к выводу, что так называемые общепанцузские тексты представляют

определенный тип письменного языка, создавшийся на основе языковых особенностей всей западной группы старофранцузских диалектов в целом, в пределах которой наибольшую роль сыграл верхне-нормандский. Исторически, как уже отмечалось, для этого имелись все соответствующие предпосылки.

Наличие в этом письменном языке отдельных черт, не характерных для западной диалектной группы, как, например, объектной формы личного местоимения 1-го лица *mi* (в ассонансах на *-i* в Паломн.), отдельные формы на *ie* (< *ata*) в тексте Гарнье и в рифмах М. Фр., немногочисленные слова с *ch* (*tš*) вместо с (*ts*), типа *comenchai*, *enfanchunet* и др. у Гарнье, не обязательно должны рассматриваться как принадлежащие переписчику. Они могли принадлежать и автору того или иного произведения: в складывавшемся письменном языке, с далеко не установившимися нормами, были вполне возможны заимствования из соседних диалектов или диалектов тех областей, которые по тем или иным причинам были связаны с западом Франции. В этом случае они переставали быть диалектизмами.

Наличие определенного типа письменного языка, представленного в упомянутой группе памятников, указывает на то, что по отношению к XI—XII вв. можно уже говорить о начале формирования общепольского письменно-литературного языка, сферой применения которого были произведения светской и религиозно-дидактической литературы. Формирование общепольского литературного языка на основе западных диалектов находит свое объяснение в исторических условиях развития Франции в XI—XII вв.: именно на западе Франции сложилось самое крупное и централизованное феодальное объединение (так называемое королевство англо-норманно-аижуйское), которое в этот период успешно конкурировало с королевской властью в борьбе за политическую гегемонию.

Перенесение к началу XIII в. политического центра, а затем и центра языкового объединения в Иль-де-Франс не должно было повлечь и не повлекло за собой смены диалектной основы начавшего формироваться на западе общепольского письменного языка, так как французский диалект в основных своих особенностях примыкал к западной группе диалектов. В формировавшемся литературном языке появляются лишь некоторые северо-восточные производительные особенности, а именно *ei* > *oi*¹ и *o* > *ö* > *ô*. Что касается совпадения *el* и *äl* в одном звучании *äl*, то со второй половины XIII в. оно было но только северо-восточной, но в одинаковой мере и западной чертой. Нельзя считать доказанным, что *ei* > *oi* и *o* > *ö* > *ô* проникли в формировавшийся литературный язык из французского, они могли проникнуть в него через посредство французского и из соседних диалектов.

Позднее в формировании норм общепольского письменного языка значительную роль сыграли пикардский и северо-восточные диалекты, а может быть, в известной мере, и шампанский. Уточнению роли отдельных диалектов в этом процессе требует дальнейшего изучения.

¹ Об изменении *ei* > *oi* как восточной черте см. интересную статью А. Одриккура [A. G. Naudricourt, *Problèmes de phonologie diachronique* (français *ei* > *oi*), «Lingua», vol. I, 2, 1948].

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Слова «анализ, аналитический», а также и противоположные им по значению «синтез, синтетический» широко употребляются в лингвистической литературе. Однако нельзя сказать, чтобы они всегда понимались достаточно четко и определенно.

Вообще говоря, под аналитическим языковым образованием нередко понимается такое, значение которого выражено не одним словом (а под синтетическим, соответственно, — однословное образование). Поэтому, например, англ. *old man* может быть названо аналитическим образованием (а русск. *старик* или лат. *senex* — синтетическим).

Если понимать существо дела так, то следует просто сказать, что аналитические образования являются словосочетаниями (тогда как синтетические — словами). В таком случае вообще всякий язык, состоящий из слов, сочетаемых друг с другом в речи, должен быть признан в основном аналитическим, так как в речи на этом языке большая часть значений будет выражаться словосочетаниями: как бы ни был обширен словарный состав такого языка и как бы легко они образовывались в нем новые слова, все же число не только возможных, но и реально употребляемых в речи сочетаний слов будет больше, чем число самих слов.

Аналитичность языка, в этом смысле, есть вообще один из существенных признаков языка, важных для его функционирования и развития. Благодаря такой аналитичности при помощи некоторого ограниченного числа единиц — слов, охватываемых определенными правилами грамматического строя, оказывается возможным выразить бесчисленное количество мыслей, свободно создавать совершенно новые мысли и передавать их другим.

Иногда понятие аналитичности расширяется еще больше: под аналитическим образованием понимается тогда вообще такое, которое членится легко и четко (под синтетическим же — более слитное)¹. При таком понимании аналитичность оказывается коллественно изменяющимся и относительным признаком: могут быть более и менее аналитические образования, и образование, являющееся аналитическим по отношению к другому, может быть определено как синтетическое сравнительно с некоторым третьим, являющимся еще более аналитически построенным (соответственно этому, разумеется, понимается в таком случае и синтетичность). Вместе

¹ Ср., например, V. Taulli, *Morphological analysis and synthesis*, «Acta Linguistica», vol. V, fasc. 2, Copenhagen, 1945—1949.

с тем различие между словосочетанием и одним словом при таком понимании аналитичности (и синтетичности) делается уже не принципиальным: и однословное образование, в частности — отчетливо агглютинативного строения (вроде эстонского *kasu-de-le* «к пользе, к выгоде»), может рассматриваться как в достаточной мере аналитическое сравнительно с другим, более сложно построенным, имеющим ясно выраженный флективный характер (вроде англ. *has* «имеет» или *is* «есть, является»).

Наряду с тем или другим более общим пониманием аналитичности (и синтетичности) существует, однако, и некоторое более частное, более узкое и специальное понимание, которое, если даже оно и не является достаточно определенным, направлено на то, чтобы выделить известные специфические образования как занимающие совершенно особое место.

Под аналитическими образованиями при таком более узком и специальном понимании аналитичности имеются в виду, вообще говоря, такие образования, которые, с одной стороны, имеют строение, явно подобное строению сочетания слов, с другой же стороны, существенно отличаются от словосочетаний и уподобляются целым словам. Возможно, что существование именно таких особых, внутренне противоречивых образований, соединяющих в себе черты словосочетания и слова и занимающих как бы промежуточное место между тем и другим, и вызвало широкое употребление слов «анализ, аналитический» и проч. в специально лингвистическом значении.

Нетрудно заметить, что аналитическое образование в таком смысле близко к тому или даже прямо совпадает с тем, что определяется как фразеологическая единица: ведь последняя как раз характеризуется тем, что она имеет строение словосочетания, но при этом эквивалентна слову и функционирует как одно целое слово. Что же в таком случае заставляет говорить об аналитических образованиях в отличие от фразеологических единиц и существуют ли действительно такие образования?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, в каком отношении типичные фразеологические единицы уподобляются словам, оказываются эквивалентными им¹.

Типичные, «классические» фразеологические единицы, такие, как *дом отдыха*, *бить баклуши*, *спустя рукава*, подобны сложным словам в том отношении, что в них выделяемы компоненты более или менее равного и полного семантического веса, которые могут быть уподоблены основам, являющимся компонентами сложных слов. Отличаются они от сложных слов тем, что их компоненты соединены как слова, т. е. посредством грамматического их оформления, а не как части слов, т. е. лексическим способом.

Возможны, однако, фразеологические единицы и другого рода, а именно — подобные не сложным, а производным словам, т. е. таким, у которых одна основная, корневая часть соединяется с одной или несколькими семантически подчиненными, служебными частями — аффиксами. Так, например, англ. *be tired* «быть усталым», *be surprised* «быть удивленным, удивиться» представляются фразеологическими единицами этого рода. С одной стороны, это несомненно некоторые готовые комплексы, существенно отличные от свободных соединений с глаголом-связкой *be* в та-

¹ О соотношении между словом и фразеологической единицей см. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, «Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке», «Доклады и сообщения [Ин-та языковедения АН СССР]», II, М., 1952, стр. 101—102.

них случаях, как *be old, be small* и пр. С другой стороны, это и не «формы пассива» от *tire* и *surprise* (ср. *He was surprised at the news* в отличие от *by the news*)¹. Ср. *be aware* «знать», где слитность частей еще более специфическая.

Подобными производным словам могут быть как фразеологические единицы, так и свободные словосочетания: существенно лишь то, чтобы полноточным был только один компонент. Различие же между обоими случаями будет состоять в том, что фразеологические единицы окажутся ближе к «идиоматичным» готовым производным словам (ср. *столовая, керосинка, сказка, градусник*), тогда как свободные словосочетания соответствующего типа — к словам «неидиоматичным», свободно образуемым в речи (ср. *зеленоватость, пумёнок, по-тагалогски* «на языке тагалого»).

При известных условиях сочетания со служебными словами, вообще говоря, более или менее подобные производным словам, могут относиться к основным словам, входящим в их состав, не как особые (производные) слова, а только как особые грамматические формы соответствующих слов. Эти особые случаи словосочетаний и требуют специального их выделения в качестве случаев аналитических образований в узком смысле слова, а именно — как аналитических форм. Ср., например, русск. *будет работать*: это словосочетание, в котором *будет* является служебным, а *работать* — главным компонентом, относится к основному слову, входящему в его состав, т. е. к слову *работать*, не как особое (производное) слово, а только как особая грамматическая форма — форма будущего времени. Можно сказать, что, например, *работать* — *работал* — *работает* — *будет работать* составляет один ряд, отношения между членами которого являются только грамматическими.

Легко заметить, что такое понимание аналитического образования (в узком смысле слова), а именно — как аналитической формы, является достаточно распространенным. Но обычно оно остается довольно приблизительным; обходятся без строго определенного понятия, так как само данное явление ясно не отграничивается от смежных явлений, не рассматривается достаточно углубленно и всесторонне со всеми его существенными отличительными признаками. Что же существенно и характерно для аналитического образования как аналитической формы слова? Прежде всего нужно констатировать следующее.

Аналитическая форма, как наиболее специфическое аналитическое образование, взятая сама по себе, есть словосочетание, а именно — сочетание некоторого основного слова (в определенной его форме) с известным служебным словом (или с комплексом служебных слов, что пока можно особо не рассматривать). При этом аналитическая форма является свободным словосочетанием, а не фразеологической единицей: *будет работать* выделяется совсем не так, как, например, (молодость) *возьмет свое*. Ведь *будет работать* входит в неопределенно большой ряд: *будет делать, будет знать, будет помнить, будет любить* и т. д., и т. д., тогда как *возьмет свое* (в указанном смысле) лексически единично, изолированно и стабильно (оно может изменяться только грамматически: *взяла свое, взяло свое* и пр.). Определенные аналитические формы всегда могут быть образованы в случае необходимости, и нет никакой надобности знать заранее данную аналитическую форму, заключающую данное конкретное основное слово, для того чтобы употребить ее в речи. Так, можно сказать *он будет палатализовать*

¹ О сочетаниях причастия 2-го с глаголом-связкой *be* см. А. И. Смирницкий. Перфект и категория временной отнесенности, «Ин. яз. в шк.», 1955, № 1, стр. 6.

все согласные, даже если никогда не приходилось слышать *будет палатализоваться*. В случае фразеологической единицы это невозможно. Следовательно, если аналитические формы вообще выделяются из словосочетаний со служебными словами, то они выделяются совершенно о с о б ы м и п р и з н а к а м и, не так, как фразеологические единицы.

Из сказанного выше ясно, что по существу аналитические формы должны выделяться из прочих свободных словосочетаний именно тем, что они подобны (аналогичны) не словам, а лишь отдельным грамматическим формам слов. Этим подобием формам целых слов аналитические формы и характеризуются, несмотря на то, что они являются словосочетаниями, и притом — даже свободными как особые целые единицы, как эквиваленты слов (но слов не во всей системе их форм, а только в известных отдельных формах). Вопрос, следовательно, в том, каковы условия того, чтобы известные словосочетания выделялись именно наподобие грамматических форм тех основных слов, которые входят в их состав (т. е., например, словосочетание *будет работать* — наподобие форм *работает, работал* слова *работать*).

Необходимо для ответа на этот вопрос обратить внимание на то, что всякая грамматическая форма слова входит в какую-либо грамматическую категорию, или, иначе говоря, представляет собой какую-либо грамматическую категорию. Такие величины, как «первое лицо», или «настоящее время» и т. п., которые в чистом виде, т. е. в отвлечении от других категорий, представляют собой отдельные грамматические категории в тех или других грамматических формах, а следовательно, — и в определенных конкретных словоформах¹, могут быть названы категориальными формами.

К сказанному нужно добавить следующее:

1. Всякая грамматическая категория обязательно должна быть представлена по меньшей мере двумя категориальными формами: иначе она не может существовать, так как она есть общее в отдельном. Не может быть языка, в котором было бы, например, лишь одно грамматическое лицо и лишь один падеж и пр.

2. Никакая категориальная форма не может охватывать слово в целом, т. е. быть представленной всеми словоформами данного слова, или, иначе говоря, участвовать во всех грамматических формах, нахожимых у данного слова: если какая-либо подобная грамматическая характеристика оказывается присущей всему слову, в различных грамматических его формах, то мы уже будем иметь дело не с категориальной формой слова, но с определенным его категориальным разрядом, который будет представлять собой не грамматическую, а лексикограмматическую категорию.

3. В одной и той же словоформе могут соединяться различные грамматические категории (например, лицо и число и пр.), причем известное соединение определенных категориальных форм нередко как раз и конституирует определенную словесную грамматическую форму.

4. Каждая словесная грамматическая форма представляет собой крайней мере хотя бы одну категориальную форму, а следовательно, принадлежит к какой-либо грамматической категории: словесных грамматических форм, стоящих вне грамматических категорий, не бывает.

Теперь можно возвратиться собственно к вопросу об аналитических формах. Если словосочетание, являющееся аналитической формой, ха-

¹ О термине «словоформа» см.: А. И. С м е р н и ц к и й, К вопросу о слове, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 18; его же, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

характеризуется тем, что выступает в качестве грамматической формы того слова, которое является в нем основным, то это значит, что такое словосочетание принадлежит к одной из грамматических категорий, характеризующих данное слово. Иначе говоря, оно представляет известную категориальную форму, входящую в ту же категорию, в какую входит какая-либо иная категориальная форма, известная у этого слова. Так, например, аналитическая форма *будет работать* представляет (категориальную) форму будущего времени, которая, наряду с формами настоящего и прошедшего времени, входит в категорию времени вообще.

Принадлежа, таким образом, к известной грамматической категории, характеризующей данное слово, аналитическая форма уподобляется по своей функции другим формам того же слова. А так как каждая грамматическая форма слова вообще представляет это слово именно как одно слово, то и соответствующая аналитическая форма, несмотря на то, что она является по своему строению словосочетанием, и притом свободным, выступает как одно слово, как представитель одного целного слова, а не как словосочетание.

Получается противоречие: словосочетание, представляющее одно слово. До некоторой степени это противоречие подобно тому, какое мы находим во фразеологической единице: там также словосочетание функционирует как одно слово, которому оно уподобляется по своей семантической целности вследствие своей идиоматичности. Этого нет в случае аналитической формы: ведь словосочетание, являющееся такой формой, в общем характеризуется как свободное. Что же в этом случае заставляет словосочетание функционировать как одно слово, что делает жизненным и относительно устойчивым такое противоречивое положение?

Существеннейшим, повидимому, является здесь наличие простых, синтетических, несоставных форм в той же грамматической категории, в какую входит данная аналитическая форма. Так, *будет работать*, несмотря на то, что это явное словосочетание, выступает как одно слово (в известной грамматической форме) лишь ввиду того, что другие формы той же категории, т. е. формы настоящего (*работает* и пр.) и прошедшего времени (*работал* и пр.), являются простыми, синтетическими формами. То же условие имеется и в случае нем. *wird arbeiten*, англ. *will work*, которые принадлежат к той же категории, что и простые *arbeitet, arbeitete* и *works, worked* соответственно, благодаря чему у нас есть основания считать эти словосочетания (*wird arbeiten, will work*) аналитическими формами, а не просто словосочетаниями.

Но если бы, например, словосочетание *будет работать* входило, по принадлежности к одной и той же общей грамматической категории (времени), не в ряд *работает — работал*, а, например, в такой (воображаемый) ряд, как *есть работать — был работать*, то ни оно, ни другие словосочетания этого ряда не выделялись бы из общего числа словосочетаний со служебными словами, в частности — с глаголом *быть* в различных его формах: в таком случае пришлось бы сказать, что временные различия в глагольном сказуемом выражаются так же, как и в именном: формами служебного глагола, при отсутствии форм времени (т. е. категории времени) у основных глаголов, подобно тому как и у существительных и прилагательных. Ведь (погода) *была хорошая, будет хорошая* не являются формами времени слова *хороший, -ая, -ся*.

Итак, условием функционирования свободных словосочетаний в качестве аналитических форм является вхождение этих словосочетаний в какую-либо грамматическую категорию, известную у данных слов и представленную, хотя бы в одной из ее категориальных форм, простыми, син-

тетическими формами этих слов: именно этот параллелизм с простыми, синтетическими формами делает словосочетание представителем и грамматической формой одного слова.

Но нельзя ограничиться лишь констатированием этого условия. Необходимо выяснить также то, что определяет вхождение данного словосочетания в данную грамматическую категорию и что, наоборот, препятствует тому, чтобы известное иное словосочетание относилось к какой-либо грамматической категории слова.

Целесообразно различать два случая:

1. Существуют по меньшей мере две категориальные формы, представленные синтетическими и словоформами; тем самым известная категория имеется уже независимо от того, есть ли какая-либо аналитическая форма, представляющая ее, или нет. Так, например, категория времени у глагола в русском, немецком, английском языках имеется независимо от того, являются ли словосочетания *будет работать*, *wird arbeiten*, *will work* аналитическими формами, представляющими категорию времени, или нет: категория времени у глагола конституируется в этих языках уже наличием двух синтетически представленных категориальных форм: настоящего времени (*работает*, *arbeitet*, *works*) и прошедшего времени (*работал*, *arbeitete*, *worked*).

2. Имеется только одна серия синтетических словоформ, которая может представлять известную категориальную форму лишь при условии, что существуют словосочетания, выступающие в качестве аналитической формы, представляющей другую категориальную форму той же грамматической категории. В этом случае, таким образом, сам о с у щ е с т в о в а н и е данной грамматической категории зависит от того, являются ли известные словосочетания со служебными словами аналитическими формами соответствующих основных слов, или нет. Так, например, обстоит дело в случае категории вида в английском глаголе. Среди синтетических форм английского глагола нет таких двух форм, которые различались бы в плоскости вида и притом — только в этой плоскости. Это, вероятно, и было причиной того, что английский глагол очень долго рассматривался как чуждый категории вида. Последняя устанавливается в нем лишь при условии, что известные словосочетания форм глагола *be* с формами на *-ing* основных глаголов представляют собой не просто словосочетания, но аналитические формы соответствующих основных глаголов. Если *is working* есть аналитическая форма глагола *work*, то она неизбежно вступает в определенное отношение и взаимодействие с синтетической формой *works*, которая отличается от нее только по одной линии (совпадая по всем другим: те же лицо, число, время, наклонение...). Соотношение по этой линии есть явно видовое (хотя и не совпадающее в точности с тем, что мы находим в русском языке), и *is working* отличается от *works* и противопоставляется ему как другой грамматический вид, и только как таковой. Таким образом, в словоформах *works* и *is working* (поскольку последняя оценивается как аналитическая форма) представлены две разные категориальные формы, которые в их единстве образуют категорию вида в системе английского глагола. Если же *is working* и пр. не аналитические формы соответствующих глаголов, то соотношение с ними форм типа *works* не есть соотношение в пределах системы самого глагола как слова, но является соотношением слова и одного из словосочетаний, в которых оно используется. Это — принципиально другое понимание данного соотношения, так как различие между словом и (свободным) словосочетанием является очень существенным.

Если такое словосочетание, как *is working*, признается аналитической

формой глагола, то тем самым признается, что *is working* составляет специфическую пару с *works*, с которым оно имеет аналогичную семантическую структуру, несмотря на иное техническое строение. Вместе с тем оно по своему существу отделяется от других словосочетаний.

Напротив, если *is working* не выделяется как аналитическая форма глагола *work*, то оно в основном приравняется по своему характеру вообще к словосочетаниям, отличаясь от того или иного их типа лишь настолько, насколько его компоненты отличаются в отдельности от компонентов этих других сочетаний. Так, например, при этом условии *is working* будет отличаться от *is a worker* только в той степени, в какой причастие *working* «работающий» отличается от существительного с артиклем *a worker* «рабочий», а от *stands working* сочетание *is working* отличается ровно настолько, насколько *stands* отличается от *is*.

Понятно, что оба рассмотренных случая, типа англ. *works* — *worked* — *will work*, и типа англ. *works* — *is working*, существенно различны с точки зрения возможности перерастания словосочетания в аналитическую форму: в первом случае словосочетанию достаточно, так сказать, только присоединиться к уже существующей, готовой грамматической категории; во втором же — соответствующая грамматическая категория должна быть образована на основе специфического сближения данного словосочетания с определенной синтетической словесной формой, которая еще должна, в процессе этого сближения, получить значение новой категориальной формы (так, *works*, предположительно не имеющее значения вида, должно приобрести видовое значение в связи с сближением с словосочетанием *is working*).

В первом из этих случаев образование аналитической формы (т. е. приобретение словосочетанием характера грамматической формы слова) может произойти гораздо легче, чем во втором. Для первого случая достаточно, в сущности, того, чтобы отличие словосочетания по значению от любой из наличных (синтетических) форм данной категории стало аналогичным отличию (по значению) одной из них от другой; иначе говоря: чтобы семантическое отношение словосочетания к имеющимся (синтетическим) формам стало подобно их отношению друг к другу, что можно условно выразить так:

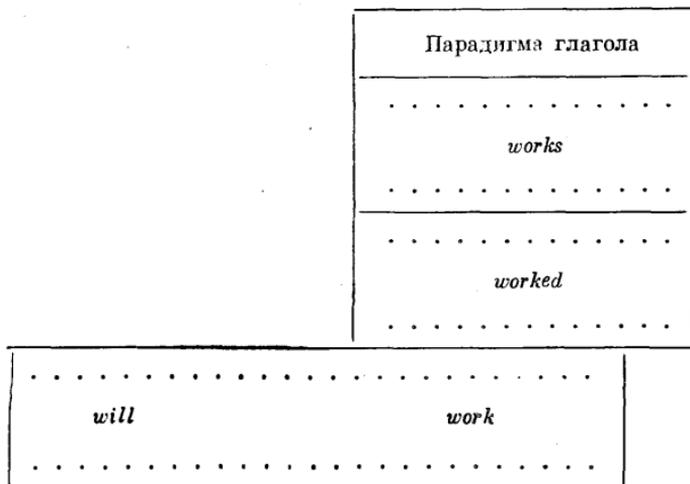
«аф»: «сф₁»: «сф₂»

(аналитич. форма, синтетич. формы; кавычки же показывают, что речь идет о значении). Например: «*will work*»: «*works*»: «*worked*». Т. е., поскольку у словосочетания *will work* образуется значение будущего времени, которое освобождается от всяких иных значений, отсутствующих у *works* и *worked* (например, от значения «хочет»), постольку *will work* превращается в аналитическую форму глагола *work* и входит в парадигму его спряжения.

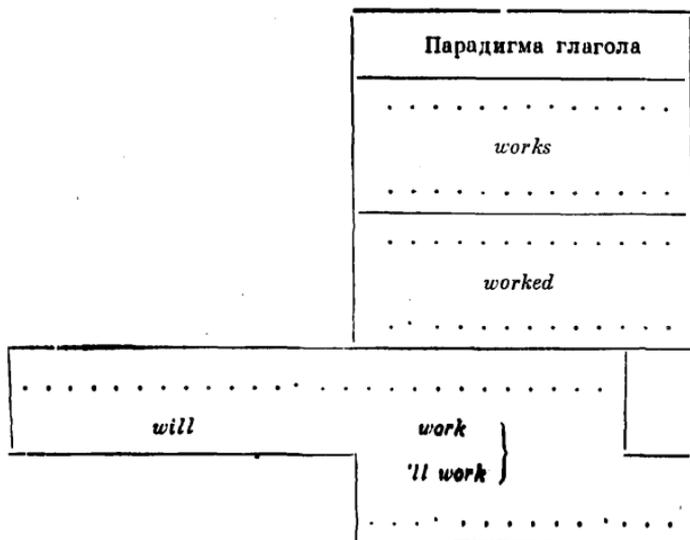
Насколько подобное явление осуществляется в каждом определенном случае в известном конкретном языке, вопрос другой: здесь требуется исследование соответствующего материала, в результате чего может быть установлено, имеем ли мы действительно дело с вполне устойчивой аналитической формой или нет, или с переходным состоянием, с подвижным, колеблющимся образованием. Но самый принцип выделения аналитической формы в случае первого типа (англ. *will work*, нем. *wird arbeiten* и пр.) не вызывает затруднений.

Так, мы можем, повидимому, сказать, что в английском языке словосочетание *will work*, вообще говоря, как таковое не закрепилося оконча-

тельно в качестве аналитической формы. Дело, вероятно, можно изобразить так:

Иначе говоря, *will work* не укладывается полностью в глагольную парадигму. Но, повидимому, другой его вариант, сокращенное *'ll work*, уже целиком принадлежит этой парадигме, так что полное положение дела можно было бы представить так:

Немецкое *wird arbeiten*, несомненно, полностью входит в парадигму на равных правах (в функциональном отношении) с синтетическими формами *arbeiten*, *arbeitete*.

По этому поводу нелишне заметить, что различные специфические значения, которые могут показаться выводимыми данное образование из данной категории, но которые естественно осмысляются как производные или переносные на основе данного категориального значения, не выдвигают данное словосочетание за пределы парадигмы. Они не меняют его характера

или аналитической формы: на основе общих, главных значений отдельных категориальных форм всегда возможны некоторые специфические их употребления и побочные значения, соответствующие их особому характеру. Так, формы настоящего времени, как известно, в самых различных языках могут применяться и для обозначения как прошедших, так и будущих событий, что, вообще говоря, не стирает границ между разными категориальными формами и не уничтожит у них значения настоящего времени, которое и придает специфический оттенок обозначению ими прошлых или будущих явлений¹. Подобным же образом, например, употребление *will weigh* в такой фразе, как *This rock will weigh several tons* «этот камень весит (пожалуй) несколько тонн», не выводит это словосочетание из категории времени и, в частности, из категориальной формы будущего времени, так как то специфическое значение, которое оно здесь имеет, может быть осмыслено как вытекающее из значения будущего времени (примерно так: «Если этот камень будет взвешен, то он потянет несколько тонн»). Можно сказать, что отличие, которое *will weigh* придает приведенному предложению сравнительно с *This rock weighs several tons*, хотя и не совпадает с обычным, самым прямым и простым отличием будущего времени от настоящего, тем не менее обьясняется на основе именно этого отличия.

Значительно сложнее обстоит дело во втором случае, типа *is working — works*, так как здесь нельзя сказать, в какую категорию должно войти или к какой категории должно примкнуть данное словосочетание: ведь здесь еще нет соответствующей сложившейся категории.

Очевидно, исходить здесь нужно из следующего. Словоформы, представляющие некоторое слово, вообще говоря, находятся в известных отношениях не только между собой, но и с различными словосочетаниями, в которые входит данное слово. Например, словоформа *работает* находится в определенном отношении не только со словоформой *работал* и пр., но и со словосочетаниями *не работает*, *работает ли*, *хорошо работает*, *может работать*, *начинает работать*, *хочет работать*, *считается работающим* и т. д. и т. п. Эти отношения могут, понятно, различаться как по конкретному содержанию, так и по общему своему характеру или типу. Так, отношение между *работает* и *может работать*, с одной стороны, и между *работает* и *хочет работать*, с другой, не одно и то же по конкретному содержанию (поскольку различные слова *может* и *хочет*), но по общему характеру оно в достаточной мере одинаково в обоих случаях, существенно отличаясь от отношения между *работает* и *не работает*, которое, в свою очередь, сближается в один общий тип с отношением между *работает* и *работает ли*. Понятно далее, что известные конкретные отношения и типы отношений могут быть ближе к тем, которые имеются между словоформами одного слова, или дальше от них. Так, например, отношение между *работает* и *хорошо работает* (и вообще всем типом: *усердно работает*, *легко работает* и пр.) очень отдаленно по общему характеру его содержания (качественная оценка) от того, что мы вообще находим в области отношений между грамматическими формами русского глагола. Напротив, два приведенные выше типа отношений сравнительно близки к этому: легко можно представить себе, что, например, выражения отрицания (через *не*) и вопроса (через *ли*) входят в систему глагольных форм. Ведь, в частности, отдельное написание *не* при глаголе очень похоже на условность, и А. А. Потебня регулярно писал *не* вместе

¹ Но, само собою разумеется, особое употребление какой-либо формы может привести к изменению ее общего значения и к тому, например, что одна категориальная форма может перейти в другую форму или даже в другую категорию.

с глаголом; а в отношении *ли* существовала и существует сильная тенденция соединять его с глаголом через дефис (*знает-ли*).

Одни семасиологические рассуждения в этом случае, однако, не помогут. Необходимо обратить внимание и на строение соответствующих образований, причем следует рассмотреть отношение их строения к строению других образований — словосочетаний и словоформ.

Но для того чтобы известное соотношение между двумя образованиями осмыслилось как лежащее в плане грамматики, необходимо, чтобы соответствующее смысловое различие было и выражено как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее, а это значит, что оно должно быть выражено не различием самих слов, но только изменением в слове или отношении между ними в их соединении и сочетании. В таком случае, как *работаем* и *мы работали*, различие между грамматическим и лексическим преимущественно определяется способом выражения по существу одного и того же содержания. А именно: значение первого лица множественного числа оказывается грамматическим (тракуется грамматически) в *работаем* вследствие того, что оно выражено лишь аффиксом словоформы, тогда как в *мы работали* оно же выступает как лексическое (тракуется лексически), поскольку выражено отдельным словом.

Грамматическим является выражение обобщенного отношения посредством лишь изменения слов и их соединения как такового, отвлеченного от их конкретности; лексическим же является выражение словами как таковыми, т. е. как частями словарного состава.

Для того чтобы известные словосочетания сблизились с отдельными словоформами и благодаря функционально-смысловому уподоблению последним ооризопали одну определенную категорию, необходимо соответствующую и выражение ее особо тесной связи между ними. Поскольку словосочетание при этом все же не превращается в цельную синтетическую словоформу (подобно лат. *finire habet* > франц. *finira*), постольку такое выражение оказывается очень тонким и относительным. В общем единственном его средстве оказывается то или иное обособление от аналогичных словосочетаний, относительная изоляция данной конструкции. Однако пути такой изоляции могут быть различны.

1. Наиболее очевидной представляется изоляция в тех случаях, когда словоформа, используемая в сочетании с данным служебным словом, вообще не применяется, или крайне неупотребительна в сочетании с другими служебными словами, или даже совсем неизвестна за пределами данного сочетания. В русском языке, по видимому, такие случаи не наблюдаются. Характерными примерами из других языков могут служить франц. *été*, нем. *gewesen*, англ. *been*, употребительные лишь в сочетаниях со служебными глаголами, соответственно, франц. *avoir*, нем. *sein*, англ. *have*, благодаря чему словосочетания вроде франц. *a été*, нем. *ist gewesen*, англ. *has been* особо изолируются.

2. Грамматическое значение словоформы при ее употреблении в сочетании с данным служебным словом может коренным образом расходиться с ее значением (или значениями) в других случаях. Ср., например, *Он поехал бы туда завтра*: без частицы *бы* словоформа *поехал* имела бы такое значение (а именно — значение прошедшего времени), которое препятствовало бы ее соединению со словом *завтра*¹. Поэтому, в частности, по-

¹ То, что частица *бы* может тесно сочетаться с союзами (*чтобы, если бы* и пр.) и местоимениями и соответствующими наречиями (*кто бы, какой бы, как бы* и т. п.), лишь осложняет дело, но не меняет его существа.

бы представляется более тесным сочетанием, чем **поехать бы**: между **поехать** (например, в *Поехать туда завтра!*) и **поехать бы** (в аналогичном предложении) не такая коренная разница, как между *поехал* (без **бы**) и *поехал бы*.

Формы так называемого причастия 2-го («прошедшего», «перфектного») во французском, немецком, английском и ряде других языков в определенных сочетаниях со служебными глаголами франц. *avoir*, нем. *haben*, англ. *have* и пр. не имеют того грамматического значения, которое характерно для них в других случаях. Так, в сочетаниях франц. *a donné*, нем. *hat gegeben*, англ. *has given* причастия не имеют значения страдательного залога (пассива), свойственного им в различных других употреблениях (*le livre donné à l'élève*, *das ihm gegebene Buch*, *the book given to him* и пр.).

Такая семантическая изоляция, как известно, в истории различных языков повела к утрате причастием согласования в соответствующих случаях (например, франц. *a écrit la lettre* без согласования *écrit* с *lettre* генетически восходит по своим отдельным компонентам и общему построению к лат. *habet illam litteram scriptam*, с согласованием причастия *scripta*, -a, -um и т. д. со словоформой *litteram*).

3. Нередко наблюдается такая несочетаемость данных форм основных слов с известными формами служебного слова, которая не объясняется какими-либо общими правилами сочетания слов. Тем самым наличные сочетания выделяются особо, даже если они и образуют длинные ряды. Ср., например, сочетания причастия 1-го с глаголом *be* в английском языке: *be working, is working, was working* и пр. Здесь мы находим длинный ряд образований, построенных по типу: «форма глагола *be*, требуемая общей конструкцией данного высказывания, плюс причастие 1-ое того глагола, который входит в лексический состав этого высказывания». На первый взгляд может показаться, что эта формула не знает ограничений. Однако это не так. Ведь согласно этой формуле мы должны были бы иметь и такое образование, как *being working*, которое практически отсутствует. В самом деле, мы находим подобные параллели: *be, work—be working; is, works—is working; was, worked—was working*.

Продолжая их с сохранением того же отношения, мы ожидали бы *being, working—being working*.

Ср., например, *be worked, is worked, was worked, being worked*. Ср. также *stand, stands, stood working; standing working; we saw the commander standing there on the bridge watching the unloading*¹.

Таким образом, получается, что такие словоформы, как *working, watching* и т. п., как бы заменяют в сочетании *being working, being watching* и пр., не употребляемые в действительности, но ожидаемые в соответствующих рядах сложных образований (*be working* и т. д.). Тем самым такие ряды вступают в особо тесный контакт с известными простыми, синтетическими формами соответствующих слов и изолируются по отношению к другим конструкциям.

4. Иногда форма основного слова, входящая в данное словосочетание, может иметь в этом словосочетании в общем то же или почти то же значение, что и в других словосочетаниях. Тем не менее изоляция данного словосочетания происходит вследствие известных синтаксических его особенностей как целого, специфически сближающих его с определенными простыми формами основного слова. При этом может иметь место своего рода раздвоение внешне одного и того же словосочетания вследствие того, что оно изолируется лишь в определенных случаях, в других же входит в бо-

¹ Пример заимствован у М. А. Ганшиной и Н. М. Василевской (см. М. G a n s h i n a and N. V a s i l e v s k a y a, *English grammar*, 7-th ed., Moscow, 1951, стр. 236).

лее общий ряд. Само такое раздвоение подчеркивает изоляцию одной категории случаев в противоположность другой. Ср., например, разные случаи с пассивными построениями. В таком предложении, как англ. *k in keep is palatalized*, словосочетание *is palatalized* не обособляется по своей структуре от таких словосочетаний, как *is voiceless*, *palatal*, *short* и т. п., и таких, как *becomes palatalized*, *remains palatalized* и др. Напротив, в предложении *k is frequently palatalized* сочетание *is palatalized* имеет тенденцию обособиться от сочетаний с прилагательными и специфически сблизиться с простой словоформой *palatalize*, например в *They frequently palatalized k and g*. Этому способствует наречие *frequently*, наталкивающее мысль на то, что *is palatalized* обозначает процесс, а не признак предмета. Случаи, подобные только что приведенному, еще раз показывают, что адъективность причастия 2-го не делает его прилагательным, поскольку соединение адъективности с глагольностью не образует нового качества. Грамматический характер причастия 2-го не осложняется лексическими моментами, а залоговое различие выступает как только грамматическое, как различие форм одного и того же слова.

М. Б. БАЛАКАЕВ

ТИПЫ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Предложение как ведущая и организующая единица речи, как основная форма выражения мысли, безусловно, является очень важным объектом синтаксиса. Не менее существенное значение для анализа синтаксических конструкций конкретных языков имеет также категория словосочетания. Изучение вопросов словосочетания, имеющее в русской лингвистической науке длительную историю, в казахском языкознании, да и вообще в тюркологии продолжает оставаться в начальной стадии. Сравнительно подробно была описана лишь структура именных определительных групп, да и то только в плане анализа функциональных отношений сочетающихся между собой имен.

Наиболее полное освещение некоторых вопросов словосочетания дано Е. И. Убрятовой в «Исследованиях по синтаксису якутского языка», где словосочетания рассматриваются в аспекте анализа форм синтаксической связи словосочетаний, построенных на примыкании, на изафете, на управлении, на согласовании и т. д.¹

Спорными и не выясненными в литературе о тюркских языках продолжают оставаться вопросы разграничения предложений от словосочетаний и объекты исследования синтаксиса словосочетаний. Как известно, А. А. Шахматов к словосочетаниям относил лишь те группы слов, которые образуют отношения второстепенных членов предложения. Он писал: «Словосочетанием называем такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других. Предложение, состоящее из двух или более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным»². Из дальнейших суждений А. А. Шахматова вытекает, что синтаксис словосочетаний занимается главным образом второстепенными членами предложения, а так называемое «законченное словосочетание» должно рассматриваться в синтаксисе предложения.

Эти установки А. А. Шахматова были положительно восприняты не только многими русистами, но также и тюркологами. Так, Н. К. Дмитриев писал: «... технически и словосочетание, и предложение представляют собой группу, или комплекс нескольких слов. Тем не менее принципы, по которым связываются оба комплекса, совершенно разные»³. Ниже он дал следующее определение словосочетания: «Всякое синтаксическое со-

¹ Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, I, — Л., 1950.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 274.

³ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 202.

четание, части которого не осознаются нами как внутренне связанные подлежащее и сказуемое, будет не предложением, а словосочетанием¹.

По мнению Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул — авторов очерка «Хакасский язык», помещенного в русско-хакасском словаре, в синтаксисе словосочетаний «... рассматриваются различные определительные (атрибутивные) словосочетания, а также формы связи и порядок слов в словосочетаниях...»² (при этом к «атрибутивным словосочетаниям» авторы очерка относят как атрибутивно-определятельные, так и атрибутивно-обстоятельственные и объектные словосочетания); в синтаксисе же предложений, по мнению тех же авторов, «... рассматриваются предложения или предикативные словосочетания, а также формы связи и порядок слов в предложениях»³.

Точка зрения указанных авторов вытекает из желания разграничить объект и задачи синтаксиса словосочетаний и синтаксиса предложений, поскольку словосочетание и предложение — синтаксические категории, противопоставляющиеся друг другу по своей структуре и содержанию.

Эти важные вопросы совершенно в ином плане были разработаны в последние годы В. В. Виноградовым на материале русского языка. По мнению В. В. Виноградова, словосочетания «... не являются цельными единицами языкового общения и сообщения», а являются лишь «строительным материалом для предложений». — «Вне предложения словосочетания, так же как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, качеств, процессов и т. п.»⁴ В. В. Виноградов отвергает традиционное деление словосочетаний на «непредикативные и предикативные», а предикативность и интонацию высказывания признает основными грамматическими признаками предложения. Вместе с тем он считает, что «категория предикативности кладет резкую грань между словосочетанием и предложением»⁵. Все эти теоретические положения и выводы В. В. Виноградова вполне приемлемы и для тюркских языков.

2

В настоящей статье мы постараемся уточнить предмет синтаксиса словосочетаний и охарактеризовать именные типы словосочетаний на материале казахского языка.

Прежде всего возникает вопрос: может ли словосочетание, будучи принципиально отличной от предложения категорией, выступать в качестве самостоятельного предложения? Как нам представляется, словосочетание, равно как и слово, формально может выступать в качестве предложения.

Отдельные слова, благодаря смысловой связи с предшествующими предложениями и интонации законченного высказывания, очень часто представляют собой законченные предложения. Это бывает чаще всего в диалогической речи, а также в междомытных и именных предложениях: *Солай ма?* «Так ли?», *Ия* «Да», *Әрине!* «Конечно», *Тун* «Ночь», *Жым-жырт* «Тишина», *Пәлі!* «Ну и ну!», *Смотри-на!*

Словосочетание является одним из необходимых звеньев, через которые

¹ Н. К. Дмитриев, указ. соч., стр. 203.

² Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 464.

³ Там же.

⁴ В. В. Виноградов, Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка», Академии наук СССР, ИАН ОЛЯ, 1954, вып. 6, стр. 498.

⁵ Там же, стр. 499.

осуществляется процесс синтаксического оформления слов в предложении. Словосочетания, как и отдельные слова, могут оказаться также и **цельными** единицами языкового общения. Очень часто именные описательные предложения выражаются именными словосочетаниями: *Айдама. Қолдің биік қабағы. Әлсіз жел* (С. Муканов) «Голая степь. Высокий берег оврага. Слабый ветер».

Одно и то же явление в языке часто рассматривается в нескольких аспектах, с разных сторон. Например, слова как лексические единицы являются объектами лексикологии, а как категории, выражающие понятия, являются уже объектами семасиологии и стилистики; кроме того, в морфологии они изучаются как части речи и как объекты словообразования. В синтаксисе же слова рассматриваются либо как члены предложения, либо как компоненты словосочетаний, либо как самостоятельные предложения.

Если к сказанному добавить, что одна и та же форма слова и одна и та же форма словосочетания могут выполнять различные функции в зависимости от их отношения к другим словам, то станет ясно, что невозможно установить точные границы этих категорий. Всякая попытка, направленная на искусственное обособление словосочетаний от предложений (например, *кітап оқыл* «читая книгу», *кітап оқу* «чтение книги» — словосочетания, а *кітап оқыды* «читал книгу» — предложение), обречена на неудачу.

В указанной работе Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул к «объектным словосочетаниям» авторы относят неглагольные и глагольные словосочетания, причем в последних «определяемые» — глагольные формы должны употребляться, по их мнению, также только в причастной или деепричастной формах, т. е. в неличных формах глагола, например: *анда болған//болып* «там бывший, будучи там»; *атха мұнған//мұніп* «севший на лошадь, сев на лошадь» и т. д.¹ Эти ограничители поставлены ими также только с той целью, чтобы словосочетания не перешли границы предложения.

Из синтаксического учения В. В. Виноградова не вытекает вывод о том, что «предикативные сочетания» не входят в систему словосочетаний. В. В. Виноградов в своих статьях по синтаксису и авторы раздела синтаксиса словосочетаний академической Грамматики русского языка в своих разборах и иллюстративных примерах не избегают и «предикативных сочетаний». Если внимательно прочесть примеры, данные в Грамматике на словосочетания с глаголом в роли главного слова, там сплошь и рядом можно встретить такие сочетания, как *принял... деньги, зарядили... пистолет, поймали ежа, догнал меня... и подал записку*² и т. д.

Эти примеры даны в качестве иллюстраций к словосочетаниям, выражающим объектные отношения слов, с глаголами в роли главных слов. В этом случае они очень удачны, хотя глаголы, выступающие в роли главного слова в указанных словосочетаниях, имеют и определенную предикативную функцию, благодаря которой приведенные примеры могут рассматриваться также как самостоятельные предложения.

В этой связи нам хочется напомнить еще одно утверждение В. В. Виноградова о том, что «в систему форм глагольных словосочетаний изучать философию, заниматься пеннем, сочувствовать товарищу» и т. п. входят и их предикативные формы *изучаю философию, занимаюсь пеннем*

¹ См. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова - Грекул, указ. соч., стр. 471.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 116.

и т. п., но лишь как потенциальный материал для составления предложения...»¹

Синтаксис словосочетаний, конечно, не ставит перед собой задачи изучения членов предложения. Но если в словосочетании устанавливается функциональная зависимость слов та же, что и в составе предложения, то мы не можем не считаться с этим явлением при изучении типов словосочетаний. Поэтому, говоря об именных и глагольных словосочетаниях, приходится отвечать на вопрос: в каких функциональных отношениях находятся сочетаемые слова в предложении?

По общим правилам синтаксиса казахского языка в именном словосочетании грамматическим и смысловым центром последнего чаще всего служат имена существительные, которым подчиняются прилагательные, числительные, указательные местоимения и глаголы в причастной форме. Они могут сочетаться с именами существительными в двух функциональных аспектах в зависимости от того, какой у них будет порядок расположения: если зависимые слова предшествуют главным, то, как правило, первые употребляются в атрибутивной функции (*жарық ай* «светлая луна», *қараңғы түн* «темная ночь»). При обратном расположении слов зависимые слова употребляются в предикативной функции (*ай жарық* «луна светла», *түн қараңғы* «ночь темна»).

В казахском языке имеются также и такие именные сочетания, как *ол сараң* «он жадный», *жел артымыздан* «ветер дует сзади», *еккен орар* «кто посеет, тот пожнет» (буквально: «сеющий пожнет»), *кормес түйені де кормес* «тот, кто не желает видеть, не увидит даже верблюда» и др. Из таких примеров можно заключить, что прилагательные могут сочетаться с личным местоимением, существительные в исходном падеже — с существительным, причастие с причастием лишь в функции сказуемых.

К тому же в тюркских языках мы имеем такие сочетания, которые, будучи в потенции предложением, выступают в качестве развернутого второстепенного члена предложения. Например, в предложении *Омарбек жолдасы жазған хатты оқыды* «Омарбек читал письмо, написанное его товарищем» мы находим следующие словосочетания: *Омарбек оқыды* «Омарбек читал», *хатты оқыды* «читал письмо», *жолдасы жазған* «написанное его товарищем», *жолдасы жазған хатты* «письмо, написанное его товарищем». Из них первое, второе и третье словосочетания могут быть восприняты как предложения. Следует ли утверждать, что последние три слова между собой сочетаются, а все остальные не сочетаются? Нет, не следует. С нашей точки зрения, не надо исключать из синтаксиса словосочетаний словосочетания, выражающие понятие подлежащего и сказуемого, на том лишь основании, что они тождественны с понятием предложения.

Известно, что и ныне нет таких категорий, которые были бы совершенно обособлены. Нельзя, например, абсолютно точно установить границы частей речи. Это понятие и, думается, не требует особой мотивировки. Так же нельзя с математической точностью установить границы слов и предложений, с одной стороны, и словосочетаний, с другой. Тем не менее каждую языковую категорию нужно определить исходя из главной ее специфики.

3

Многие исследователи очень часто, но порой безуспешно, берутся за сложные вопросы синтаксиса, не ставя перед собой цели выяснить, как же все-таки соединяются слова между собой. Мы убеждены в том, что

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 11.

нельзя понять и правильно осветить синтаксические закономерности того или иного языка без знания грамматических правил и законов сочетаемости слов в предложении. Лексико-грамматическое значение слов, их отношения друг к другу, их функции в предложении можно точно установить и определить лишь в составе словосочетания. Слова поступают в распоряжение грамматики языка путем сочетания друг с другом, путем использования ими грамматических средств языка. Только благодаря грамматике, путем соединения слов в предложениях, слова приобретают свой смысл, свое значение. Кроме того, «в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка»¹.

Мы склонны думать, что словосочетание является не только важным объектом синтаксиса, но и основой всех других вопросов синтаксиса, главным образом учения о составе предложения. Поэтому вопросы словосочетаний в описательной грамматике должны подробно излагаться в начале раздела синтаксиса как основная предпосылка для выяснения специфики данной категории и лучшего понимания остальных вопросов синтаксиса.

Синтаксис словосочетаний изучает расчлененную грамматическую группу слов в составе предложения, объединенную по смыслу и по грамматическим правилам данного языка. При этом не всякое грамматическое объединение слов составляет предмет синтаксиса словосочетаний. Объектами синтаксиса словосочетаний являются объединения двух или иногда более лексических единиц, выступающих в зависимости друг от друга. Изучение словесных групп, соединенных не подчинительной, а сочинительной связью, и словесных групп, составляющих лексическое единство, а также сочетания полнозначных слов со служебными словами не входит в круг объектов синтаксиса словосочетаний. Однородные члены предложения, слова, грамматически не связанные в предложении (вводные слова, обращения, междометия), парные сочетания (*жоғары-томен* «вверх-вниз», *үлкен-кіші* «большие-маленькие», *кесе-шайнек* «разная посуда для чаепития»), сочетания частиц и вспомогательных глаголов с полнозначными словами (*желе ғой* «види-ка», *айтып еді* «сказал, говорил»), сложные слова типа *ақ қайың* «белая береза», *көп балалы* «многодетные», лексикализованные выражения типа *эйсе алу* «жениться», *орақ ору* «косить», *аяқ басу* «ходить, ступать» и т. д. также не входят в круг объектов синтаксиса словосочетаний.

Такие сочетания, в отличие от обычных свободных сочетаний, мы называем *с к о в а н н ы м и* сочетаниями. К ним относятся также сочетания имен с послелогами и со служебными именами.

Как известно, служебные слова не обладают конкретными значениями, не выступают как самостоятельные слова в определенной синтаксической функции. Только при известных условиях они могут быть теми или иными членами предложения или явиться относительно законченным высказыванием. Они, как правило, выражают лишь грамматические отношения членов предложения. Кроме того, они уточняют и дополняют грамматические значения и различного рода оттенки самостоятельных слов или словосочетаний. Послелоги употребляются в составе определенных грамматически зависимых сочетаний: они, как и предлоги в русском языке, требуют определенной падежной формы управляемых ими слов и тем самым устанавливают зависимость одних слов от других. При этом послелоги не являются смысловым центром словосочетания, а выступают как бы связывающими «посредниками» двух полнозначных слов.

¹ Там же.

По своей структуре скованным сочетаниям соответствуют также идиоматические и фразеологические сращения типа *tisın qayırau* «точить зубы, затаить злобу», *qulaq kaғыs etu* «дать знать, намекнуть», *urейin uшыру* «нагнать страху», *tаяқ жеу* «испытать побои, быть битым» и др. В этих устойчивых сочетаниях формальная зависимость налицо, но они выступают здесь как единое целое¹.

Словосочетания должны изучаться в составе предложения. Синтаксические отношения, типичные для предложения, и другие вопросы синтаксиса предложения не могут рассматриваться в синтаксисе словосочетания². Однако, если наравне с другими словами в предложении в круг словосочетаний будут вовлечены такие имена и глаголы, которые в потенции составляют предложение, то это не будет, по нашему мнению, смешением вопросов изучения словосочетания и предложения.

4

Синтаксис словосочетаний как особый раздел синтаксиса изучает структуру сочетаемых слов, способы и формы синтаксической связи, типы, функции и значение словосочетаний в предложении. Все эти вопросы в описательной грамматике должны быть изложены на базе самых характерных черт словосочетаний данного языка. К ним в тюркских языках относятся: сочетаемость слов и формы связи сочетаемых слов.

Исходя из этих свойств словосочетаний, целесообразно классифицировать их по признаку сочетаемости слов на именные и глагольные, которые в свою очередь делятся на ряд групп по формам связи сочетаемых слов. Последние опять-таки распадаются на мелкие подгруппы, где сочетаемость слов должна быть принята во внимание как главный критерий для классификации. В данной статье дается краткое описание основных типов именных словосочетаний.

Словосочетания с примыкающими именами (существительные в роли главного слова)

Имена, сочетающиеся по способу примыкания, не нуждаются в грамматическом оформлении. Господствующие компоненты данного типа словосочетаний могут изменяться, но морфологическая структура этих слов не оказывает никакого влияния на структуру подчиненных слов, как это имеет место в русском языке.

Если в русском языке определение в именных словосочетаниях *золотой браслет, первая бригада* согласуется по форме с определяемым (*золотые браслеты, золотому браслету, о золотом браслете* и т. д.), в этих случаях определение в тюркских языках остается неизменяемым: *алтын білезік* «золотой браслет», *алтын білезікке* «золотому браслету», *алтын білезіктің* «золотого браслета»; *бірінші бригада* «первая бригада», *бірінші бригадада* «первой бригаде», *бірінші бригададан* «из первой бригады» и т. д.

Прилагательные, порядковые и количественные числительные, указательные и вопросительные местоимения, причастия и многие имена суще-

¹ См. С. К. Кенесбаев, О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке, «Известия АН Казах. ССР», № 135, Серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954.

² См. В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, ВЯ, 1954, № 3, стр. 5.

ствительные в качестве подчиненных компонентов словосочетаний также не меняют свой внешний облик при изменении формы господствующих слов. Подобные словосочетания могут быть объединены в одну общую группу «словосочетаний с примыкающими именами». В зависимости от характера подчиненных слов они в свою очередь делятся на несколько подгрупп.

Именные словосочетания этого типа очень часто образуются из сочетаний имен существительных с именами существительными, которые находятся друг с другом в атрибутивных отношениях. Эти отношения устанавливаются строгим порядком слов, причем первое существительное, выступающее в функции определения, всегда является подчиненным, например: *алтын сағат* «золотые часы», *темір құрек* «железная лопата» и т. д.

В составе таких определительных групп количество слов бывает от двух до четырех, например: *бет орамал* «носовой платок», *жібек көйлек* «шелковое платье», *қамыс құлақ ат* «лошадь, уши которой похожи на камыш» (буквально: «камыш ухо лошадь»); *шоқпар бас темір таяқ* «железная палка с наконечником» (буквально: «наконечник голова железо палка»). В последних двух примерах каждая предыдущая пара определяет смысл последующих существительных и составляет сложный тип именных словосочетаний.

Следует заметить, что не всякое существительное может быть первым компонентом в таких именных определительных словосочетаниях. Например, возможны словосочетания: *тас жол* «дорога, устланная булыжником», «мостовая», *алтын сағат* «золотые часы», но нельзя составить подобное именное словосочетание путем перестановки этих существительных. Иногда можно составить однотипные словосочетания путем перестановки сочетаемых слов, однако обратное сочетание получает совершенно иной смысл: *көз әйнек* «очки» (буквально: «глаза стекло») и *әйнек көз* «стеклянные глаза»; *қалта сағат* «карманные часы» и *сағат қалта* «карман для часов».

Существительные с абстрактными значениями типа *қуш* «сила», *әрекет* «действие», *тәртіп* «дисциплина» и т. д. почти не употребляются в качестве первых компонентов таких словосочетаний.

Не все существительные с конкретными значениями могут самостоятельно сочетаться с другими существительными; многие из них сочетаются лишь в том случае, если они снабжены в свою очередь соответствующими определениями. Сюда относятся сочетания типа: 1) *жалғыз аяқ жол* «тропинка», *бір арқа отын* «одна вязанка дров», *үш қап астық* «три мешка зерна»; 2) *бір қайнатым шай* «одна заварка чая», *бір үзім нан* «один ломоть хлеба», *екі асым ет* «две закладки мяса»; 3) *қалқан құлақ бала* «мальчик с оттопыренными ушами», *салты ерін ат* «лошадь с отвисшей губой», *бұлан құйрық түлкі* «виляющая хвостом лиса»; 4) *биік өкше етік* «сапоги с высокими каблуками», *қаба сақал Қасымбек* «Касымбек с окладистой бородой».

Некоторые существительные могут употребляться в повторном парном сочетании: *қора-қора қой* «несколько стад баранов»; *тарам-тарам жол* «разветвленная дорога», *қап-қап астық* «несколько мешков зерна».

Слова, находящиеся в составе указанных именных словосочетаний, выражают различные предметно-атрибутивные отношения. Это различие вытекает из семантических особенностей как первого, так и второго компонента словосочетания.

Смысловые же отношения подобных сочетаний обозначают: 1) материал, из которого сделан предмет: *темір пеш* «железная печь»; 2) сравнительный эпитет: *қой көз* «бараны глаза», *жібек жүн* «шелковистая

шерсть»; 3) назначение предметов: *кір сабын* «хозяйственное мыло», *шай кесе* «пиала для чая»; 4) пространственные отношения предметов: *тау теке* «горный козел», *ауыз үй* «проходная комната»; 5) отношения меры: *бір қора қой* «стадо баранов», *бір удыс бидай* «горсть пшеницы», *шелек-шелек сүт* «несколько ведер молока»; 6) деятельность человека: *сүретші Әбілхан* «художник Абилхан»; 7) половое различие: *қыз бала* «девочка», *ұл бала* «мальчик»; 8) отношение вида к роду: *нар тұйе* «одногорбый верблюд» и т. д.

Следует заметить, что существительные, находящиеся в таких атрибутивных отношениях, могут представлять собой и синтаксическую, и лексическую группу. В обоих случаях определение характеризует определяемое по признаку присущего ему предметного свойства.

Вторую подгруппу словосочетаний этого типа составляют словосочетания, состоящие из имен существительных, выступающих в качестве главного слова, и имен прилагательных — в качестве зависимого слова. В этих словосочетаниях прилагательное, относящееся к имени существительному, составляет с ним вместе тесно связанную синтаксическую группу для выражения различных определительных отношений: *жақсы қыз* «хорошая девочка», *қызык өмір* «интересная жизнь», *бақытты әйел* «счастливая женщина», *жазғы салқын* «летняя прохлада» и т. д. Именные словосочетания с качественными прилагательными выражают отношение свойств и качества к предметам, как-то: цвета предметов, например: *ақ орамал* «белый платок», *қызыл галстук* «красный галстук», *жирен ат* «саврасый конь»; физические качества предметов, например: *қалың қарағай* «густые сосны», *ыстық самал* «горячий ветер», *тәтті тамақ* «вкусная пища»; величину предметов, например: *ұзын ағаш* «длинное дерево», *алыс жол* «далекий путь», *тар бөлме* «тесная комната»; внутренние и внешние качества человека или животных, например: *ақылды бала* «умный мальчик», *жалқау кісі* «ленивый человек», *бүкір шал* «горбатый старик».

Именные словосочетания с относительными прилагательными характеризуются разнообразием значений, связанных с основами относительных прилагательных. Они определяют другие предметы в отношении качества, выражаемых лексическими значениями имен, от которых образуются эти относительные прилагательные; например: *Таусыз ормансыз дала* (С. Муканов) «Степь без гор, без лесов»; *Терісінен ескен болымсыз гана жел лебі білінеді* (М. Ауэзов) «Дыхание тихого северного ветра едва заметно»; *Тоғсандағы Жамбылға толқындатып со з келді* (Джамбул) «Девятидесятилетнему Джамбулу пришли песни волнами».

Относительные прилагательные, образованные от существительных, в свою очередь, могут иметь при себе определения, образуя сложные определительные словосочетания. Эти словосочетания по своему составу в большей части бывают трехсложными, т. е. они состоят из трех (иногда более) слов, находящихся между собой в определительных отношениях: *ұзын бойлы, талдырмаң денелі... жігіт Асқармен амандасты* (С. Муканов) «Высокий, худощавый джигит поздоровался с Асқаром»; *Ақ жаулықты келіншектер, үкілі қажият бөрікті қыдарқо рінеді* (М. Ауэзов) «Видны молодые женщины в белых платках, девушки в камшатовых шапках, украшенных совиными перьями»; *Ақ басты Алатауын Жамбылым...* (Джамбул) «Я Джамбул седого Алатау».

Сочетания имен числительных и качества определений с именами существительными определяемыми составляют третью подгруппу именных словосочетаний. Все разряды числительных, кроме собирательных, могут употребляться в составе именных словосочетаний в роли подчиненных компонентов. Их связь устанавливается

строгим порядком слов. В способах сочетания числительных с существительными имеются следующие особенности.

К о л л е к т и в н ы е числительные не изменяют своих форм в зависимости от морфологической структуры существительных, а существительные, имеющие количественные определители, как правило, не употребляются в формах множественного числа; например: *Класса жыйырма т өрт оқушы сабаққа қатысуға тиісті* (М. Иман) «В классе должно учиться двадцать четыре ученика»; *Бөлмеге жаңа екі қонақ келін кірді* (С. Муканов) «В комнату вошли два новых гостя».

П о р я д к о в ы е числительные в составе именного словосочетания определяют порядок счета предметов; например: *Үшінші бригада* «третья бригада», *оныншы ай* «десятый месяц», *екінші кітап* «вторая книга».

П р и б л и з и т е л ь н о е числительное в составе именного словосочетания указывает на неопределенное, приблизительное количество; например: *үш жүздеі жылқыны* «около трехсот коней», *бес-алты қырка* «около пяти-шести бугорков».

Четвертую подгруппу именных словосочетаний образуют словосочетания с определением — м е с т о и м е н и е м. Из всех разрядов местоимений лишь указательные, вопросительные и отрицательные могут сочетаться с существительными путем примыкания. В словосочетаниях, состоящих из имен существительных в роли господствующих слов и из местоимений в роли подчиненных слов, выражаются определительные отношения. Определительная функция указанных местоимений основывается на различных смысловых отношениях, обусловленных общими значениями этих местоимений.

Указательные местоимения в составе именного словосочетания выражают указательные отношения; например: *бұл көше* «эта улица», *анау үй* «тот дом», *осы аудан* «этот район», *сол таудан* «из той горы».

Вопросительные местоимения в составе именного словосочетания выражают вопросительные отношения; например: *қай қала?* «какой город?», *пешінші үй?* «какой по счету дом?», *қандай кісі?* «какой человек?».

Собирательные местоимения в составе именного словосочетания выражают коллективные отношения; например: *барлық халық* «весь народ», *күллі жұрт* «весь народ», *әртүрлі сөз* «всякий разговор».

Наконец, пятую подгруппу составляют именные словосочетания с причастиями. Они с достаточной полнотой уже описаны в грамматиках конкретных тюркских языков¹, поэтому здесь мы на них не останавливаемся.

Обращают еще на себя внимание словосочетания, состоящие из наречия времени и из имен разного характера. Например: *Біз де бүгін вахтадамыз* (Х. Ергалиев) «И мы сегодня находимся на вахте»; *Қазір ол — мал бригадирі* (Г. Мустафин) «Сейчас он — бригадир по животноводству»; *Жомартта әлі үн жоқ* (Г. Мустафин) «Жомарт все еще молчит»; *Бүгін... сергектік бар* (М. Ауэзов) «Сегодня царит восторженность».

Именные словосочетания соподчинительной конструкции

К и м е н н ы м словосочетаниям соподчинительной конструкции относятся так называемые изафетные конструкции третьего типа. В этих словосочетаниях зависимые слова употребляются в родительном

¹ См., например, Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 423—435.

падеже, а господствующие слова оформляются соответствующими притяжательными аффиксами. При этом морфологическая структура данного словосочетания обусловлена соподчинением компонентов, например: *менің қарындасым* «моя сестра», *сенің қарындасың* «твоя сестра» и т. д. Эти слова связаны между собой двухсторонней зависимостью: форма первого компонента — оформление его аффиксом родительного падежа — зависит от формы второго компонента и, наоборот, форма второго, господствующего компонента — оформление соответствующим аффиксом принадлежности — зависит от грамматической формы первого компонента.

Структура указанных словосочетаний является специфической для тюркских языков и в том числе для казахского. Подобных форм связи нет ни в славянских, ни в других индоевропейских языках. В тюркских грамматиках, составленных под влиянием грамматик русского и других языков, соподчинительная, изафетная форма синтаксической связи одними авторами объяснялась как особый вид согласования¹; другие считали эту форму связи управлением². В действительности же данная форма связи хотя и имеет некоторые сходства, с одной стороны, с согласованием, а с другой — с управлением, но принципиально отличается от последних двух тем, что если при согласовании подчиненные слова употребляются в определенной грамматической форме в зависимости от грамматических форм и значений господствующих слов словосочетаний, то в данной форме грамматической связи мы видим обратное явление: тут господствующие слова принимают определенную грамматическую форму в зависимости от грамматического значения подчиненного слова, чем и обуславливается употребление подчиненных слов в родительном падеже. Далее эти словосочетания могут развернуться путем повторения той же зависимости. Благодаря этому часто образуется длинная цепь соподчиненных друг другу слов, например: *директордың орынбасары* «заместитель директора», *директордың орынбасарының кабинеті* «кабинет заместителя директора»; *директордың орынбасарының кабинетінің есігі* «дверь кабинета заместителя директора».

В последнем примере первое слово *директордың* употреблено в родительном падеже, следующие за ним слова *орынбасарының*, *кабинетінің* употреблены в родительном падеже с притяжательным аффиксом третьего лица. Посредством такой двойной аффиксации одно и то же слово в сложном словосочетании выступает в роли и подчиненного, и господствующего слова. Эта специфика данной формы связи слов в словосочетаниях требует выделения ее в особый тип грамматической связи, который мог бы быть назван соподчинением («матасу»).

В изафетной соподчинительной конструкции употребляются не только имена существительные, но и все склоняемые имена, в том числе и причастия. Поэтому целесообразно объединить все словосочетания этого типа в одну группу именных словосочетаний с соподчинительной конструкцией.

Полное представление об именных словосочетаниях с соподчинительной конструкцией можно составить в том случае, если каждый компонент этого типа словосочетания будет анализирован в отдельности. Для удобства изложения зависимые слова в родительном падеже будем называть первым компонентом, а господствующие слова с притяжательным аффиксом — вторым компонентом.

¹ См., например: И. А. Батманов, Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке, Фрунзе, 1940, стр. 11—13; Н. К. Дмитриев, указ. соч., стр. 205.

² См., например, Е. П. Убритова, указ. соч., стр. 39.

Первый компонент именной соподчинительной конструкции употребляется, как было сказано выше, в родительном падеже и служит в словосочетании определением. Он характеризует определяемое по признаку принадлежности одного предмета другому. Это значение приобретает различные оттенки в зависимости от того, в каком составе соподчинительной конструкции употребляется определение.

В тех случаях, когда в именном словосочетании с соподчинительной конструкцией первый компонент остается неоформленным, отношения принадлежности не сохраняются. Это можно видеть из следующих примеров: словосочетание *колхоздың малы* имеет значение «скот колхоза», словосочетание же *колхоз малы* означает «колхозный скот». Такие же различия по смыслу можно наблюдать при сравнении следующих словосочетаний: *заводтың ұйлері* «дома завода» и *завод ұйлері* «заводские дома», *университеттің студенттері* «студенты университета» и *университет студенттері* «университетские студенты».

При сравнении этих примеров легко можно убедиться, что слова в оформленном и неоформленном родительном падеже выполняют различные атрибутивные функции, что оформленность и неоформленность вовсе не связаны с определенностью и неопределенностью предметов, как это утверждалось в литературе о тюркских языках. Это можно подтвердить еще и тем, что не всякое словосочетание с первым компонентом в оформленном родительном падеже можно параллельно употребить без родительного падежа. Например, словосочетание *сіздің табысыңыз* «ваши достижения» нельзя использовать в форме *сіз табысыңыз*, ибо местоимение *сіз* «вы» в сочетании с существительным не может выражать атрибутивные отношения без оформления этого слова в родительном падеже. С другой стороны, словосочетания *кен байлығы* «ископаемые богатства» и *мал шаруашылығы* «животноводческое хозяйство» не могут быть использованы в форме *кеннің байлығы* и *малдың шаруашылығы*, ибо первые компоненты в них по смыслу не могут выражать отношений принадлежности.

Вторым компонентом именного словосочетания с соподчинительной конструкцией бывают существительные, местоимения, субстантивированные прилагательные, причастия и числительные. Они в составе словосочетания данной группы употребляются всегда с аффиксами принадлежности, например: *менің жолдасым* «мой товарищ», *теңіздің толқыны* «волна моря», *аттың жүрісі* «ход коня», *қыздардың қуанышы* «радость девушек», *олардың ақылысы* «умный из них», *студенттердің бесеуі* «пятеро из студентов», *менің айтқаным* «сказанное мною», *балалардың жұмысы* «то, что делают дети».

В именных словосочетаниях соподчинительной конструкции слова, оформленные соответствующими аффиксами принадлежности, выступают в качестве объекта обладания; слова же, оформленные аффиксом родительного падежа, выражают субъект принадлежности¹.

Именные словосочетания с управляемыми именами

В казахском языке нередко существительные, прилагательные и некоторые другие имена, выступая в качестве господствующего компонента словосочетания, сочетаются с прочими именами в определенных падежных формах. Между ними устанавливаются объектные отношения, которые оформляются управлением; например: (*колхоз*) *малға бай* «колхоз богат скотом», (*ол*) *сөзге шорқақ* «он не красноречив», (*ол*) *комиссияға мүше* «он член комиссии».

¹ См. Н. К. Дмитриев, указ. соч., стр. 54—61.

В именных словосочетаниях с управляемыми именами господствующие слова выражаются именами прилагательными, существительными, наречиями именного происхождения, именами *бар* «есть» и *жоқ* «нет» и некоторыми другими частями речи.

Эти имена могут выступать господствующими компонентами указанных именных словосочетаний главным образом в предикативной функции. Последнее объясняется, очевидно, тем, что имена исторически употреблялись в функции сказуемых с соответствующими вспомогательными глаголами, которые в дальнейшем были опущены. Этот процесс очень характерен для поговорок и пословиц. Поэтому именно в них можно больше всего обнаружить примеров на словосочетания с управляемыми именами. Большое количество этих словосочетаний можно обнаружить также в художественной, особенно в переводной литературе.

В зависимости от того, какие имена выступают господствующими компонентами именных словосочетаний с управляемыми словами, они делятся на несколько подгрупп.

Словосочетания с именами прилагательными. Имена прилагательные по своей природе относятся к зависимым именам. Они обычно сочетаются в качестве определений с именами существительными. Однако имеются именные словосочетания, в которых имена прилагательные выполняют также и господствующую роль. Наблюдения показали, что не все прилагательные в одинаковой степени способны быть господствующими компонентами словосочетаний: из качественных ими могут быть лишь такие, которые выражают качество человека или какого-либо предмета; например: *жақсы* «хороший», *жаман* «плохой», *саран* «скупой», *жалқау* «ленивый» и т. д.

К ним могут относиться также имена существительные в направительно-дательном падеже, которые выражают объектные отношения, указывая: 1) на внутреннее содержание других предметов: *көзі жасқа толы* «полные слез» (о глазах), *отірікке әуес* «склонен к обману» (о человеке); 2) на назначение предмета: *жүндеуге жақсы* «хорош для стрижки» (о верблюде).

Имена существительные в исходном падеже, сочетаясь с прилагательными *жаман* «плохой», *жақсы* «хороший», *артық* «лучший», *оңай* «легкий», выражают объектные отношения и указывают на превосходство качества одного предмета по сравнению с другим предметом, например: *Отірік айтқаннан өлген жақсы* (пословица) «Чем говорить неправду, лучше умереть»; *Алыстағы жаудан аяқ астындағы дұшпан жаман* (пословица) «Неприятель, находящийся вблизи, хуже, чем враг, находящийся вдали».

Из относительных прилагательных наиболее употребительными в качестве господствующих компонентов именных словосочетаний являются прилагательные на *-лы/-лі*, *-сы/-сі*. Они могут быть связаны с именами, стоящими в исходном и в направительно-дательном падежах, например: *маған түсінікті* «понятный мне», *іске жауапты* «ответственные за работу», *бізге белгісіз* «не известный нам», *бала күнінен үйреншікті* «привычный с детства», *жұмысқа жарамды* «годный к работе».

Словосочетания с именами существительными. Имена в пространственных падежах часто сочетаются с именами существительными. Последние могут оказаться господствующими компонентами таких именных словосочетаний лишь в том случае, если они употреблены в функции сказуемого.

Исключение составляют имена существительные с абстрактными значениями, близкие по своей природе к именам прилагательным. Эти существительные могут вступать в синтаксические отношения с другими име-

нами, стоящими в пространственных падежах. В подобных случаях они являются господствующими компонентами словосочетаний, но обозначают не предметы, а предметные признаки других предметов, например: *кенге бай жерлер* «богатые рудниками земли».

Зависимыми компонентами именных словосочетаний бывают существительные, местоимения и прилагательные в направительно-дательном падеже, очень редко в местном и творительном падежах. В направительно-дательном падеже они, сочетаясь с именами существительными, выражают объектные отношения, указывающие на лицо или предмет в качестве выразителя проявляемого существительным признака, например: *Қашпақ, құмақ — ерге сын; көшпек, Қонбақ — жерге сын* (пословица) «Бегство, погоня — испытание джигиту; кочевка, оседание — испытание земле»; *Сен партияға кандидатсың* (С. Муканов) «Ты кандидат в члены партии»; *Жақсы жұмыс жанға тыныс* (пословица) «Хорошая работа — успокоение для души».

Зависимые слова в местном, исходном, творительном падежах выражают обстоятельственные отношения, например: *Абай соңғы күндерде, әсіресе осы соңғы түнде, өзiне бұрын дағдылы болмаған бір халде* (М. Ауэзов) «Последние дни, а этой ночью особенно, Абай испытывал неведомое ему раньше чувство»; *Шырағым, ол жағын айтпа. Жан-тәнім мен ырзамын* (Г. Мустафин) «Светик мой, об этом не говори. Я всей душой доволен».

Именные словосочетания со словами *бар, жоқ*. Слова *бар* «есть», *жоқ* «нет» часто употребляются в именных предложениях в качестве сказуемых. В этих случаях они могут образовать словосочетания с управляемыми именами. Управляемые имена подчиняются словам *бар, жоқ* в местном, иногда в исходном падежах. В зависимости от лексических значений подчиненных имен, словосочетания со словами *бар, жоқ* употребляются в объектном и в обстоятельном значениях. В объектном значении они указывают на лицо или на предмет, подтверждая наличие или отсутствие другого предмета; например: *Менде қағаз бар* «У меня имеется бумага», *Жалдасымда қызық кітап бар* «У моего товарища имеется интересная книга».

В обстоятельном отношении именные словосочетания со словами *бар, жоқ* выражают значения места и времени, например: *Не қызық бар мұнда?* (Г. Мустафин) «Что тут интересного?»; *Аспанда алақандай бұлт жоқ* (С. Муканов) «На небе нет туч».

Словосочетания с наречиями состояния. Из всех наречий лишь предикативные (или наречия состояния) иногда выступают в качестве главных компонентов именных словосочетаний. Они, выполняя функции сказуемых, могут иметь при себе обстоятельства или дополнения в пространственных падежах. Предикативные наречия, выражающие физическое и психическое состояние человека и животных, составляют словосочетания с управляемыми именами в объектных значениях: *саған ұят «тебе совестно», бізге күлкілі «нам смешно», оған қорқынышты «ему страшно»*.

Наречия, имеющие общее значение долженствования, необходимости, возможности, одобрения, часто выполняют роль господствующих слов именных словосочетаний. Сюда относятся слова: *мүмкін* «возможно», *керек* «нужно», *тиіс* «должно», *мәлім* «известно», *барібір* «все равно», *бірдей* «одинаково». С этими наречиями сочетаются имена существительные, местоимения и некоторые другие имена в направительно-дательном падеже: *кіруге мүмкін бе?* «можно войти?», *маған керек* «мне нужно», *жастара керек* «нужно молодежи», *айтуға тиіс* «должно говорить», *ма-*

ған мәлім «мне известно», сізге бәрібір «вам все равно», бәрімізге бірдей «всем нам одинаково».

Словосочетания с составными именами. Круг именных словосочетаний с управляемыми словами заметно расширяется за счет употребления вспомогательных глаголов в составе словосочетаний. Обычно они с именами образуют составные сказуемые, к которым нередко относятся другие имена в косвенных падежах.

Специфика данного типа словосочетаний заключается в употреблении зависимых слов еще и в винительном падеже, что не имеет места в именных словосочетаниях без вспомогательных глаголов. Зависимые слова — имена в косвенных падежах — выражают в словосочетаниях объектные, локативные и временные отношения.

Зависимые слова в винительном падеже выражают отношения прямого объекта¹, например: *Мен оның сөзін мақұл көргім* «Я одобряю его речь».

Зависимые слова в направительно-дательном падеже. Составные имена с вспомогательными глаголами также образуют именные словосочетания с зависимыми словами в направительно-дательном падеже. Они употребляются в различных объектных отношениях и указывают на лицо или на предмет, которым приписывается (или отрицается) определенное именование, например: *Тарыға май көптік қылмайды, құршықе су көптік қылмайды* (поговорка) «Для пшеница масло не бывает излишним, для риса вода не бывает излишней»; *Кәсіп орындарының коллективтері жаңа табыстарға ие болды* «Коллективы промышленных предприятий достигли новых успехов».

Зависимые слова в исходном падеже. Имена в исходном падеже выражают также объектные отношения, например: *Сауысқаннан сақ бол* (Г. Мустафин) «Будь более настороженным, чем сорока»; *Өзімнен арқайсымы артық емес* (Г. Мустафин) «Они не лучше, чем я».

Зависимые слова в местном и в творительном падежах. Составные имена также образуют словосочетания с зависимыми словами в местном² и творительном падежах. Эти словосочетания могут выражать отношения объектные, пространственные и временные, например: *Олар мерекені зор табыстармен қарсы алды* «Они встретили праздник большими успехами»; *Аржақта егістік даласы алыс емес* (С. Муканов) «Поливное поле находилось неподалеку за рекой».

Именные группы, построенные на управлении, иногда образуют сложные словосочетания, например: *Ушаков байға ызалы екенін жасыра алмай, үйдемей қалды* (Г. Мусрепов) «Ушаков не мог скрыть, что он сердит на богача, и промолчал»; *Байжанға көп сөзді адам сыяқтылау көрісетін Анатолий Кондратьевич көпшілік арасында сөзге ең сараң кісі екен* (С. Муканов) «Раньше он казался Байжану человеком, любящим поговорить, но сейчас Анатолий Кондратьевич был самым молчаливым из всех».

Таковы основные типы именных словосочетаний в казахском языке.

¹ См. М. Б. Балакаев, О комбинированном управлении прямого дополнения в казахском языке, «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951.

Н. Ю. ШВЕДОВА

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Реплики-повторы¹

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной. Письменная речь — это всегда так или иначе обработанная и обдуманная фиксация языка с целью последующего воспроизведения написанного². Разговорная речь — это сам звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или к слушателям. Различие двух форм речи опирается на различия «в общественных условиях и в материальных средствах социального общения»³. В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий использует готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, заранее не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение в пользовании письменной и разговорной речью. Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной⁴.

Между двумя формами языка существуют значительные различия. Об этих различиях очень верно писал талантливый казанский лингвист А. Н. Боголюбов: «Существенной остается разница между письмом и говорением, между чтением глазами и слушанием; между языком, к которому привыкают наши руки и глаза, и языком, к которому привыкают наш язык (и вообще органы говоренья) и наши уши... Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения»⁵. И дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматики, то... здесь окажется заметная между ними разница. Грамматическое строение говоримой речи зависит в значительной степени от обстановки говоренья и от собеседника или слушателей»⁶.

Собственно языковые различия между разговорной и письменной речью с наибольшей четкостью выявляются прежде всего в области интонации, а также в области синтаксиса словосочетаний и особенно синтаксиса предложения⁷. В области синтаксиса си-

¹ В настоящей статье излагаются некоторые положения одного из разделов выполняемой работы, посвященной изучению синтаксиса русской разговорной речи.

² «Письменная речь является речью, закрепляемой в порядке ее осуществления; в результате остается, таким образом, нечто пребывающее, некоторое произведение» (Л. П. Якубинский, О диалогической речи, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Г. Пг., 1923, стр. 145).

³ В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, № 1, стр. 78. Ср. его же, О категории модальности в русском языке, «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II, М.—Л., 1950, стр. 45. О функциональных различиях разговорной и письменной русской речи см. также: А. В. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953, стр. 5—9, 298.

⁴ Ср. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, «Ив. яз. в шк.», 1954, № 3, стр. 50.

⁵ А. Н. Боголюбов, Об изучении литературных языков. Методологический очерк, «Уч. зап. Казанск. ун-та», год LXXXI, кн. 3, март, Казань, 1914, Часть неофиц., стр. 9.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Замечания об «элементах синтаксиса разговорной речи» см. в книге А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка» (М., 1952, стр. 187—196). Рамки статьи не позволяют дать необходимый критический анализ ряда высказанных в этом разделе положений.

стема собственно строевых элементов разговорной речи является не менее определенной, чем в речи письменной. Распространенное мнение о свободе строя разговорной речи, об отсутствии в ней строгих норм, о «недостаточной оформленности» ее конструктивной держит только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Больше того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь с в о б о д н е е в выборе языковых средств, чем речь «говорящая», которая, в силу специфики своего протекания, не знает процесса обдуманного избирания, а естественно отливается в готовые и общеобязательные языковые формы¹.

Внутри разговорной формы речи существуют две разновидности: монолог как непосредственно обращенный к собеседнику неприужденный рассказ² и диалог. Сколько-нибудь точного определения монолога со стороны его языковой природы не существует³. Те признаки, которые выносятся в монолог некоторыми исследователями, во-первых, относятся к монологу как элементу литературного произведения, во-вторых, в значительной мере случайны и не могут считаться признаками языковыми.

Разговорный монолог — это форма неприужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям⁴. Между монологом и диалогом несомненно существуют формально-языковые различия, и диалогическая реплика отличается от монолога не только объемом, «направленностью к партнерам» и «узостью тематических границ»⁵. Диалогическая реплика, если она соединена собственно синтаксическими связями с предшествующим высказыванием собеседника, есть единица синтаксическая, имеющая свои характерные признаки, присущие ей как компоненту сложного языкового построения.

Диалог представляет собой обмен высказываниями, порождаемыми одно другим в процессе разговора⁶. Эта взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность смысловая и — в определенных случаях — структурно-языковая. Предметом изучения в настоящей статье являются только такие высказывания диалога, которые связаны между собой определенными синтаксическими связями. Простейшим сочетанием здесь является обмен двумя высказываниями, из которых последующее в своей словесно-грамматической форме зависит от предыдущего. Такие два сочетавшиеся по определенным грамматическим правилам высказывания мы дальше будем называть репликами, вкладывая в этот термин указанное выше содер-

¹ «В языке письменном возникает иллюзия с в о б о д ы в выборе слов и выражений, названий и оборотов; сильнее начинает чувствоваться момент логической и эстетической оценки, прозаическая и поэтическая ценность различных языковых средств, — в ущерб чувству обязательности такого-то говоренья при таких-то обстоятельствах и неприкосновенности готовых традиционных формул» (А. Н. Боголюбов, указ. статья, стр. 16).

² Монолог есть и в письменной речи, но там он отливается в особые, отличные от разговорного монолога формы. (О формах монолога в художественной речи см. В. В. Виноградов, К построению теории поэтического языка, сб. «Поэтика», вып. III, Л., 1927.) Следует признать, что поддержанная и развиваемая Л. П. Якубинским мысль Л. В. Щербы об искусственности монолога (см. Л. В. Щерба, Восточно-лужицкое наречие, т. I, Пг., 1915, Приложение, стр. 3—4) справедлива лишь в отношении монолога «иностранного», литературно обработанного и не может быть распространена на литературно не обработанный, разговорный монолог.

³ «Понятие это нельзя считать вполне ясным. С упрощенной точки зрения монолог — это просто более или менее пространный реплика. Но это только один, и может быть не самый существенный признак для характеристики отдельной реплики. Сколько-нибудь содержательное определение диалогической реплики, естественно, можно получить только путем сопоставления ее с репликой диалогической» (Г. О. Винокур, «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, «Уч. зап. МГУ», вып. 128, Труды кафедры русского языка, вып. I, М., 1948, стр. 51).

⁴ По терминологии, принятой в одной из ранних работ акад. В. В. Виноградова, — монолог «собобщающего типа» в его «новоступающей» разновидности (см. В. В. Виноградов, Проблема сказа в стилистике, сб. «Поэтика», Л., 1926, стр. 30—31).

⁵ Ср. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 51.

⁶ Русская диалогическая речь почти не подвергалась специальному изучению. Цитировавшаяся выше статья Л. П. Якубинского «О диалогической речи» была у нас едва ли не первой попыткой постановки вопроса о языковой специфике диалога. Однако вопрос этот не нашел здесь достаточного освещения: подчеркивая необходимость «чисто речевого», «именно лингвистического подхода к делу» (стр. 109), Л. П. Якубинский в то же время большую часть своей статьи посвятил проблемам неязыковым — «апперцепционному моменту в восприятии речи», «бытовому шаблону в диалоге» и «речевому автоматизму». О других опытах изучения русской диалогической речи см. ниже.

жание: второе высказывание в своей структуре зависит от первого и без него не существует. Такое сочетание реплик есть по существу сложное построение — коммуникативная единица диалога, в которой линии синтаксического подчинения выявляются почти исключительно в формах второй реплики¹.

В современном русском языке выявляются два основных вида синтаксической зависимости второй реплики от первой. Первый: состав второй реплики с точки зрения выражения всех элементов мысли оказывается «неполным» и «восполняется»² из первой реплики (*Ты когда приехал?—Вчера*). Такие реплики исследователями обычно включаются в круг так называемых «неполных» предложений³. Однако рассмотрение таких реплик как «восполняющих синтаксический состав предложения предыдущей реплики», как «обрубков» предложений, характерное, например, для кандидатской диссертации Т. Г. Винокур⁴, не может вызвать сочувствия. Нескольким по-иному, в плане «синтаксической соотнесенности» реплик, однако тоже с точки зрения «неполноты» состава второй реплики, тот же материал освещается Т. Г. Винокур в статье «О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи»⁵.

Другой вид синтаксической зависимости второй реплики от первой обнаруживается тогда, когда вторая реплика, в своем словесном составе обязательно повторяя первую или ее часть (реже — однокоренное слово), ничего в ней не «восполняет», а выражает различные экспрессивные, оценивающие «реакции на действительность»⁶, на то, что сказано. В состав второй реплики часто входит частица, модальное слово или междометие, повторяемое слово может выступать в «удвоении» (подробнее см. ниже), по структурной основой второй реплики обязательно является повторение — в том или ином виде — элементов словесного состава первой реплики. Так построенные вторые реплики диалогического единства в целях терминологического удобства можно называть повторами. Реплики-повторы и являются предметом анализа в настоящей статье.

Итак, повтор — это построенная по правилам разговорной речи вторая реплика, выражающая экспрессивно окрашенную реакцию на сказанное, имеющая в качестве своей структурной основы те или иные элементы словесного состава первой реплики и подчиняющаяся ее форме.

Повтор в его разнообразных формах широко распространен в русской диалогической речи. Исследователи отмечали это явление⁷, но определяли его по-разному и не всегда точно. Так, А. А. Шахматов отмечает повтор в «Синтаксисе русского языка». В разделе «Вставленные из соседнего предложения слова» он пишет: «В составе предложения могут оказаться слова, находящие себе место в предшествующем или в следующем предложении в качестве членов этих предложений, между тем как в данном предложении они могут оказаться излишними и не оправдываемыми смыслом предложения. Например, из предшествующего предложения вставлены в следующее: Здравствуйте, молодые люди... (гости встают и кланяются). 1-й гость (смеется). Молодые люди... а вы разве старая? Иванов, П. Ч е б у т ы к и н. Не ходите, дуся моя. М а ш а. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая. Три сестры, 1. В том и в другом случае можно допустить пропуск слов: вы сказали»⁸. Перед нами — вторые реплики-повторы, и согласиться, что «вставленные из соседнего предложения слова» здесь оказываются «излишними и не оправдываемыми смыслом предложения», не представляется возможным; никакого «пропуска слов» здесь, конечно, тоже нет.

Подробный обзор реплик-повторов (однако без необходимого разграничения по-

¹ В статье анализируются простейшие типы названных коммуникативных единиц диалога. Поэтому обычные в диалоге явления языковых сцеплений нескольких реплик, когда и первая реплика не свободна, а зависит от предыдущей, здесь не изучаются.

² Ср. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 44.

³ См., например, И. А. Попова, *Неполные предложения в современном русском языке*, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. II, М., 1953, стр. 94—119.

⁴ Т. Г. Винокур, *О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке*, Автореф. канд. дисс., М., 1953.

⁵ Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955. Ср. аналогичную точку зрения, изложенную в только что опубликованном автореферате кандидатской диссертации М. Л. Михлиной «Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи» (Л., 1955), где говорится о «структурной неполноте взаимосвязанных реплик диалога» (стр. 5), о «недостаточной сформированности предложений» как «одной из наиболее характерных синтаксических особенностей диалогической речи» (стр. 14).

⁶ В. В. Виноградов, *О категории модальности в русском языке*, стр. 49.

⁷ См., например, А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, стр. 194, 197—198; И. А. Попова, указ. статья, стр. 121—122; А. Е. Киселев, *Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка*. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 9.

⁸ А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, Л., 1941, § 364, стр. 273.

второв и реплик, «скрепленных синонимическими выражениями») дает Г. О. Винокур в уже цитированной статье «„Горе от ума“ как памятник русской художественной речи». Приводимые здесь материалы убеждают, что они являются не результатом изобретательного языкового мастерства¹ Грибоедова, а отражением живой разговорной речи эпохи. И не случайно автор, задумавший свою статью как исследование о языковом мастерстве писателя², приходит к выводу, что «рукой Грибоедова... водил сам русский язык»³. Впрочем Г. О. Винокур принципиально не отказывается от возможного заключения о принадлежности описанных им явлений к «индивидуальной художественной манере» писателя⁴.

Нельзя также согласиться с Л. А. Булаховским, относящим «лексически совпадающие концы синтаксических отрезков» к индивидуально гоголевским приемам создания комического⁵.

Некоторые виды повторов отмечены в уже упоминавшемся автореферате диссертации М. Л. Михлиной⁶. Однако ценность ряда положений (например, о функции повторов) снижается в связи с рассмотрением повторов как «неполных» предложе-ний, случайностью выбора и разнородностью включаемых в единую классификацию построений, невниманием к структурной роли частиц.

Повтор — общепризнанное явление русской диалогической речи; непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога. Анализируя «шаблонную форму бытового разговора», Л. П. Якубинский приводит шуточный разговор: — *Здорово, кума. — На рынке была. — Аль ты глуха? — Купила петуха. — Прощай, кума. — Полтину дала.* По поводу этого разговора Якубинский замечает, что если бы глухая не забыла, что при встрече здороваются, этот разговор «должен был бы протекать так: — *Здорово, кума* — *здорово, кума*, — *„где была“*, — *„на рынке была“*, — *„что покупала“*, — *„купила петуха“*, — *„сколько дала“*, — *„полтину дала“*...»⁷ Следует признать, что так — с точки зрения языковых норм диалога — разговор протекать не мог. По нормам разговорной речи он должен был бы строиться примерно так: — *Здорово, кума. — Здорово* (или: — *Здорово, кума*). — *Где была? — Где была-то? Да на рынке* (или: — *Где? На рынке*). — *Что купила? — Что купила-то? Да (вот) петуха* (или: — *Купила-то? Да (вот) петуха*). — *Сколько дала? — Сколько? Полтину* (или: — *Дала-то? Да полтину*).

Повторение слов, характерное для диалогической речи, выступает в разных видах и имеет разные функции. Так, в утвердительном ответе повторение слова, несущего на себе в вопросе смысловую акцент, является нормой⁸. Но это не есть повтор в принятом нами значении слова, так как такое повторение, во-первых, «восполняется» из состава первой реплики, во-вторых, оно не является обязательно репликой экспрессивно реагирующей, например: «— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку. — *Одна*, — прошептала она едва внятно. — Ты лесникова дочь? — *Лесникова*, — прошептала она» (Тургенев, Бирюк)⁹.

С точки зрения того, какие слова или группы слов входят из первой реплики в состав реплики-повтора, выделяются три основных типа таких реплик: 1) повторяется одно слово из состава первой реплики (— *Ты все это сам сделал? — Какое сам!*); 2) повторяется словосочетание или предложно-именное сочетание (— *Выпей хоть*

¹ См. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 35, 41.

² См. там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 68.

⁴ См. там же.

⁵ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., 2 изд., М., 1954, стр. 459. Ср. приводимый здесь пример: «— А как, например, числом? — спросил Мичанов. — Да, сколько числом? — подхватил Манилов. — *Да как скажешь, числом!* Ведь, неизвестно, сколько умирало: их никто не считал».

⁶ М. Л. Михлиной, указ. соч., стр. 10—12.

⁷ Л. П. Якубинский, указ. статья, стр. 166.

⁸ См. интересные замечания А. В. Добина о формах ответа в связи с разными видами вопросов (А. В. Добина, Опыт синтаксической частоты речи и их форм на почве греческого языка, Прага, 1897, стр. 471—472, в кн.: «Известия Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Петербурге», т. XVI, 1898).

⁹ Писатель И. Поников наивно видит в этих ответах выражение неразвитости, отсталости детской речи и своеобразии художественной манеры Тургенева (См. И. Поников, Тургенев художник слова, 1954, стр. 59—61); ответы эти построены по живым нормам русской разговорной речи. Вообще повторы логически акцентулируемых слов — характернейшее средство соотнесения компонентов диалога. Ср.: [Барабашев] У нас серьезное финансовое дело, никакого замедления не терпит. [Фелицата] У тебя серьезное, у нас еще серьезнее. Там у нее *ундёр*. [Барабашев] *Ундёр* чин незначительный. [Фелицата] *Незначительный*, а беспокоить не велели. (Островский, «Правда хорошо...»). См. об этом Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 41—44.

одну чашечку! — Разве что одну чашечку...; — Без пальто идти? — Что ты без пальто!); 3) повторяется предикативная основа первой реплики¹ (— Помилуйте, смею ли я... — Чего смею ли я! — Как же ты это сделаешь? — Как сделаю. Я и сам не знаю). Если первая реплика является нераспространенной или мало распространенной, то она может повторяться целиком (— Ушибся? — Вот еще ушибся!), но эти случаи принципиально не отличаются от перечисленных трех основных типов повторов. Слово или сочетание слов может повторяться или в той же форме, в которой оно употреблено в первой реплике, или изменять свою форму; в определенных случаях возможны замены слова другим словом с тем же корнем. Замены или сохранения форм или слов подчиняются определенным правилам, главные из которых будут изложены ниже.

Состав и строение повтора как второй части сложной коммуникативной единицы диалога определяются составом и строением первой реплики. Но вторая реплика представляет собой повторение именно данного, определенного слова или слов; она лексически незаменима. В то же время в построении многих типов повторов, как уже отмечалось и как будет показано дальше, самую активную конструктивную роль играют разнообразные частицы, междометия, модальные слова, т. е. слова определенного лексико-грамматического класса, без которых не образуется тот или иной тип повтора с тем или иным определенным значением. Таким образом, в построении повтора обязательно должны участвовать в качестве его структурных элементов конкретные, не заменяемые другими лексические единицы. В этом — двойственная природа повторов, почему мы и должны говорить о их лексико-синтаксическом, а не просто синтаксическом строении.

Реплики, построенные при участии частиц, имеют богатый круг модальных значений. Если интонация может варьироваться, специфический рисунок ее может быть отчетливее или слабее, то частицы всегда выступают как яркие и несомненные выразители соответствующих значений. Ср. замечание Добиаша по поводу вопросительной частицы: «...Вопросительная „частица“ была нужна на языке для самых примитивных его потребностей (тон — тоном, но полезно и предупредить этот тон каким-нибудь средством, тем более что во многих случаях он может установиться и обнаружиться только с течением речи, а никак не на самом первом слове)»². Характерно, что Добиаш подчеркивал случаи отнесения частиц не к отдельному слову, а к целому «тексту»³.

Круг модальных частиц, конструирующих реплики-повторы, уже и определеннее, чем тот, который намечается для класса модальных частиц в целом⁴. Модальные частицы, функционирующие в качестве структурных элементов повторов, классифицируются, с одной стороны, по своим живым, еще не утраченным связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей; с другой стороны, — по своему составу, по формам.

Намечаются следующие группы модальных частиц по их в той или иной мере сохраняющимся функционально-смысловым связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей: 1) наречные частицы; 2) местоименные частицы; 3) союзные частицы и 4) частицы, не сохраняющие функционально-смысловых связей с другими классами слов. Со стороны состава частицы, конструирующие повторы, разделяются на простые, составные и сложные. Простые частицы состоят из одного слова. Составные частицы представляют собой неустойчивые сочетания, легко возникающие и распадающиеся. В разговорной речи с простой частью обычно свободно соединяется, так же свободно отделившись от нее, усиливающие элемент (один или более), не привносящие никакого нового значения и саму часть и не влияющие на общее значение повтора в целом. Вот характерные примеры. Местоименная частица *какое*, конструирующая повтор со значением уверенного отрицания, легко обрастает усиливающими элементами *уж*, *тут*, *там*, *тебе*, *к чёрту* и некоторыми другими (— *Был он у тебя? — Какое там был!* — *Какое тебе был!* — *Какое уж был!* — *Какое к чёрту был!*). Наречная

¹ Предикативной основой первой реплики мы будем называть такие конструирующие ее элементы, без которых она не может существовать как данный тип относительно законченного высказывания.

² А. В. Добиаш, *указ. соч.*, стр. 465. Ср. также В. В. Виноградов, *О категории модальности в русском языке*, стр. 44—45.

³ См. А. В. Добиаш, *указ. соч.*, стр. 474.

⁴ Общий обзор литературы вопроса и подробную характеристику модальных частиц см. в цитированной выше статье В. В. Виноградова «О категории модальности в русском языке». См. также кандидатскую диссертацию Д. С. Светлышева «Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке» (М., 1955). Заметим кстати, что предложенное здесь деление частиц на экспрессивные и эмоциональные не представляется достаточно обоснованным и убедительным.

частица *как*, конструирующая экспрессивно окрашенный переспрос, легко обрастает свободно отчленимыми усиливающими элементами *да* (препозитивное безударное), *это, то есть, же* и некоторыми другими (— *Где бы ты хотела жить?— Как это где жить?— Да как где жить?— То есть как это где жить?— Как же это где жить?— Это то есть как же где жить? и т. п.*). Местоименная частица *что*, конструирующая повтор, выражающий отношение к сказанному как к несущественному, маловажному, легко соединяется с усиливающими препозитивными элементами *да, ну, постпозитив. тут, там, же* и некоторыми другими (— *Полноте, маменька!— Да что полноте!— Что ж полноте!— Ну что полноте!— Да что ж там полноте!— Что тут полноте!* и т. п.). Как видно уже из отдельных примеров, усиливающие элементы в составной частице в большинстве случаев подвижны, свободны и легко отчленимы.

Сложная частица ни по составу, ни по значению не членима и представляет собой единое структурно-смысловое целое, порядок компонентов которого обычно строго закреплён. В то же время в составе частицы сравнительно легко выделяется ее смысловое ядро, выявляющее ее живую связь с наречием, местоимением или союзом. Таковы, например, сложные наречные частицы *так и* (— *Придет!— Так и придет!*), *туда же* (— *Герой!— Туда же герой!*), местоименная частица *что это* (— *Еще заснем все.— Что это заснем!*) и многие другие. Сложные частицы в ряде случаев могут обрастать усиливающими элементами, однако со значительно большими ограничениями, чем простые (ср.:— *Так тебе и придет!— Туда же мне герой!— Что это еще заснем!*).

Строение и состав частиц влияет на строение повтора; разные частицы по-разному функционируют в реплике с точки зрения их интонационных связей с ее остальным составом, а также с точки зрения места частицы в общей структуре повтора¹.

*

Современная русская разговорная речь включает в число своих специфических конструкций двенадцать основных лексико-синтаксических типов реплик-повторов².

1. Собственно повторы, т. е. повтора³, не осложненные никакими добавочными словесными элементами, обязательно участвующими в построении второй реплики в качестве ее структурного элемента. Здесь выделяются следующие структурные виды повторов.

а) Повторение в форме вопроса, на который обычно сам говорящий здесь же дает ответ:— *Ну, а любовь что?— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль.— Чем-нибудь ты ведь жил же на улице.— Чем жил? Ворвал.* Особое место занимают повторение личных местоимений, выполняющих в первой реплике «морфемную» функцию. Такие повторы играют роль собственно синтаксических скреп между вопросом и ответом:— *Ты куда идешь?— Я? Домой!*

б) Повторение в форме вопроса, с выделительной частицей *то*:— *До броду далеко?— До броду-то? Недалеко.— Что говорят обо мне?— Что говорят-то? Да говорят слушости.*

в) Повторение, произносимое с интонацией полувопроса или восклицания; далее обычно следует разъяснение:— *За чем пришла?— За чем, за ложкой.— Что ты с ним в сенях говорила?— Что говорила! Говорила, на бочку обруч набить надо.*

г) Двоекратное повторение, обычно — с интонацией восклицания:— *О чем вы так долго?— О чем, о чем! Сама знаешь о чем.— Угли сырые, не раздуешь никак.— Сырые, сырые! Надо сушить.*

Основные значения собственно повторов группируются вокруг выражения разных оттенков отрицательного отношения и сказания или уяснения смысла того, что содержится в первой реплике; эти оттенки определяются характером первой реплики, формами и интонацией повторов.

2. Повторы с наречными частицами. В группу наречных частиц, участвующих в конструировании повторов, входят следующие частицы: *как* (*да как, как же, да как*

¹ Усиливающими элементами могут обрастать не только частицы, но и формы полнозначных слов, употребляющиеся в функции модальных слов (— *Нельзя уж просто поговорить!— Вровете, поговорить!* и — *Вровете там поговорить!— Уж бросьте еще поговорить!* и т. п.). Легко образуются и составные междометные сочетания, например:— *Это доктор.— Ах да, доктор!* или — *А, да, доктор!*— *Выспишься еще.— Ну да, выпишься!* (ср.:— *Ах, доктор!— А, доктор!— Да, выпишься!*).

² По условиям места мы вынуждены отказаться от дифференцированного рассмотрения разных видов повторов, так же как и от анализа их значений. Предлагаемый перечень является строго схематическим.

³ Здесь и дальше под повторением имеется в виду повторение слова, сочетания слов или предикативной основы первой реплики.

⁴ Мнение о том, что такие переспросы «вызваны стремлением отделаться от ответа, оттянуть его, выиграть время для его обдумывания» (И. А. П о п о в а, указ. статья, стр. 121), не подтверждается материалами.

же, как это, да как это, то есть как, как так, как это так, как такое), так и (так тебе и¹), так-таки, так уж, уж, чего (да чего, чего там, чего тут, чего ж, да чего ж, чего уж, чего еще), нечего (ничего там, ничего уж), куда (куда там, да куда, куда уж, куда уж там, куда ж), где (да где, где уж, где там, где же, да где там, да где ж), зачем, туда же, хорошо, прямо (прямо уж, прямо тебе)². Все эти частицы в той или иной степени сохраняют смысловые связи с соответствующими наречиями, что, естественно, отражается на их функционировании в составе второй реплики и на общем модальном значении повтора. Почти все повторы с наречными частицами выражают разные виды отрицательного или недоуменного отношения к сказанному. Со стороны словесно-интонационного строения можно выделить два вида повторов с наречными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Не горячись, пожалуйста.* — *Как (как это и т. п.) не горячись?* — *Не холодно тебе будет?* — *Чего (чего там и т. п.) холодно!* — *Ведь любила его?* — *Куда (куда уж и т. п.) любила!* — *С отцом пойдешь?* — *Где (где тут и т. п.) с отцом.* — *Сами делали.* — *Так-таки (так уж) сами?*

б) Повторение, произносимое с интонацией восклицания или утверждения, в сочетании с простой частицей: — *Я его слегка только отстранил.* — *Хорошо отстранил!* — *Я тебе верну.* — *Нечего верну!*

Почти для всех повторов с наречными частицами характерны препозиция частицы и интонационная нечленность повтора, общие для ряда построений правила замены глагольных форм и распространения реплики дополнением с определенным значением; там, где структура реплики, ее словесный состав содействуют активизации первоначального наречного значения частицы, это значение накладывает определенный отпечаток на модальное значение повтора в целом.

3. Повторы с местоименными частицами. Эти реплики, так же как и реплики с наречными частицами, объединяются широким кругом разнообразных оттенков отрицательного отношения к сказанному или к предмету речи. Местоименные частицы, участвующие в формировании повторов, таковы: *что* 1) (*а что, ну что, что такое, чего, что* 2) (*что тут, что там, а что, да что, ну что, что ж, а что ж, да что ж, ну что ж*), *что это* (*чтой-то*), *что за* 3) (*что такое за, что ж за*), *какое* 4) (*какое там, какое тут, какое уж*), *то-то* 5) (*то-то же, вот то-то, вот то-то же*), *никаких*. Многие из этих частиц сохраняют смысловые связи с местоимениями, что отражается на строении и значениях соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Мне ведь на службу...* — *Что (что уж и т. п.) на службу.* — *Проспий!* — *Что это (что это еще) прослю!* — *И ты все был кучером?* — *Какое (какое там и т. п.) все кучером!* — *Длинно.* — *Что за длинно!* — *Что еще за длинно!*

б) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей и с выделительной частицей *-то*: — *Глупы вы стали.* — *Да что глупы-то?*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или составной частицей: — *Я не жалеюсь.* — *То-то (вот то-то и т. п.), не жалеюсь.* — *Его к тебе послать?* — *Что ж (ну что ж), ко мне.* — *Что ж, и ко мне.*

4. Повторы с союзными частицами. Эти реплики богаты по формам и разнообразны по значениям. За счет небольшого исключения все они, так же как и повторы с наречными и местоименными частицами, выражают разные оттенки отрицательного отношения. В формировании повторов участвуют следующие союзные частицы: *а, да, и (а и, да и, ну и, вот и, вот тебе и, вот те и, а вот и, даже и), уж и (ну уж и, так уж и, вот уж и, ну вот уж и, чтой-то уж и), будто (будто бы, будто и, уж будто и, будто уж, будто бы уж), разве (разве что, разве уж, ну разве), если (если уж, ну если), тоже* 6) (*тоже мне*), *зоть (зоть бы, зоть бы и, а зоть бы и, ну зоть), а то*. Характерной чертой многих союзных частиц — особенно частиц, включающих

¹ Об этих конструкциях см. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, стр. 198.

² В настоящий перечень не включены наречные частицы, оформляющие повтор, обязательным элементом которого является отрицание (см. ниже).

³ О происхождении данной конструкции и о ее параллелях в других языках см. А. В. Попов, *Оборот что за... (was für ein)* и средние с ним, ФЗ, 1879, вып. II, стр. 1—12.

⁴ Об употреблении частицы *какое* в аффективно-восклицательных высказываниях см. В. В. Виноградов, *О категории модальности...*, стр. 45.

⁵ О значениях конструкций с *то-то* см. К. С. Аксаков, *Критический разбор «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Булаева*, в кн.: К. С. Аксаков, *Соч. филологические*, ч. I, М., 1875, стр. 585—587.

⁶ О значении построений с *тоже* см. А. В. Добиаш, *указ.*, соч., стр. 506.

и, уж и будто, — является сложность их состава при равной смысловой и конструктивной значимости основных составляющих частицу элементов. Так, например, в частницах *уж и, будто уж и, будто* и нельзя выделить компонент, являющийся в смысловом и конструктивном отношении центральным. Ср. равнозначные повторы: — *Она в меня влюблена. — Уж и влюблена!* (при возможном: — *Уж влюблена!*) — *Будто влюблена!* — *Будто уж влюблена!* — *Будто и влюблена!* — *Уж будто и влюблена!*

Выделяются следующие виды повторов с союзными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Ну что? — Да что? Куда ехать-то? — Что же вы есть-то будете? — А что есть? Нечего. — Сотенную дал!* — *Уж и (даже и т. д.) сотенную? — Святать пришли? — Хоть бы и (а хоть бы и, ну хоть бы и) святать!* — *Выпей чашечку. — Разве (ну разве что и т. п.) чашечку.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Говядинки отвесить? — Хоть (ну хоть) говядинки.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Я про это читал. — Тоже (тоже мне) читал!* — *Дворянина в рекруты сдали!* — *И (а и, да и и т. п.) сдали!* — *Вы шутите. — Вот и (вот те и и т. п.) шутите.*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (т. е. с отрицанием, если в первой реплике содержится утверждение или утверждающий вопрос, и без отрицания, если в первой реплике содержится отрицание или отрицающий вопрос), в сочетании со сложной частицей *а то*: — *Страшно? — А то не страшно?!* — *Не страшно? — А то страшно?*

В пунктах 2, 3 и 4 перечислены вторые реплики-повторы, в построении которых участвуют частицы, в той или иной мере сохраняющие смысловые и функциональные связи с другими классами слов. Эти связи несомненно влияют на структуру и значение повторов. Ср. реплики с частицами *нечего, зачем*, сохраняющими целевые значения; с частицей *как*, сохраняющей смысловую связь с вопросительным наречием и — соответственно — синтаксико-функциональные связи с ним как со словом, организующим вопросительное предложение; реплики с частицами *хорошо, прямо*, первоначальными значениями которых как наречий определяется общее проницательное значение соответствующих реплик. Смысловые и функциональные связи частиц с местоимениями могут определять строение и значение повтора. Таковы, например, реплики с *что* 2), которые легко сопоставляются с соответствующими конструкциями с предидущим местоимением. В повторах с союзными частицами и значение, и строение реплики часто обусловлено генетической связью частицы с союзом. Ср., например, повторы с *и*, где обязательная препозиция частицы, ее интонационное слияние с повторяемым словом, а также значения реплик, так или иначе сопоставляющих, соединяющих противоположные или сходные мысли, сообщения и т. п., объясняются именно сохранением живых связей частицы с соответствующим союзом. Сохранение — правда, в очень различной степени — живых связей с другими классами слов и влияние этих связей на строение повтора — то общее, что объединяет вторые реплики, организуемые наречными, местоименными и союзными частицами.

5. Повторы с частицами, не соотносительными с другими классами слов или не сохраняющими с ними живых функционально-смысловых связей¹. Таковы частицы *ну, ну уж, вот (вот еще, ну вот еще)*, *и есть*², *как есть, ишь (ишь ты), вишь (вишь ты), еще бы (еще бы те)*. Можно выделить 4 вида соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Это где? — Ну (да ну, ну вот и т. п.) где. Не знаешь разве?*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, часто с интонацией вызова, насмешки, в сочетании с простой или составной частицей: — *Ушибся? — Вот (вот еще и т. п.) (!) ушибся! — Ушибся? — Ну (да ну и т. п.) (!) ушибся!*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или сложной частицей: — *Не узнал, видно? — Не узнал и есть.*

г) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с общим зна-

¹ Отсутствие связей с другими классами слов не означает, что эти частицы не могут быть возведены к тому или другому классу слов, из которого они вычленились. Но важно то, что эти связи являются только генетическими, а не функционально-смысловыми; как общее правило, они не влияют на функционирование частиц в составе повтора и на его значение.

² О частице *и есть* см.: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 487, стр. 418; § 304, стр. 239—240; В. В. Виноградов, О категории модальности ..., стр. 71.

чением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (ср. 4, пункт «г»), в сочетании со сложной частицей *еще бы*: — *Бедно жили. — Еще бы не бедно! — Не бедно жили. — Еще бы бедно!*

б) Повторы с отрицанием как обязательным элементом структуры реплики. Это, во-первых, отрицающие повторы с отрицательной частицей — одной или в сочетании с усиливающим элементом; во-вторых, утверждающие повторы с частицей *как (не)*.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей *не*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции: — *Денег нужно. — Сколько? — Не сколько, а дайте.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей и выступающей в качестве усиливающего элемента наречной частицей *ничего, несколько, нисколько, ничуть, никак, вовсе, совсем*: — *Спи, спи. — Ничего не спи! Мы еще ужинать будем. — Секрет? — Нисколько не секрет.*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании со сложной отрицательной частицей *не то что, не то чтоб*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции или произносится с интонацией недоговоренности: — *Не смеешь? — Не то что (не то чтоб) не смею, а... — Любишь? — Не то чтобы люблю...*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с наречной частицей *как* и с отрицательной частицей: — *Жутко? — Как не жутко!*

7. Повторы с модальными словами или модальными сочетаниями слов. Эти повторы многообразны. В отличие от частиц, большинство модальных слов и сочетаний интонационно отличаются от повторяемого слова. Лишь в некоторых случаях модальное слово или сочетание составляет с повторяемым словом интонационное целое (повторы с *и то, мало что, кой черт* и др.); обычно модальное слово легко отделяется от повторяемого слова, которое в этих случаях может функционировать как собственно повтор, а модальное слово, само выражающее то или иное отношение, может самостоятельно выступать в качестве ответа или реагирующей реплики. В формировании повторов участвуют модальные слова и сочетания: *и то, и точно, мало что (мало ли что), ничего себе, нечего сказать, кой черт, отчего (отчего же), почему (почему же), что ж (а что ж, ну что ж), как же (а как же, а то как же), конечно, конечно, разумеется, именно, как бы не так, полно, подумаешь* и др.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией вызова, недоверия: — *Велел. — Мало (ли) что (чего) велел! — Некогда. — Полю (,) некогда! — Он у нас как дома. — Ничего себе (нечего сказать, кой черт) как дома.*

б) Повторение, произносимое как утверждение: *Умный он. — И точно (и то, известно и т. п.) умный.*

8. Повторы с формами имен существительных и глаголов, выступающими в роли модальных слов.

Ряд отдельных форм глаголов и имен, не теряя своих лексических значений и парадигматических связей, получили способность употребляться в речи для выражения того или иного отношения. Функции их совпадают с функциями модальных слов: выражая отношение, такие формы способны не только выступать в качестве относительно самостоятельного высказывания, но и оформлять повтор. Таковы глагольные формы: *бросьте (бросьте там, бросьте еще), рассказывай (да, рассказывай; ну, рассказывай), дождайся, поводи, постой, помилуйте*, инфинитивное сочетание *легко сказать*; именные формы: *пустяки, пустячки, вадор, елустости, новости (вот новости)* и некоторые другие. В отношении места в составе повтора и интонационных связей с повторяемым словом перечисленные формы обнаруживают закономерности употребления, общие с модальными словами и сочетаниями слов. Все повторы, строящиеся с перечисленными формами, выражают разные виды и оттенки отрицательного, недоуменного, недоверчивого и т. п. отношения.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с формами именительного падежа существительных: — *Немножко опоздал. — Пустячки немножко. — Может быть, отдохнуть? — Вадор (елустости и т. п.) отдохнуть!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, обычно с интонацией вызова, недоверия, в сочетании с формами повелительного или изъявительного склонения глаголов: — *Пойдем! — Поводи пойдём! — Ты же оскорби. — Рассказывай (бросьте, помилуйте и т. п.) оскорбят! — Он вернется. — Дождись, вернется!*

9. Повторы с междометиями. Они выражают два основных круга значений: разные оттенки отрицательного отношения и разные оттенки уяснения, припоминания. И в тех и в других видах повторов междометие может находиться как в начале, так и в конце реплики, но в живой речи препозиция и интонационная неотделимость междометий является почти правилом.

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение: — *Он ведь устал. — Э (эа, эа, господи и т. п.), устал! — Доктор пришел. — Ах да, доктор.*

б) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание. — *Старуха пришла. — А (ах, а ну), пришла? Зови ее сюда.*

в) Повторение, произносимое с интонацией вызова, несогласия, в сочетании с

междометием *да* (возможно — с усиливающими элементами):— *Что это за игра! Не представляет никакого интереса.*— *Да (ну да, да уж), никакого интереса!*

10. Повторы с формами согласуемых слов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с формами местоимения *какой*:— *Жалованье получаешь?— Какое жалованье!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с обязательной отрицательной частицей, в сочетании с формами местоимения *никакой* в усиливающей функции:— *Ну и лентяй!— Никакой не лентяй.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией недоверия, насмешки, в сочетании с формами прилагательных *хорош*, *хороший* или *хорошенький*:— *Вы еще дети.* — *Хороши (хорошие, хорошенькие) дети!*

Специфика повторов, структурным элементом которых являются согласуемые слова, заключается в том, что, оформляя вторую реплику, эти слова утрачивают или ослабляют свои категориальные и лексические значения и сближаются с частицами и модальными словами. Так, в вопросе-ответном единстве — *Грамоте знаешь?— Какая грамота!* слово *какая* не имеет ни вопросительного, ни указательного значения: функция этого слова — оформление эмоционально окрашенного отрицания. В обмене реплик:— *Он такой обходительный.* — *Хорош обходительный!* слово *хорош*, оформляющее реплику со значением иронического отрицания, не является ни определением, ни сказуемым; в нем не удается обнаружить и его основного лексического значения.

11. Повторы с обязательным местоимением в форме именительного падежа в субъектном значении. Сюда входит несколько видов реплик, причем степень субъектной значимости местоимения в них различна. В одних случаях субъектное значение местоимения ослаблено, что объясняется слиянием этого местоимения с другим словом в связи с тенденцией образования своеобразной сложной частицы (повторы с *что ты*, *что вы*). В других случаях местоимение, сохраняя грамматическое значение субъекта, по смыслу не является им, так как не обозначает действующего лица (повторы типа — *Я те утону!*). Наконец, есть реплики, в которых местоимение сохраняет и грамматическое, и смысловое значение субъекта (повторы типа — *Он опять усиливает.*— *Усиливает он у меня!* или:— *За это в суд.* — *Даст он вам в суд!*).

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение, в сочетании с частицей *что* и неотделяемым от нее личным местоимением:— *Жарко уж в шубе-то.— Что ты жарко!* Ср. при возражении самому себе:— *Успешу. Хотя что я (—) успешу!*

б) Повторение глагола в форме 1-го лица, произносимое с интонацией угрозы, вызова, в сочетании с местоимением *я* и формой дательного падежа местоимения со значением косвенного объекта:— *Пошутил ведь я.— Я тебе (те) пошучу!— Он пошутил.— Я ему пошучу!*¹. В первой реплике глагол выступает в любой форме, во второй реплике — всегда в форме 1-го лица будущего простого; соответственно имеют место видовые замены. Порядок слов во второй реплике строго определен: местоимение 1-го лица (*я*), форма *те* или дательный падеж *тебе*, *вам* и глагол.

в) Повторение, произносимое с интонацией угрозы, в сочетании с предшествующим повторяемому слову личным предложением, в котором обязательно присутствует подлежащее — личное местоимение, дательный падеж местоимения со значением объекта и сказуемое, выраженное формой будущего времени глагола *дать*, *здать*, *показать* и некоторыми другими:— *За это в суд можно.*— *Я тебе дам в суд!* (— *Даст он вам в суд!*— *Они вам покажут в суд!* и т. и.).

г) Произносимое с интонацией угрозы повторение глагола (в форме будущего времени), отливающегося в форму двусоставного предложения, в котором субъект совпадает с субъектом первой реплики:— *Он усиливает.*— *Усиливает он (у меня!).*

12. Повторы с удвоением или двойными повторы. Спецификой этих построений, не всегда принимавшейся во внимание при их описании, является, как и для всех других типов повторов, их формальная и смысловая несамостоятельность, их порожденность первой репликой и неразрывная органическая связь с ней². Так же, как и

¹ Повторы с *да* Шахматов относит к неполным предложениям, види здесь опущенные глаголы речи. Ср. его пример: *Господи!— Да! господи! Теперь вот и господи!* (Слещов, Мертвое тело). См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 313, стр. 243—244.

² Об этих конструкциях см. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 193.

³ Удвоения есть и в монологической речи; но там они или являются применением диалогических форм для построения монолога, или имеют свои особые оттенки значений и специфические условия употребления. Сдвоенные повторы отмечались в ряде исследований. См.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, Харьков, 1874, стр. 131, 401, 403—405; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 206¹, стр. 187; В. И. Чернышев, Отрицание *не* в русском языке, Л., 1927, стр. 69—70; А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 194—196; В. А. Трофимов, К вопросу о выражении отрицания в современном русском

все другие повторы, они представляют собой повторение слова первой реплики, однако повторение двоекратное, причем формы повторяемого слова в составе второй реплики могут быть в одних случаях одинаковы, в других — различны. Большинство двоемных повторов выступают в качестве первого компонента сложной противительной конструкции. Это накладывает яркий отпечаток на их значение и создает двустороннюю связь такого повтора, с одной стороны, с первой репликой, с другой стороны — со второй частью того сложного построения, в составе которого этот повтор фигурирует.

- 1) Повторы, обычно являющиеся первым компонентом сложной конструкции:
 - а) две формы, соединенные частицей *-то*:— *Хорош. — Хорошо-то хорош, да..;*
 - б) инфинитив и личная форма того же глагола, соединенные без частиц, частицей *-то* или отрицанием:— *Ты когда-нибудь летал? — Летать (-то) (не) летал, да..;*
 - в) две формы, соединенные отрицанием (возможно — в сочетании с уступительным союзом *хоть*):— *Вы таки были министр. — Министр (хоть) не министр, а..;*
 - г) две формы, соединенные отрицанием и разделительным союзом:— *Довольно будет? — Довольно ли (или) не довольно, а..;*
 - д) бессоюзное сочетание форм именительного и творительного падежей существительного:— *Разве вам мало было подарков? — Подарки подарками, а..*
- 2) Повторы, функционирующие вне противительной конструкции:
 - а) повторы, образующиеся сочетанием двух форм (или сочетаний слов), соединенных союзной частицей *так*:— *Приходите в среду. — В среду так в среду;*
 - б) повторы, образующиеся сочетанием двух форм при помощи союза *и*:— *Глуны еще. — Глуны и глуны. Не впервой мне это слышать.*

*

При построении реплик-повторов в языке действует система правил сохранения или замены форм повторяемого слова или сочетания слов. Эти правила в основном совпадают для многих типов повторов (исключая двоемные повторы, где действуют свои правила замен).

Для глагола выделяются прежде всего явления замен, характерные для всех спрягаемых форм.

В некоторых видах повторов спрягаемая форма глагола может заменяться инфинитивом. Это бывает тогда, когда, отвечая, говорящий сосредоточивает свое внимание не столько на конкретном действии определенного лица, сколько на мысли о действии вообще (— *Прости его. — Простить? — Как же простить? и т. п. — Обижайся? — Обижаться?! — Вот еще обижаться! — Господи, обижаться!*). Замена спрягаемой формы инфинитивом обычна в собственно повторах, в повторах с наречной частицей *как* и с отрицанием (— *Как не обижаться!*), а также с частицей *где* (— *Где уж обижаться!*). В повторах, формируемых наречными частями, сохраняющими оттенок причинно-целевого значения (*чего, зачем*), спрягаемые формы глагола, заменяясь инфинитивом, образуют реплику, сочетающую со значением несогласия, уверенности в обратном значении причинно-целевых отношений (— *Зачем обижаться! — Чего там обижаться!*). В повторах с инфинитивом часто исключаются местоимения в дательном падеже с субъектным значением (— *Где уж мне обижаться!*). При акцентировании в повторе мысли о действии вообще возможна (а иногда и обязательна) не только замена спрягаемой формы инфинитивом, но и замена видовой формы глагола (— *Ты сходи сам. — Что мне ходить! — И еще оправдаться. — Чего ж тут оправдываться!*).

Там, где модальное значение всей реплики не соответствует акцентированию мысли о действии вообще, а носит непосредственно релятирующий, конкретно-оценочный характер, замен спрягаемых форм инфинитивом не происходит (например:— *Не знал я. — Мало что не знал. — Вот те и не знал! — Хорошо не знал! — Ничего себе не знал!*).

В некоторых видах повторов спрягаемые формы глагола могут заменяться существительными — отглагольными или по значению соотносительными с глаголом. Здесь также имеет место отвлечение от конкретно-личного значения и подчеркивание мысли о действии вообще. Такие замены могут осуществляться в репликах, строящихся с формами согласуемых слов (— *Вы спите? — Какой сон! — Кажется, она теперь успокоилась. — Хорошо спокойствие*) и сложной местоименной частицей *что* за (— *Стану я грешить! — Что же за грех!*). Если заменяющее имя ставится в форме множе-

литературном языке, «Уч. зап. ЛГУ», № 156, Серия филологических наук, вып. 15, Л., 1952, стр. 114; Н. Ю. Шведова, Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке, в кн.: «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955; М. Л. Михлиа, указ. соч., стр. 12. Некоторые авторы, смешивая форму слова с формой конструкции, пытались даже доказать, что такие построения являются особым средством морфологического формообразования. См. А. Е. Киселев, Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

ственного числа, то в реплике подчеркивается значение отрицательной оценки, вносится элемент пренебрежения:— *Позвольте я их атакую!*— *Какие тут атаки!*

С другой стороны, выделяются явления замен, характерные лишь для некоторых форм глагола.

а) Формы 1-го и 2-го лица, как общее правило, в повторах заменяются в соответствии со значением лица говорящего:— *Я шучу.*— *Шутишь?*!— *Ты шутишь!*— *Шучу?*!— *Вы плачете?*— *Плачу?* Личная форма в этих случаях может остаться неизменной тогда, когда в повторе выражается та или иная реакция не только на содержание сказанного, но и на его форму или когда сказанное воспринимается как неожиданное, странное, такое, которое еще не сразу может быть понято, осмыслено:— *Забудь!*— *Вот еще забудь!*— *Я это устрою.*— *Как это устрою?*

б) Формы 3-го лица глагола не заменяются другими личными формами, если речь идет именно о ком-то третьем, а не об одном из собеседников. Если же формой 3-го лица называется действие одного из собеседников, то замены обычны, например:— *Он уходит!*— *Как это уложу?* (реакция собеседника на сказанное о нем как о 3-м лице). Сохранение формы акцентирует ее значение и общее модальное значение всей реплики (— *Как это уходит?*).

в) При «вы» вежливости или при соответствующем употреблении глагола на -л правилом является замена формы множественного числа формой единственного и обратно:— *Вы ведь обещали.*— *Как это обещал?*— *Я ничего не видал.*— *Как то есть не видали?* Сохранением формы глагола достигается тот же оттенок значения, который отмечен по отношению к сохранению личных форм (— *Как это обещали?*).

М е с т о и м е н и я 1-го и 2-го лица, а также соответствующие притяжательные заменяются в повторах в соответствии со значением лица говорящего (— *Ты езя!*— *Прямо я!*— *Это мое.*— *Ах твои!*). Отсутствием замены выражается или неполное понимание (— *Пойдем ко мне.*— *Как так «ко мне»?*), или подчеркивается соответствующее модальное значение повтора (— *Это мы здесь все почили.*— *Так уж будто и мы!*?). Именно в силу данного значения подобных повторов (без замены формы) они невозможны в тех случаях, когда повторяется личное местоимение, не несущее на себе смыслового акцента, по своей функции в первой реплике «морфемное» (— *Куда это ты идешь?*— *Я-то? А домой.*). Местоимения 3-го лица заменяются местоимениями 1-го лица, если речь идет об одном из собеседников:— *Это опять его шутки.*— *Ничего не мои.*

Формы косвенных падежей с у щ е с т в и т е л ь н ы х в повторах могут заменяться или не заменяться формой именительного падежа — в зависимости от структуры реплики.

Замены обязательны в репликах, строящихся при помощи согласуемых слов, а также при помощи сложной частицы *что за*, т. е. там, где оформляющее реплику слово имеет форму и сохраняет связь со значением именительного падежа:— *Придираешься к ребенку.*— *Хорош ребенок!*— *Да какой же ребенок?*!— *Что за ребенок!*

Особое место занимают возможные в повторах с согласуемыми словами случаи замены формы единственного числа формой именительного падежа множественного числа. Так же, как и в соответствующих заменах глагольных форм, здесь усиливается элемент пренебрежительного отношения:— *Чая выпьешь?*— *Какие тебе чай!*

Замены возможны, но не обязательны: а) в репликах, строящихся при помощи таких местоименных частей в модальных слов местоименного происхождения, которые, оторвавшись от категории местоимений, сохраняют лишь форму именительного падежа:— *А с матерью говорил?*— *Да что же мать?* и — *Да что же с матерью?*— *Сироткой прикинулся.*— *И то сиротка!* и — *И то сиротка!*; б) в репликах, строящихся при помощи модальных частей, восходящих к глагольно-связанным формам:— *С праздничком вас!*— *Праздничек и есть!* и — *С праздничком и есть!*— *Все дети пьзницами повзростали.*— *Пьзницами как есть!* и — *Пьзницами как есть!*; в) в репликах, строящихся при помощи частицы *как*, если существительное имеет оценочное значение:— *Гуда с такими пустяками не ходят.*— *Как пустяки?*! и — *Как с пустяками?*!

Замен не происходит в репликах, строящихся при помощи таких слов, которые своей формой не влияют на форму повторяемого слова, например при помощи частиц *хоть бы, разве, если и т. п.*:— *К брату пойдешь?*— *Разве что (а хоть бы и, если только, да хоть и) к брату.*

Прилагательные, наречия и слова «категории состояния» в некоторых типах реплик могут заменяться существительными или глаголами. Естественно, что в этих случаях в той или иной степени осуществляется смысловой отход повтора от первой реплики.

а) В повторах, оформляемых согласуемыми словами, наречия, слова «категории состояния» и прилагательные заменяются формами именительного падежа однокоренного существительного; аналогичные замены обычны в повторах, конструируемых с помощью частиц, сохраняющих формальную связь с формой именительного падежа (не то что, не то чтобы, что за):— *У него такой искренний был тон.*— *Хорошая искренность!*— *Какая искренность!*— *Здоров?*— *Какое здоровье.*— *Богато жили?*— *Не то что (чтобы) богачи, а жили хорошо.*— *Что за богатство!* и т. п.

б) В повторах с отрицанием, оформляемых частицей *как (как не)*, возможны за-

мены прилагательных, наречий и слов «категории состояния» инфинитивом глагола: — *Жалко?* — *Как не жалеть.* — *Что-то он сегодня грустный.* — *Да как же не грустить!* Сюда же: — *Нет ли самовара?* — *Как не быть!*

Не все виды реплик-повторов свободны со стороны категорий и форм повторяемых слов и сочетаний. Наряду с категоризально и синтаксически не ограниченными видами повторов существуют реплики, образование которых ограничено возможностью повторения слов только некоторых категорий (имен, глаголов) или слов, выступающих в первой реплике в определенной синтаксической функции (предикативной, обстоятельственной). Эти ограничения непосредственно связаны с формой тех частей (модальных слов и т. п.), которые являются структурным элементом повтора. Отметим некоторые из видов повторов, ограниченных категоризально и синтаксически.

Повторы с союзными частями *а, да*, имеющие чаще всего форму вопроса или полувопроса, строятся почти всегда как вторая реплика, выражающая непосредственную и экспрессивно окрашенную реакцию на вопрос (легкое пренебрежение к предмету разговора, как к не заслуживающему серьезного внимания, некоторую неохоту отвечать). Здесь повторяется или предикативная основа первой реплики в сочетании с вопросительным словом (— *Что ты здесь делал?* — *Да что делал — ждал*), или только одно вопросительное слово либо предложно-именное сочетание (— *Как же вы тут жили без меня?* — *Да как? Обыкновенно*).

Вторые реплики со значением уверенного подтверждения (с частицами *и есть, как есть, как [не], как же, еще бы*, модальными словами *известно, именно, и то, и точно* и др.) или со значением отрицания (с частицами *не то что, не то чтобы, как же и др.*) строятся преимущественно на основе повторения таких слов первой реплики, которые несут в ней предикативную функцию; другие члены предложения повторяются тогда, когда в первой реплике они логически акцентируются: — *Ведь это разбой!* — *Как есть разбой!* — *Разбой и есть.* — *Именно разбой!* — *И точно разбой.* — *Еще бы не разбой!* — *Как же не разбой!* — *И то разбой.* — *Как же, разбой!* — *Не то чтобы разбой.*; — *Ничего не разбой.* — *Где же мне с суконным-то рылом...* — *Еще бы не суконное!* — *И то суконное!* и т. д. — *Пришли-то вы рановато.* — *Рановато и есть.* — *Именно рановато* и т. д. — *Что это за народ идет, словно с колыями?* — *С колыями и есть.* — *Как же, с колыями* и т. д.

Только сказуемое или предикативный центр односоставного предложения повторяется в выражающих согласие, утверждение репликах, оформленных модальными словами *отчего (же), почему (же)*, сохраняющими тесную и живую связь с соответствующими наречиями: — *Не узнаете?* — *Отчего же, узнаю.* — *Узнаю, почему же.*

Реплики со значением вызывающего согласия, строящиеся при помощи союзной частицы *и (ну и, вот и, да и, а и)*, а также при помощи сложной частицы *так и (так тебе и)*, ограничиваются повторением глагола-сказуемого и редко — предикативного имени (первые). Ограничения при этом распространяются и на формы повторяемых слов. Так, повторы с частицей *и (ну и и т. д.)* обычны (но не исключительны) с формами 1-го лица изъявительного наклонения, когда в первой реплике — повелительное наклонение (— *Иди!* — *Ну и пойду!*), или с формами повелительного наклонения, когда в первой реплике — изъявительное наклонение или инфинитив (— *Сами организуем это дело.* — *Вот и организуйте.* — *Придется мне самому съездить.* — *И съезди*). Именные формы здесь повторяются редко и тогда, когда в первой реплике они употреблены предикативно: — *А еще фронтовика!* — *Ну и фронтовика, а яровя боев.* — *Подумаешь, важная птица!* — *Вот и не птица, а будет по-моему.*

В репликах, оформленных сложной частицей *так (тебе) и*, сохраняющей элемент наречного (и обстоятельного) значения, повторяется глагол-сказуемое в спрягаемой форме: — *Он всю деревню спалит.* — *Так (тебе) и спалит!*

Реплики, оформляемые простой местоименной частицей *что* и имеющие значение экспрессивно окрашенного переспроса, строятся на основе повторения имен, неизменяемых слов (наречий, союзов и т. п.) и реже — предикативных основ первых реплик: — *Я, конечно, согласен, но...* — *Что знаешь?* — *Отдай скотину, не то худо будет.* — *Что худо будет?*! Глагольные формы в таких репликах повторяются сравнительно редко (— *Нет, я не могу.* — *Что не могу?*).

В репликах, оформленных сложной частицей *что за* и выражающих уверенное опровержение, несогласие, повторяются, как общее правило, существительные и прилагательные в форме именительного падежа: — *Чем потчевать прикажете?* — *Что за потчеванье!* Спрягаемые глагольные формы здесь повторяются крайне редко (— *Зачем же врешь?* — *Что за вру!*) и свидетельствуют о максимальном отходе частицы *что за* от ее первоначального местоименного значения. Инфинитив в формировании таких повторов не участвует.

Реплики, выражающие оценку чего-либо как несущественного, не заслуживающего внимания и строящиеся при помощи частицы *что (что ж, да что и т. п.)*, повторяют преимущественно имена и именные сочетания: — *Ведь это бн тебя с бревном тогда поймал.* — *Что же с бревном...* — *Молотба-то как?* — *Да что молотба!* — *Как же ты с знатной барыней кончил?* — *Что, братец, знатные барыни!* Спрягаемые формы здесь повторяются реже, поскольку сочетаниям типа: — *Надобел!* — *Да что ж надобел!*

или: — Я приказываю. — Что тут «приказываю!» противоречит прежнее местоименное (в предложении — предикативное) и наречное (обстоятельственное) значение *что*; это последнее значение сказывается в том, что спрягаемые формы первой реплики здесь, как правило, заменяются инфинитивом, причем совершенный вид заменяется несовершенным, выражающим действие вообще, вне ограничений какими-либо пределами (— *Почти его!* — *Что ж его учить...*).

Повторы, образуемые формами согласуемых слов, включают в свой состав только формы именительного падежа существительных, прилагательных и местоимений: — *А грамоте знаешь?* — *Какая грамота!* — *Откровенничать с чужим человеком!* — *Хорош чужой!* — *Никакой не чужой!* — *Всё твои штучки.* — *Какие же мои?*

Таким образом, во многих репликах, в которых частица или другое оформляющее повтор слово не утратили или не совсем утратили смысловые и функциональные связи с теми классами слов, из которых они вычленились, имеют место те или другие категориальные, формальные и функциональные ограничения слов, входящих во вторую реплику в качестве повторяемого элемента.

Место частиц, междометий, модальных и других слов, участвующих в формировании вторых реплик-повторов, не свободно. В некоторых случаях эти слова могут находиться только в начале реплики, в других — в начале или в конце ее; случаи, когда частица или другое оформляющее повтор слово свободны в смысле своего местоположения в составе повтора, единичны.

Большинство слов, участвующих в формировании повтора, начинают собою реплику. Однако самый характер закрепленности их в начале повтора различен.

С одной стороны, выделяются такие слова, которые ни при каких условиях не могут быть перемещены внутри реплики и обязательно находятся в начале ее. Такая строгая закрепленность непосредственно определяется строением соответствующих слов и их связями с теми или иными частями речи. Обязательным условием синтаксического функционирования этих слов в структуре повтора является их интонационная слитность с повторяемым словом. Это прежде всего частицы, основой которых является слово *и* — одно или в сочетании с другим словом: *а и, ну и, вот и, вот те (тебе) и, хоть (бы) и, так (тебе) и, уж и, будто и, даже и* и т. п.: — *Это не причина.* — *Ну уж и не причина!* — *Так тебе и не причина!* — *Будто и не причина!* — *Даже и не причина?* и т. д. Те же ограничения действуют в отношении частиц *а, да*.

Всегда препозитивны и интонационно не отделяются от повторяемого слова частицы *как (не), не то что (не то чтобы)*, участвующие в формировании реплик, обязательным структурным элементом которых является отрицание: — *Женихи найдутся.* — *Как (же) не найдись!* — *Отстал ты.* — *Не то что отстал, а...*

Те же правила распространяются на согласуемые слова *какой и хорош*, участвующие в построении повтора: — *Волк?! — Какой (тебе) волк!* — *Салого-то совсем новые.* — *Хороши новые!*, а также на частицу *что за*: — *Волк?! — Что за волк!*

Только препозитивна местоименная частица *что (ну что, что такое)* в экспрессивно окрашенном переспросе (— *Это что такое? — Что «что такое?»*), частицы *хорошо* (— *Легонько отстранил...* — *Хорошо отстранил!*), *никаких* (— *Мне пора ехать.* — *Никаких ехать!*), сложная частица *вот те* (— *Да ну? — Вот те ну!*).

Распространение случаев характеризуется тем, что частица или согласуемое слово ни при каких условиях не может изменить свое положение в структуре реплики или интонационно обособиться от следующего за ней повторяемого слова. В отношении частиц эта строгая позиционная ограниченность естественно определяется самой их структурой или первоначальным значением и происхождением; в отношении согласуемых слов строгая определенность их места в препозиции к повторяемому слову является грамматическим показателем их особой семантико-синтаксической функции.

С другой стороны, многие слова (частицы, модальные слова, междометия), всегда начинающие собою реплику-повтор и интонационно не отделяемые от повторяемого слова, формально могут быть отделены от него, перемещены в конец реплики и произнесены как самостоятельное предложение, например: — *Мало ли что сказал!* — *Какие новые!* и — *Новые! Какие!* — *И тебе сказал.* — *Мало ли что сказал!* и — *Сказал! Мало ли что!* — *Опоздали мы.* — *Как то есть опоздали?* и — *Опоздали? Как то есть?* — *Он согласится.* — *Куда там согласится!* и — *Согласится! Куда там!* Но уже отдельные примеры показывают, что перемещение частицы в конец реплики меняет не только оттенок ее значения, но и структуру. В случае — *Какие новые!* перед нами реплика-повтор, формируемая двумя словами, которые оба вместе создают единую конструкцию с определенным значением; и в случае же — *Новые! Какие!* мы видим две самостоятельные конструкции — собственно повтор и частицу как «эквивалент предложения», которые свободно разделяются и могут функционировать независимо друг от друга. Хотя в обоих случаях выражается отрицание, несогласие, но оттенки этого общего значения здесь ясно различаются: в первом случае повтор имеет единое значение уверенного и категорического несогласия, отрицания; во втором случае это значение расчленило: собственно повтором говорящий, сомневаясь и не доверяя, уясняет себе сказанное, а интонационно обособленной и синтаксически свободной частицей выражает свое несогласие с утверждением собеседника.

Таким образом, перед нами не видоизмененная со стороны порядка слов и интонации конструкция, а две разные конструкции. Поэтому, изучая реплики-повторы в том плане, как это изложено в начале настоящей статьи, мы не можем говорить о том, что такие частицы, как *чего* (*чего там*), *куда* (*куда там*), *зачем*, *ничего*, *какое*, *как* (при переспросе), *чтой-то*, *то-то*, *ну*, *еще бы*, *вот*, *ну вот*, сочетание *что ты*, модальные слова и точно, *мало ли что*, *кой черт*, формы имен и глаголов *пустяки*, *легко сказать* и др. могут находиться или в начале или в конце повтора, отделяясь или не отделяясь паузой от повторяемого слова: они могут находиться только в начале повтора и интонационно не отделяются от повторяемого слова.

Ряд частиц, модальных слов и междометий, участвующих в формировании повтора, могут находиться как в начале, так и в конце реплики. Повторы эти неоднородны.

1. Здесь выделяются, во-первых, такие реплики, в которых оформляющая их частица или другое слово, независимо от своего положения по отношению к повторяемому слову, произносится с ним слитно. Таковы реплики, оформляемые частицами *что* (*что ж*, *что там* и т. п.) (*— Да ведь холода стоят! — Холода что! — Что холода!*), *ничего*, *нисколько*, *ничуть*, *вовсе* (*— Озяб? — Ничего не озяб и — Не озяб ничего*), *и есть* (*— Точно все сговорились! — И есть сговорились и — Сговорились и есть*), *разве*, *если* (*— Одну чашечку! — Разве чашечку, — Если чашечку и — Чашечку разве, — Чашечку если*), согласуемым словом *никакой* (*— Ну и соня ты! — Никакой я не соня и — Не соня я никакой*) и др.

2. Существуют такие реплики, в которых оформляющая их частица, модальное слово и т. п., находясь в начале реплики, произносится слитно с повторяемым словом, а находясь в конце реплики, может интонационно отделяться от него, но такое отделение не является обязательным. Таковы повторы с частицей *как есть* (*— Сыногья-то все пьяницы. — Как есть пьяницы, — Пьяницы как есть и — Пьяницы, как есть*).

3. Выделяются повторы, в которых оформляющее их слово (частица, междометие и т. п.), находясь в начале реплики, может или отделяться от повторяемого слова паузой, или нет, а находясь в конце реплики, обязательно отделяется паузой. Это повторы с частицами *вот*, *вот еще* [*— Мой пиджак тебе не влезет. — Вот (еще) не влезет! — Вот (еще), не влезет!* и *— Не влезет, вот (еще)!*], *прямо* (*— Прямо не влезет! — Прямо, не влезет!* и *— Не влезет, прямо!*), с модальными сочетаниями *ничего себе*, *ничего сказать*, *легко сказать* (*— Еще рано. — Ничего себе рано. — Ничего себе, рано и — Рано, ничего себе. — Нечего сказать рано, — Нечего сказать, рано и — Рано, нечего сказать*).

4. В некоторых случаях частица, находясь как в начале, так и в конце реплики, может или не отделяться интонационно от повторяемого слова, или отделяться от него. Таковы повторы с частицей *тоже*: *— Он много знает, читал. — Также читал! — Также, читал! — Читал тоже!* и *— Читал, тоже!*

5. Значительная группа модальных и других слов, частиц и междометий, оформляя повтор, может находиться как в начале, так и в конце реплики, интонационно не сливаясь с повторяемым словом, обязательно отделяясь от него небольшой паузой. Таковы реплики с модальными словами *как же* (*— Он вам родственник? — Как же, родственник и — Родственник, как же*), *отчего (же)*, *почему (же)*, с глагольными формами *расскажывай*, *дождийся*, *скажете*, с частицами *ишь (ты)*, *вишь (ты)*, с междометиями *да*, *эка*, *господи* и ми. др.

*

Описанные в настоящей статье типы повторов со стороны своей структуры обнаруживают значительные различия. В то же время все они объединяются рядом общих собственно языковых черт, позволяющих видеть в них единый объект изучения.

Таким объединяющим фактором является, с одной стороны, общая и легко выявляемая система модально-экспрессивных значений; это — выражения многообразных — в большинстве случаев отрицательных — непосредственных реакций на то, что сказано, о чем сообщается в первой реплике. Непосредственная и всегда экспрессивно окрашенная оценочная реакция на сказанное — таково «смысловое наполнение» основной массы повторов. Эти значения реплик создаются не лексическими значениями повторяемых слов, а строением реплики и ее интонацией.

Полная смысловая несамостоятельность повторов целиком связана с их структурой. Повторы не существуют в языке вне прямого соотношения с первой репликой, чьей формой обусловлено их строение. Эта обусловленность двойственна. С одной стороны, словесный состав второй реплики определяется словесным составом первой реплики: повторяется данное конкретное слово или сочетание. Но это повторение осуществляется по определенным грамматическим правилам. И если лексическая сторона здесь каждый раз индивидуальна, то условия строения повтора определяются действующими в языке нормами. Принципиально такое положение не отличается от условий построения большинства свободных синтаксических единиц языка.

Представляется несомненным, что реплики-повторы должны быть объектом грамматического изучения. Факторы, подтверждающие наличие у них своего синтаксического «лица», своей структурной специфики, изложены выше. Кратко обобщим их.

1. Повторы существуют в разговорной форме речи как построения, порожденные первой репликой диалогического единства, и представляют собою структурно зависимую часть этого сложного единства. «Порождаясь» первой репликой, повтор отливается в определенную синтаксическую форму, которая далеко не всегда представляет собою чистое повторение форм, заключающихся в первой реплике; иными словами, повторы имеют свои синтаксические формы, свои правила построения.

2. В своем строении вторые реплики-повторы подчиняются определенным правилам сохранения или замены форм повторяемого слова. В том или другом типе повтора для слов одних грамматических категорий обязательным является сохранение формы повторяемого слова, для других — замена ее другой, но не случайно избранной, а определенной, именно данной формой. Там, где есть возможность выбора, эта возможность определяется не желанием или вкусом говорящего, а тем значением или оттенком значения, которые связаны с употреблением именно той, а не другой формы.

3. Многие типы повторов ограничены со стороны категорий повторяемых слов: есть типы реплик, в которых повторяются только имена, только глаголы, только наречия или сочетания, выступающие в первой реплике в функции обстоятельств, и т. д. Внутри этих ограничений обычно действуют другие, более частные: имена могут повторяться только в форме того или иного падежа, глаголы — только в форме того или иного наклонения, времени, лица и т. д.

4. Вторые реплики строго ограничены со стороны распространения их другими словами. В большинстве случаев возможность распространения повторов другими словами исключена. Там, где повтор может быть распространен, выявляются собственно синтаксические правила введения распространяющих реплику слов; в разных типах повторов намечаются свои закономерности введения сочетаний или форм с определенными синтаксическими функциями.

5. Многие повторы строятся с участием специальных слов — частиц, междометий, модальных слов или сочетаний, а также согласуемых слов. Все эти слова не просто «прибавляются» к повторяемому слову, а играют в составе второй реплики конструктивную роль: они являются одним из таких ее компонентов, который не может быть снят без того, чтобы эта реплика не перестала существовать как данная синтаксическая конструкция с определенным значением. Степень внешней структурной связанности частицы (междометия, модального слова и т. п.) с повторяемым словом неодинакова. В одних случаях изъятие частицы (или другого слова) ведет к полному внешнему разрушению данного типа повтора; в других случаях частица (или другое слово) внешне легко отделима, но такое отделение ведет к превращению данного типа повтора в другой (и собственно повтор), с иной структурой, интонацией, с иным оттенком значения.

6. Место частицы (как и других слов, участвующих в формировании повторов) не свободно. Одни из этих слов всегда начинают собою вторую реплику, другие могут начинать или заключать ее; иными словами, порядок конструирующих вторую реплику слов определяется действующими в языке нормами словорасположения.

7. Разные типы повторов имеют свою интонационную характеристику. Вопрос этот остается несостоявшимся в настоящей статье: он требует особых методов исследования. Однако даже самые общие и поверхностные наблюдения убеждают, что те или иные типы повторов закрепляют за собой определенный интонационный рисунок.

8. Существование целого ряда повторов обусловлено двусторонними конструктивными связями: они оформляются только как часть сложного построения, обнаруживая синтаксические связи с первой репликой диалогического единства и со второй частью сложной конструкции, которую повтор собою начинает (ср. двоясные повторы).

Все сказанное приводит к выводу, что вторые реплики-повторы представляют собой один из видов специфических конструкций, характерных для разговорной речи. Они многообразны и дают широкие возможности выбора. Поэтому нельзя согласиться с Л. И. Якубинским, что диалогическая форма речи «способствует умалению значения речевых элементов в общем порядке взаимодействия»¹. Напротив, диалог как одна из форм разговорной речи обладает богатейшими собственно языковыми средствами, которые и реализуются говорящими в процессе общения.

¹ Л. И. Якубинский, *указ. статья*, стр. 184. Ср. также Ж. Вандриес, *Язык*, М., 1937, стр. 144.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОБСУЖДЕНИЕ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»

(Обзор статей)

Редакционная статья «К обсуждению курса „Современный русский литературный язык“ в высшей школе» (ВЯ, 1955, № 1) вызвала живой отклик работников вузов. Помимо материалов, опубликованных в №№ 2—5 журнала за 1955 г. и в № 1 за 1956 г., в редакцию поступил ряд статей и заметок, посвященных разным вопросам преподавания курса «Современный русский литературный язык» в университетах и педагогических институтах.

Целый ряд соображений высказывается относительно места, которое должен занимать курс русского литературного языка в системе филологического образования. Этот курс является основным в кругу языковедческих дисциплин, читаемых на русском отделении филологических факультетов университетов и на факультетах языка и литературы педагогических институтов. Поэтому многие считают, что чтение его должно быть непрерывным. «Курс современного литературного языка может сохранить свое ведущее значение лишь в том случае, если он не будет уходить из поля зрения учащихся в течение всего их пребывания в вузе, русское в первую очередь», — пишет М. Я. Немировский (Ростов н/Дону). «По нашему мнению, — пишут Н. Н. Букина, Ю. Н. Голованова и Е. Н. Ершова (Ашхабад), — курс современного русского литературного языка следует вводить с 3-го семестра, завершая его на 9-ом семестре. Тогда студенты будут усваивать современный русский язык на протяжении почти всего времени пребывания в университете, а изучение его с 3-го семестра по возможности устранил дублирование ряда тем и разделов, неизбежное при параллельном чтении курсов „Современный русский литературный язык“ и „Введение в языковедение“. Таким образом, изучение современного русского литературного языка в системе лингвистических дисциплин будет вместе с тем и завершающим». Р. В. Протогенова (Ташкент) полагает, что «курс современного русского языка, являясь центральным, должен читаться на всех курсах, кроме выпускного, и начинать его надо с 1 курса, где формируются научные интересы студентов, где они определяют свою специальность». Другие считают, что «место курса наиболее рационально определено на русском цикле филологических факультетов университетов — после курсов „Введение в языковедение“, „Старославянский язык“, „Историческая грамматика“, „История литературного языка“, „Диалектология“, перед курсами „Общее языковедение“ и „История языковедения“, завершающими лингвистическое образование в университете. Но такая схема следования курса современного русского языка, конечно, не может быть механически распространена на все факультеты и отделения» (А. И. Моисеев, Ленинград).

Работники вузов отмечают, что чтение курса «Современный русский язык» «должно опираться на весь комплекс уже прослушанных студентом языковедческих дисциплин. В практической работе редко приходится наблюдать, чтобы преподаватель с достаточной глубиной опирался при чтении современного русского языка на предшествующие курсы. Это объясняется не только недостатком времени, но и недостаточным осознанием важности такого подхода, а иногда и просто малой осведомленностью преподавателя, ведущего курс» (В. П. Воробьев, Саратов).

Практические трудности возникают в связи с соотношением в учебном плане курсов «Введение в языковедение» и «Современный русский литературный язык».

«Трудно при действующих учебных планах педагогических институтов установить правильное соотношение между курсом „Современный русский язык“ и курсом „Введение в языковедение“, — пишет Н. М. Подгаецкая (Южно-Сахалинск). Изложение материала в курсе «Введение в языковедение», закрепление его на практических занятиях должно предшествовать лекциям на соответствующие темы по современному русскому языку. Но по „Введению в языковедение“ должно быть в 1-ом семестре 4 часа

в неделю, а по „Современному русскому языку“ — 5 часов. Поэтому лекционная часть курса „Современный русский язык“ нередко обгоняет практические занятия по определенным темам „Введения в языкознание“; в отдельных случаях лекция по „Введению в языкознание“ читается позднее, чем соответствующая лекция по курсу „Современный русский язык“. Отсутствие правильного соотношения между этими двумя курсами отрицательно сказывается и на том и на другом. Поэтому изучение курса „Современный русский язык“ в педагогических институтах нужно начинать со 2-го семестра I курса. К этому времени студент будет иметь известное представление о языковедческих дисциплинах и некоторую филологическую подготовку, так как уже прослушает большую часть курсов „Введение в языкознание“ и „Старославянский язык“. Заключать курс надо в 5-ом семестре — к началу педагогической практики. О том же пишут Т. А. Шаповалова, С. А. Бурнашева и З. П. Летуновская (Борисоглебск).

Одним из вопросов, вызвавших оживленное обсуждение, явился вопрос о совпадении разделов программ разных языковедческих курсов, о дублировании материалов, излагающихся преподавателями разных дисциплин. Убедительные сопоставления совпадающих разделов университетских программ приводит А. И. Моисеев. Он пишет: «Недостаток программ состоит в том, что в них нередко повторяются пункты, совершенно аналогичные по своему внутреннему содержанию, по материалу, на котором они могут быть реализованы. Именно в этом смысле действующая программа по современному русскому языку полностью дублирует программу курса „Введение в языкознание“ в следующих пунктах (имеется в виду не буквальное совпадение формулировок, а содержание их): слово как объект изучения в лексикологии; слово и понятие; значение слова; экспрессивная окраска слов; развитие значений в слове; многозначность слова; омонимы; синонимы; основной словарный фонд и его признаки; словарный состав языка, его изменчивость и подвижность; взаимоотношение и взаимодействие основного словарного фонда и словарного состава; неологизмы как средство обогащения языка; типы неологизмов; предмет и задачи грамматики как науки о грамматическом строе языка; морфология и синтаксис и их взаимоотношения; грамматическая форма и грамматическое значение; взаимодействие лексических и грамматических значений слова; вопрос о взаимоотношении между словообразованием и формообразованием; см. далее весь первый параграф раздела „Синтаксис“, в частности пункт о соотношении предложения с суждением. Существо дела не изменяется от того, что некоторые из приведенных здесь пунктов программы по современному русскому языку снабжены уточнением — „в русском языке“ (см., например, пункты о синонимии, об омонимях, об основном словарном фонде как базе для образования новых слов и некоторые другие). Подобное уточнение по существу ориентирует лишь на иллюстрирование общих лингвистических проблем материалом русского языка».

О параллелизме разделов «Лексикология», «Грамматика», «Фонетика» в программах по «Введению в языкознание» и по курсу «Современный русский литературный язык» для педагогических институтов иностранных языков пишет А. Я. Рожанский (Москва); не меньше совпадений в названных двух программах и в программе по лексикологии иностранного языка. Хотя в этом последнем курсе лингвистические понятия и раскрываются на иностранном материале, но, как правильно отмечает А. Я. Рожанский, теоретический уровень преподавания при этом несколько не повышается: «освещение, например, фразеологических словосочетаний в курсе по иностранному языку, по „Введению в языкознание“ и по русскому литературному языку в теоретическом плане включает в основном одни и те же положения; это же относится и к пунктам „слово и понятие“, „словарный состав и основной словарный фонд“ и др.». Автор считает, что Министерством высшего образования должно «отстоять» принципы последовательно углубленного и расширенного изучения дисциплины, устранить тоннажи на месте, дублирование». Параллелизм в программах для педагогических институтов, особенно в разделах «Лексикология» и «Фонетика», отмечают также Т. А. Шаповалова, С. А. Бурнашева и З. П. Летуновская, Р. В. Протогенова, Р. Д. Петров (Нижне-Новгород) и др.

Как избежать повторения материала при изложении разных языковедческих курсов? Здесь высказываются разные точки зрения. Одни работники вузов считают, что общие теоретические вопросы, неизбежно возникающие при чтении ряда курсов, не должны рассматриваться во всех этих курсах как новые для слушателей: они должны быть лишь «восстановлены и оживлены в сознании студентов как необходимая база для усвоения конкретного материала» (А. И. Моисеев). Другие предлагают при чтении курса «Современный русский литературный язык» «опустить характеристику слова, характеристику отношения предложения к суждению, общую характеристику территориальных диалектов и социальных жаргонов, так как все это излагается в курсе „Введение в языкознание“» (С. В. Протогенов, Ташкент).

Некоторые участники обсуждения полагают, что было бы целесообразно поставить на широкое обсуждение вопрос «о преподавании всех лингвистических дисциплин в университетах и педагогических институтах: это дало бы возможность устранить многочисленные повторения материала при чтении курсов языковедческого цикла. Всестороннее обсуждение необходимо и потому, что по некоторым лингвистическим дисциплинам в новом учебном плане Министерством просвещения существенно изменено

количество часов, что требует, естественно, и изменения программы» (Т. А. Шаповалова, С. А. Бурашева и Э. П. Летуновская).

Вопрос о составе и характере программ поднимается почти всеми участниками обсуждения. Программы по современному русскому литературному языку не удовлетворяют своей схематичностью, излишней лапидарностью, неразвернутостью формулировок, отсутствием конкретных указаний. Приседняясь к уже высказанным на страницах журнала критическим замечаниям об университетской программе, Д. И. Алексеев (Мелекес) пишет, что программа 1954 г. для педагогических институтов страдает теми же недостатками: «она бедна идеями и направляющими формулировками, носит номенклатурный характер. Корни этих недостатков нужно искать в самих принципах, положенных составителями в основу составления программы. Одним из таких принципов, который прочно закрепился за всеми программами языковедческого цикла и стал традиционным, является краткость, неразвернутость и схематизм. Не удивительно, что в программе, излагающей 150-часовой лекционный курс всего на 11 страницах, не обнаруживается ни идейное направление курса, ни специфичность его в условиях пединститута, ни многое другое. Программа 1954 г. — плохой помощник в работе преподавателя: лекции часто приходится строить на «базе» одной строчки программы. В какой-то мере неразвернутость языковедческих программ обусловлена характером соответствующих дисциплин. Однако никак нельзя согласиться, что схематизм программ по современному русскому языку непреодолим или что он способствует улучшению преподавания и изучения предмета. Наоборот: не без влияния программ экзаменующиеся часто строят свои ответы только на материале школьного учебника: вузовская программа своими формулировками не обязывает студента изучать курс углубленно. В программе не должно быть оставлено ни одной темы, изложенной одной фразой. Каждую тему нужно конкретизировать. Это будет способствовать достижению единства в преподавании (характерно, что программа пединститута не только по объему, но в некоторых случаях и по содержанию почти не отличается от соответствующей школьной программы для V—VII классов). В каком же направлении должна быть развернута программа? Прежде всего необходимы направляющие формулировки, особенно по проблемным и дискуссионным вопросам курса. Обходя такие вопросы, программа 1954 г. тем самым способствует усилению нежелательного разбоя в освещении проблем, в оценке борющихся мнений и не гарантирует от проникновения в лекции прямых ошибок методологического и идеологического характера. Нужно, чтобы в программе кратко, но точно указывалось, какие из проблемных вопросов рекомендуется включить в курс, какие важнейшие мнения по этим проблемам сообщить студентам, на каких остановиться ошибках, имевших принципиальное значение в истории развития грамматической мысли. Разве плохо, если программа важнейшего языковедческого курса будет такой же идейно насыщенной, как программа курса «Основы марксизма-ленинизма»? Далее. В программе 1954 г. совершенно отсутствуют прямые указания на тенденции развития системы современного русского языка и отдельных сторон этой системы. Так, в отделе «Синтаксис» историзм вообще не нашел никакого отражения, словно у синтаксических явлений русского языка нет ни прошлого, ни будущего. В разделе «Лексикология» программа не вскрывает специфики развития лексики в советскую эпоху: ведь называемые здесь пополнение словарного состава, развитие новых значений и выпадение слов — это формулы, применимые к любой эпохе развития любого языка. Вопрос о тенденциях развития — один из важнейших. Если авторы программы будут уклониться от его решения, то что же остается делать преподавателю, не обладающему достаточным опытом самостоятельного исследования? Программа 1954 г. неудовлетворительна и еще в одном отношении: по ее содержанию не видно, что данный курс предназначен для студентов именно педагогического института, что он читается для будущих преподавателей русского языка и литературы. Несколько общих фраз в объяснительной записке не помогают делу. Программа должна направлять преподавателя на определенный уклон в преподнесении материала. Особенно важно, чтобы студенты понимали неразрывную связь между школьной грамматикой и курсом «Современный русский язык», чтобы они воспринимали последний в качестве базы для их работы в школе; для этого они должны знать, какой материал из лекций они смогут непосредственно использовать на уроках и какие вопросы им придется в школе освещать совсем иначе, чем это делается в научной грамматике. Все это должно найти определенное отражение в программе». О том, что программа по современному русскому языку не отражает связи с практикой, со школой, не ориентирует студентов на их будущую специальность, пишет также И. М. Подгаецкая; она также считает, что программа должна заключать в себе конкретизирующие указания по наиболее сложным темам.

С другой стороны, как существенный недостаток программ отмечается их перегруженность материалом. Так, Р. В. Протогенова считает, что «выполнить все, что предлагает программа, даже при том увеличенном количестве часов, которое отводится новым учебным планам на этот курс, с достаточной глубиной совершенно невозможно. Обилие программного материала заставляет отдельные кафедры и отдельных преподавателей делать перестановки, сокращения некоторых тем по своему усмотрению».

Анализируя программу для университетов, А. И. Моисеев указывает на то, что формулировки ее неоднородны: одни (например, касающиеся синонимов, омонимов, основного словарного фонда и др.) ориентируют лишь на иллюстрирование общих проблем материалами русского языка; другие (например, о типах слов в русском языке, об ударении и др.) требуют исчерпывающей характеристики определенных сторон самой системы русского языка. Автор полагает, что недостаток формулировок первого типа объясняется неизученностью самих материалов.

Преподаватели Борисоглебского педагогического института пишут, что «курсу „Современный русский литературный язык“ нужно придать по возможности стилистический уклон: здесь нужно более глубоко освещать вопросы синонимики русского языка. Следует согласиться с мнением проф. А. Ф. Ефремова, что программу нельзя ограничивать только лексической синонимией: нужно включить в программу и синонимию морфологическую, и синтаксическую, и синонимию стилистическую».

Участники обсуждения справедливо отмечают неудовлетворительность и неполноту прилагаемых к программам списков специальной литературы. В список, приложенный к программе для педагогических институтов, — пишет И. М. Подгаецкая, — «включены работы монографического характера, пособия по курсам. Возникают вопросы: должен ли студент читать все работы полностью или только часть их; может быть, одни работы надо изучать полностью, другие — частично? Как быть с периодической литературой? Может быть, предполагается, что преподаватель будет указывать студенту определенные главы, разделы перечисленных работ, интересные и нужные статьи по той или иной теме? Программа никаких указаний по этим вопросам не дает. Объяснительная записка к программе еще более усложнит дело, так как в ней сказано, что преподаватель должен «рекомендовать студентам ознакомиться с имеющейся критической литературой», относящейся к перечисленным в списке трудам. Неясно, какая и в каком объеме критическая литература здесь имеется в виду. В программе необходим четкий указатель литературы по разделам курса и общий указатель. Объем литературы при этом должен быть установлен с учетом возможностей студентов 1—5-го семестров».

Некоторые авторы подчеркивают необходимость создания дифференцированных программ для различных вузов, факультетов и отделений (А. И. Моисеев). Отдельные предложения касаются включения или изъятия тех или иных пунктов и разделов программ. Так, многие работники вузов предлагают включить в программы разделы «Орфография» и «Шуштация» (А. И. Моисеев, Т. А. Шановалова, С. А. Бурнашева и З. П. Летуновская, Н. П. Бузина, Ю. П. Голованова и Е. П. Ершова). Конкретные предложения по дополнению, исключению или изменению порядка пунктов внутри разделов программы для педагогических институтов высказывают И. М. Подгаецкая, Т. А. Шановалова, С. А. Бурнашева и З. П. Летуновская (для раздела «Фонетика»), Г. Д. Петров (для разделов «Фонетика», «Лексика» и «Морфология»), С. В. Протогенов (для разделов «Введение», «Лексика» и «Грамматика»).

С содержанием и построением программ тесно связан вопрос о том, с чего следует начинать чтение курса «Современный русский литературный язык». Здесь высказываются два различных мнения: 1) курс следует начинать с раздела «Фонетика», «так как каждый язык в живом употреблении прежде всего характеризуется своеобразием внешней звуковой оболочки, отличающей его от других, даже близко родственных языков» (М. Я. Немировский и др.); 2) курс следует начинать с раздела «Лексика», так как он скорее заинтересует студентов, привлечет их внимание к злободневным вопросам языковедческой теории и практики (Р. В. Протогенова и др.).

Особое место занимает вопрос о преподавании курса русского языка в вузах национальных республик. Как правильно отмечает М. Я. Немировский, здесь «нельзя обойтись без сопоставительного анализа фактов русского языка и данного национального языка, что, несомненно, должно обогатить знания студентов пониманием структурных различий языков разных семей». Между тем здесь не все обстоит благополучно. Так, например, как пишут работники Туркменского гос. университета, научный курс современного русского литературного языка в этом университете читается только на русском отделении историко-филологического факультета. На туркменском отделении того же факультета ведется по существу лишь практикум по русскому языку в пределах элементарной грамматики, способствующий развитию устной и письменной речи студентов, недостаточно владеющих русским языком. Авторы статьи справедливо утверждают, что обогащение теоретическими знаниями по русскому языку студентов-филологов туркменского отделения необходимо; оно не только будет способствовать лучшему практическому освоению русского языка, но и подготовит студентов к изучению курса сравнительной грамматики русского и туркменского языков. «Вопрос о том, как и в каком плане ведется преподавание теоретического курса современного русского языка в других национальных, в частности, тюркоязычных республиках, — пишут авторы статьи, — должен стать предметом особого обсуждения, результаты которого, несомненно, получат конкретное отражение в действующих учебных планах университетов и педагогических институтов».

Свою специфику имеет курс «Современный русский литературный язык» в инсти-

тутах и на факультетах иностранных языков. Этому вопросу посвящают свои статьи А. Я. Рожанский и М. С. Лапатухин. М. С. Лапатухин (Калинин) пишет о том, что в учебном плане данному курсу не отводится подобающего ему места. В недавно составленном новом учебном плане курс русского языка подвергся решительному сокращению как по количеству часов, так и по содержанию: фактически он снят с учебного плана и заменен небольшим курсом нормативной грамматики. «Невольно возникает вопрос, — пишет автор статьи, — правильно ли понимали составители плана место и значение курса русского языка для подготовки квалифицированных специалистов — преподавателей иностранных языков? Успех в изучении иностранных языков определяется уровнем общей филологической культуры студента. Чем выше у него знания теории русского языка, тем успешнее и глубже он усваивает изучаемый иностранный язык со всем его национальным своеобразием. И это вполне понятно. Студент, изучая иностранный язык, постоянно прибегает к сравнению лексических, грамматических, фонетических и других явлений родного языка с соответствующими явлениями изучаемого неродного языка. Отсутствие у студента необходимых теоретических знаний основ родного языка — ничем не восполнимый пробел. Со всей наглядностью этот недостаток проявляется в занятиях по грамматике и особенно при переводах. Несмотря на все это, на факультетах иностранных языков научный курс современного русского языка сведен до пределов нормативной грамматики, как будто другие разделы курса не имеют никакого значения для успешного изучения иностранного языка. Каков же должен быть объем и содержание курса „Современный русский литературный язык“, каково должно быть место данного курса в учебном плане факультетов иностранных языков? На этот курс следует отвести не менее 125 часов, из них 72 часа на лекционный курс и 53 часа на практические занятия. Курс современного русского языка на факультетах иностранных языков читается без всяких программ. Необходима программа, которая включила бы все основные разделы научного курса „Современный литературный язык“».

Отсутствие единой программы по современному русскому языку для институтов и факультетов иностранных языков самым неблагоприятным образом сказывается на преподавании этого курса. Как пишет А. Я. Рожанский, следствием этого положения является «разнобой в освещении на разных кафедрах одних и тех же языковых категорий, неоправданное ограничение или увеличение количества часов по тем или иным разделам, теоретическое (часто очень примитивное) изложение материала без закрепления его на практических занятиях или практика без достаточного теоретического обоснования».

Ряд замечаний касается вопроса о специализации, профессиональной направленности курса. Указывая на то, что «профиль специалиста, которого готовит вуз, привносит в преподавание известные добавочные задачи», М. Я. Немировский пишет, что «в педагогических институтах особое значение приобретает нормативная сторона курса, между тем как в университетском преподавании необходим больший уклон в научную проблематику». О необходимости профессионально-педагогической направленности курса «Современный русский литературный язык» в педагогических институтах пишут также Т. А. Шаповалова, С. А. Бурнашева и З. П. Летуновская, С. В. Протогенов.

Ряд соображений высказывается по одному из важнейших вопросов — о теоретическом уровне чтения курса «Современный русский литературный язык». Во многих статьях и заметках правильно отмечается, что теоретический уровень курса часто бывает недостаточно высоким. Здесь нередко сказывается неправильное понимание профессионализации курса, стремление сблизить изложение со школьным учебником, научить студентов только тому, что им придется самим излагать в школе. Поэтому, как пишет В. П. Воробьев, «у слушателей нередко вырабатывается своеобразный критерий в оценке важности и необходимости материала: важно и ценно то, что непосредственно требуется для выполнения программы средней школы. Некоторые руководители кафедр считают, что курс современного русского языка должен читать преподаватель-практик, хотя бы у него и отсутствовала общетеоретическая языковедческая подготовка». Между тем несомненно, что «средняя школа и институт с его пятью годами обучения должны рассматриваться как ступени знания» (А. Я. Рожанский).

Много замечаний высказано о том, каковы должны быть пути повышения теоретического уровня курса. «Для глубины понимания фактов нашего языка, — пишет В. П. Воробьев, — в курс русского языка необходимо внести элементы сравнительно-исторического метода. Хорошо было бы показать родство славянских языков, хотя бы на некоторых фактах: в разделе синтаксиса — на способах соединения слов в предложении, на порядке слов в предложении, на построении косвенной речи. Точно так же должны быть указаны сходные явления в фонетике и морфологии. С другой стороны, читая этот курс, нельзя обходить молчанием вопрос о взаимодействиях русского литературного языка и народных говоров».

При чтении курса, — пишет С. В. Протогенов, — «необходимо усилить элементы сопоставления грамматических категорий, частей речи и типов предложений (например,

занятия могут быть посвящены изучению некоторых разделов программы и привитию навыков научно-исследовательской работы: «под руководством лектора или его ассистентов студенты могут здесь более или менее самостоятельно разрабатывать различные вопросы курса, лишь бегло затронутые в лекциях, или углубленно изучать материал, достаточно развернутый лектором, но требующий дальнейшего исследования как еще не решенный наукой». А. И. Моисеев пишет: «Практические занятия могут и должны не только учить наблюдению и обобщению фактов и явлений, но и помогать студентам усвоить имеющиеся уже в науке положения и выводы. Поэтому на практические занятия могут быть вынесены, например, не только непосредственное и детальное ознакомление с каким-либо словарем русского языка, но и ознакомление с историей русской лексикографии, главным образом путем изучения соответствующих научных источников; не только наблюдения над значением возвратных глаголов, но и ознакомление с различными точками зрения по вопросу о залого; не только наблюдения над живыми произношением, но и изучение правил литературного произношения». Образовательная роль практических занятий очень велика. Поэтому, как правильно подчеркивает Р. В. Протогенова, проведение их необходимо поручать работникам высокой квалификации. Многие работники высказывают пожелания, чтобы Министерство утвердило тематику спецкурсов и спецсеминаров и издало бы соответствующие программы. Об этом пишут Д. И. Алексеев, а также работники Борисоглебского педагогического института. Последние полагают, что «для спецкурса по русскому языку целесообразно выделить темы „История отечественного языкознания“ и „История сложного предложения“. Эти спецкурсы помогут студентам глубже усвоить многие теоретические вопросы, которые затрагивались в курсе „Современный русский литературный язык“. Для спецсеминара по русскому языку полезны темы „Лексикология“, „История русского глагола“ и „История простого предложения“. На таких семинарах можно накопить большой фактический материал (например, по вопросам фразеологии, второстепенных членов предложения, типов сказуемого и т. д.), который поддается интересным обобщениям. Кроме того, такие темы, как история простого предложения и история сложного предложения, помогут студентам глубже усвоить синтаксис современного русского литературного языка». С. А. Фессалоницкий предлагает «Примерный список тем специального семинара „Лексика и грамматика русского языка“». В числе этих тем указываются: «Вопрос о взаимосвязи лексики и грамматики в свете марксистско-ленинского учения о всеобщей связи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе»; «Вопрос о соотношении лексики и грамматики в освещении выдающихся лингвистов»; «Вопросы взаимодействия смысловых и грамматических значений в освещении академической „Грамматики русского языка“ (т. I)»; «Взаимодействие смысловых и грамматических значений в системе русского словообразования»; «Анализ взаимодействия смысловых и грамматических значений как основа разграничения слов и их форм»; «Взаимодействие смысловых и грамматических значений как основа перехода слов из одной части речи в другую»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории рода существительных»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории числа существительных»; «Переход прилагательных из одного ряда в другой как процесс взаимодействия смысловых и грамматических значений»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории вида»; «Переходность — непереходность как показатель взаимодействия смысловых и грамматических значений отдельных глаголов»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории залогов»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории наклонения»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории предлога»; «Анализ взаимодействия смысловых и грамматических значений как основа разграничения второстепенных членов предложения (наиболее трудные случаи)»; «Вопросы взаимодействия смысловых и грамматических значений в освещении школьной учебника» и ряд других. Тематику спецсеминара «Взгляды русских языковедов на отдельные грамматические категории», проводившегося в Рижском педагогическом институте в 1954—1955 уч. г., излагает В. Г. Краснов.

Каково должно быть при усвоении курса соотношение лекций и самостоятельного изучения научной литературы, учебников? Не вызывает возражений та мысль, что «самостоятельное изучение студентом отдельных том курса безусловно полезно, повышает общую активность в работе над курсом, но должно внимательно планироваться преподавателем, кафедрой и быть ограниченным по объему» (И. М. Подгаецкая). Учебник необходим, но он не может стать основным материалом при изучении курса. «Нельзя думать, — пишет А. И. Моисеев, — что учебники (даже хорошие) могут когда-либо вытеснить или заменить лекции. И при наличии хороших учебников лекции останутся необходимой формой обучения. Если даже лектор не расходится с учебником в понимании тех или иных проблем, лекции будут необходимы для разъяснения, живого освещения многих вопросов курса. Конечно, должно быть безусловно исключено буквальное, текстуальное воспроизведение в лекциях содержания учебника. Но нельзя ограничиваться освещением в лекциях только того, что отсутствует в учебниках или неудовлетворительно разрешено в них. Стремление читать лишь о том, чего нет в учеб-

нике, может привести к незаконному расширению программы курса». Другие напоминают, что «если студенты убеждаются, что весь излагаемый лектором материал они найдут в учебнике, они слушают лекции неохотно и без должного внимания» (М. Я. Немировский).

Положение с учебниками все еще остается неудовлетворительным. Как пишет Г. Д. Петров, «вузы национальных республик нуждаются в стабильном учебнике по современному русскому литературному языку; в этом учебнике должны найти отражение все разделы и пункты будущей упорядоченной программы. Все прочие труды по русскому языку нужно рекомендовать только как дополнительные учебные пособия. В стабильный учебник для национальных педвузов нужно включить основные разделы из курса нормативной грамматики средней школы; это послужит естественным мостом между теоретическими разделами курса «Современный русский литературный язык» и принятым стабильным учебником средней школы; тем самым реально осуществится связь высшей школы со средней». «Острая нужда в вузовском учебнике ощущается повседневно», — пишет Р. В. Протогенова. М. Я. Немировский считает, что «нужен стабильный учебник, который, сохраняя свою основу без коренных переделок, переиздавался бы, отражая новые достижения науки, через два-три года. В промежутках можно обойтись изданием специальных брошюр по отдельным разделам или проблемам, таких, например, какие издаются МГУ. К сожалению, их еще недостаточно, и многие важные вопросы современного русского языка остаются не освещенными. Учпедгиз очень мало делает в этом направлении. Почему бы не привлечь к созданию учебников или брошюр периферийных работников, среди которых есть немало авторитетных ученых и молодых, но творчески растущих педагогов?» Участники обсуждения напоминают о необходимости издания частей курсов, отдельных хороших лекций, конспектов практических занятий.

Таков основной круг вопросов, подвергшихся обсуждению работников, читающих курс «Современный русский литературный язык» в высшей школе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БУКВАРЬ ИВАНА ФЕДОРОВА

В начале 1955 г. в «Бюллетене» библиотеки Гарвардского университета (США) были опубликованы снимки с единственного известного в настоящее время экземпляра печатного издания букваря, осуществленного русским печатником Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. Снимки сопровождаются статьей Р. Якобсона. Статья посвящена истории издания, изложению его содержания и краткому анализу. Небольшие добавления (Appendix), написанные Вильямом А. Джексоном, содержат замечания по истории рассматриваемого экземпляра и его палеографии и соображения книговедческого характера¹.

После опубликования снимков и указанных статей у нас также появились статьи, посвященные букварю Ивана Федорова², но ни одна из них не касается собственно лингвистических вопросов.

Рассматриваемый букварь представляет собой наиболее раннее из известных до сих пор русских датированных руководств для начального обучения чтению и грамматике церковнославянского языка.

В Бодленской библиотеке в Оксфорде и в библиотеке Трикити-колледжа в Кембридже в Англии хранятся экземпляры более раннего анонимного и не датированного русского букваря. Р. Якобсон устанавливает путем сравнения, что этот букварь не принадлежит Ивану Федорову, его шрифт является лишь имитацией шрифта последнего; орфографические условности выдерживаются в анонимном букваре менее последовательно.

Букварь Ивана Федорова содержит в первой части азбуку, а также образцы склонения и спряжения церковнославянского языка, обучение которому является основной задачей книги; во второй части (стр. 49—77) находятся церковнославянские тексты для чтения и запоминания: известный азбучный акростих, молитвы, символ веры, отрывки из Соломоновых притчей и из посланий апостола Павла. Заглавие книги, определяющее ее содержание, находится на стр. 9; а еѣ ѣзѣка ѣ книги (осамѣстѣна, сирѣчь) грамматикѣн./ (на предыдущих страницах находятся лишь алфавит и буквенные сочетания — слоги — для упражнения в чтении).

Материал, содержащийся в букваре, представляет определенный интерес в лингвистическом отношении. В данной статье будут рассмотрены некоторые лингвистические вопросы, причем главным образом те, которые или совсем не получили освещения в статье Р. Якобсона, или не освещены в ней в достаточной степени.

Указывая на то, что львовские издания Ивана Федорова отражают московский вариант церковнославянского языка, Р. Якобсон отмечает вместе с тем, что в рассматриваемом львовском букваре более строго проведена сравнительно с недатированным московским букварем тенденция избегать формы живого народного языка (так, например, дат. и местн. падежи личного местоимения 1-го лица ед. числа постоянно в форме тѣѣ; ср. тѣѣ в московском букваре). Это стоит в связи с общей эволюцией церковнославянского текста на Украине в сторону очищения его от просторечных элементов. В то же время Р. Якобсон отмечает, что в надписях, не относящихся к самому тексту букваря, Иван Федоров употребляет в рассматриваемом издании формы, заимствованные из украинского и белорусского языка. Ср. выходные данные в конце книги: Бѣдрѣсковане

¹ См. R. Jakobson, Ivan Fedorov's primer, «Harvard library bulletin», vol. IX, № 1, Cambridge, Mass, 1955.

² См.: В. С. Люблинский, Судьба памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 5; Т. А. Быкова, Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников, там же.

только сочетанье с личными и указательными местоимениями, но и употребление форм двойственного числа, которые, конечно, не были уже живыми, а также истолковано употребление форм 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа. Ср. *вѣдѣ. днѣ.* (об этой форме дальше будет сказано особо) *вѣдѣши. ты/ вѣдѣтъ тѣм./ вѣдѣча. мы двѣ./ вѣдѣтъ. вы двѣ./ вѣдимо. Божіюмнѣзи/ вѣдѣте. камнѣ мнѣзи/ вѣдѣ. ѿкомы нѣцыи на/на глаю, іаи мы на дрѣги/.*

На стр. 19 названа форма страдательного залога, хотя фактически приведены возвратные формы (но без указания, что это настоящее время), которые, впрочем, имеют в русском языке, как известно и страдательное значение, а затем приведены

различные формы прошедшего и будущего времени этого залога: *Страдѣла^ж естъ тѣко вѣдѣса. вѣдѣша. вѣдѣтса. вѣдѣтса. вѣдѣтса. вѣдѣтса. вѣдѣтса.* И далее: *Страдѣлаго бѣго залѣга/времѣнѣ. сѣи хѣтѣм./ предѣвѣше, прѣдѣже/ноѣ. вѣдѣша. непрѣдѣноѣ, вѣдѣша. Настояще, вѣдѣтса./ помѣдѣт вѣдѣюще, вѣдѣт та хотѣтъ. вѣдѣт/ще, вѣдѣтса вѣдѣт./* Терминология времен, как легко видеть, большей частью соответствует нашим позднейшим грамматикам (например, Адельфотису и грамматике Лаврентия Зизания) и восходит к той терминологии, которая принята была у Псевдодамаскина. Впрочем для обозначения давнопрошедшего употребляется термин «предѣвѣшее», а не «пресвершенное», как в Адельфотисе, так и у Зизания, причем одна и та же форма приводится и для «предѣвѣшого», и для «протяжнншого». Заметим, что эти времена выражаются по существу вариантами одной и той же формы и в других наших старинных грамматиках, иногда же и вообще не разграничиваются (ср., например, парадигмы глагола *спасаю* у Зизания).

Текст букваря Ивана Федорова интересен тем, что он акцентуированный и, таким образом, пополняет общее количество дошедших до нас русских акцентуированных текстов XVI в. Указываемые в нем ударения, по крайней мере в большей части случаев, отражают живое ударение того времени, свойственное определенной части русских диалектов.

Р. Якобсон обратил внимание на случаи архаического ударения в букваре, встречающиеся в настоящее время в севернорусских говорах и украинском языке¹. Речь идет о глаголах со старым конечным ударением, во 2-м лице мн. числа падающим на окончание *-те*: *варитѣ, говоритѣ, вритѣ, креститѣ*, (стр. 20), *родитѣ, творитѣ, стоитѣ, очитѣ, чтитѣ* (стр. 21). *По такому же типу идет и держитѣ* (стр. 20; последний глагол в древности относился к описываемому типу. Ср. серб. *држати* — *држиши*, а также *держити* в старом академическом словаре, на который ссылается и П. Буайе)². Следует, однако, отметить, что в глаголах, принадлежащих по характеру ударения к старому подвижному типу, а также в глаголах со старым постоянным ударением на основе в словаре Ивана Федорова во 2-м лице мн. числа имеем также ударение на основе, о чем свидетельствуют такие случаи, как: *любитѣ, нѣситѣ, ѡбѣситѣ, прѣситѣ, хвалитѣ* (стр. 21), *ширитѣ* (стр. 22).

Особый интерес представляет то обстоятельство, что автор букваря сознательно относится к той роли, которую имеет ударение в различении смысла. В его книге есть особый раздел, посвященный ударению, или (как это принято у наших старинных грамматистов, следующей античной традиции) «врозодни». В этом разделе собраны слова и формы, различающиеся лишь ударением. Раздел открывается словами:

Попрезѣдѣн. дѣже. двѣчи вѣдѣша мѣщичи./ сѣ естъ. повѣдѣтсана./ искѣдѣтсана./ (стр. 20). Далее приводятся формы 2-го лица мн. числа повелительного и изъявительного наклонения, различающиеся лишь местом ударения, здесь же встречаются и пары различных слов (по глаголам), различающихся лишь ударением. Ср.: *варитѣ, варитѣ; говоритѣ, говоритѣ; держитѣ, держитѣ; вритѣ, вритѣ; креститѣ, креститѣ; (стр. 20); любитѣ, любитѣ; носитѣ, нѣситѣ; ѡбѣситѣ, ѡбѣситѣ; прѣситѣ, прѣситѣ; родитѣ, родитѣ; творитѣ, творитѣ; очитѣ, очитѣ; хвалитѣ, хвалитѣ; ѡбѣситѣ, ѡбѣситѣ; чтитѣ, чтитѣ, (стр. 21); ширитѣ, ширитѣ; шедритѣ, шедритѣ* (стр. 22). Под буквой в стоят формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа различных глаголов: *вѣдѣ, вѣдѣ* (стр. 20); под буквой м — два существительных, различающихся местом ударения: *мѣка, мѣка* (стр. 21); под буквой ж — два существительных, имеющих ударение в одном случае на корне, в другом — на суффиксе: *жилицѣ, жилицѣ* (стр. 20); под і стоят слова *ирѣдѣ* и *ирѣдѣ* [(может быть, *урѣдѣ, юрѣдѣ*?); под и — твор. падеж мн. числа местоимения и повелительное наклонение глагола, опять-таки различающиеся только ударением: *ѿмѣи, ѿмѣи* (стр. 20). Повидимому, формы 2-го лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения представлены под буквой ц: *цѣлитѣ, цѣлитѣ* (стр. 21); впрочем для первого из этих глаголов форма повелительного наклонения 2-го лица мн. числа омонимически совпадает (включая ударение) с формой настоящего времени.

¹ См. R. Jakobson, *указ. соч.*, стр. 18 и сл.

² См. P. Boyer, *De l'accentuation du verbe russe*, Paris, 1895, стр. 41.

Как указывает Р. Якобсон, материал, представленный в букваре Ивана Федорова, связан и даже частично совпадает с материалом сочинения, называемого «Книга глаголета буквы», известного по различным русским рукописям XVI—XVII вв., где по ударению имеются даже более полные данные, чем в рассматриваемом букваре¹.

Представляют интерес некоторые факты, относящиеся к чередованию гласных, характеризующему определенные морфологические отношения. Так, производный приставочный глагол III класса *свеклаѣти* имеет *о* в корне во всех формах: *свеклаѣа*, *ѡ/свеклаѣаши*, *свеклаѣѣт*, *ѡсвеклаѣѣа*, *ѡсвеклаѣѣѣа*, *ѡсвеклаѣѣѣѣа*, *ѡсвеклаѣѣѣѣѣа*, *ѡсвеклаѣѣѣѣѣѣа* (стр. 14), но наряду с этим глагол *прелагѣти*, относящийся к тому же типу, имеет в корне постоянно *а*: *прелагѣа*, *прелагѣаши*, *прелагѣѣт*, *прелагѣѣа*, *прелагѣѣѣа*, *прелагѣѣѣѣа*, *прелагѣѣѣѣѣа* (стр. 14—15); ср. также форму повелительного наклонения от глагола *сукрѣтити*: *несукрѣтите* (стр. 77). В древности все эти три глагола имели в корне ступень удлинения, т. е. *а*. Ср.: *свеклаѣити* (Новг. Миней 1096 г., сент. 88), *свеклаѣютъса* (там же 158), *прелагѣмоу* (Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, 14), *сукрѣтитъ* (Ефрем. Корчмя. Гангр., 1), *несукрѣтитъ* (Панд. Аутвоха XI в., 11). По характеру корневого гласного эти глаголы следует сравнить с такими, как *свѣквѣтити*, *прѣлагѣтити*, *сукрѣтити*, от которых они образованы. Производный характер особенно отчетливо выступает в глаголах *свеклаѣити* и *сукрѣтити* благодаря наличию в их основе сочетаний *v' < ej < vi*, а также *r' < rj < r* перед последующим гласным. Чередование *о/а*, широко распространяющееся в некоторых более поздних глагольных образованиях (например, в глаголах *оцѣнаѣити* и *сукрѣтити* благодаря наличию в их основе сочетаний *v' < ej < vi*, а также *r' < rj < r* перед последующим гласным). Чередование *о/а*, широко распространяющееся в некоторых более поздних глагольных образованиях (например, в глаголах *на-ѣта-*, *-ѣта-*), в более старых образованиях нередко устранилось за счет распространения во всех формах гласного *е*, что отражено уже в намятниках XIV в. Ср., например, уже отмеченное мною в Переяславском евангелии 1354 г. *раслаѣхуть* вместо более древнего *пеласхуть*². В букваре также отражается процесс распространения *е*, причем находим его в таком глаголе, как *свеклаѣтити*, при наличии *а* в глагоде *прѣлагѣтити*, т. е. отношения здесь несколько иные, чем, например, в упомянутом выше Переяславском евангелии. Вероятнее всего буква *о* представлена в нашем букваре в первую очередь в словах, свойственных живой речи; слово *прѣлагѣтити*, несомненно, принадлежит книжному слою лексики, оно и сохраняет старую ступень корневого гласного *а*. Книжному слою принадлежит и *сукрѣтити*.

Отношения форм *е* и *а* в букваре очень напоминают отношения, наблюдаемые в современной орфографии³, где глаголы несовершенного вида, принадлежащие к разношерстному слою, имеют написание *о* (например, *помогать*, *обновлять* так же, как *помочь*, *обновить*), принадлежащие же к книжному слою — *а* (например, *полагать*, *налагать*). Аналогичные отношения были указаны выше при рассмотрении глаголов, имеющих сочетание *жд* или *ж*.

Большой интерес представляет сравнение форм, приводимых в парадигмах, которые мы находим в текстах для чтения и запоминания.

Формы, приводимые в парадигмах, как отметил Р. Якобсон⁴, находятся в определенной зависимости от грамматики Псевдодамаскина, вследствие чего имеют среднеболгарский характер. Так, 1-е лицо ед. числа настоящего времени оканчивается на-*а*. Ср., например: *вкраѣмѣаѣж* / *вкраѣмѣаѣши*, *вѣра/зѣмѣѣтѣ* и т. д.; *глабѣа* / *глабѣаши*, *глабѣѣт* и т. д.; *даѣ* / *даѣши* / *ѣтѣ* и т. д. (стр. 10). Значение формы на-*а* как формы 1-го лица ед. числа определяется по месту, занимаемому ею в парадигме. Как предпологает Якобсон, эта форма была отождествлена автором с формой русского деепричастия. Об этом свидетельствует в некоторых случаях ударение, а также возможность сочетания с местоимением не 1-го лица ед. числа; ср. *вѣдѣ*, *ѣтѣ* (стр. 9), занимающее в парадигме первое место, после чего идет сочетание с различными личными и не личными местоимениями: *вѣдѣши*, *тѣ/вѣдѣтѣ*, *тѣби/вѣдѣа*, *мѣ* *дѣа* и т. д. Форму, оканчивающуюся на *а*, в значении 1-го лица ед. числа настоящего времени мы находим и во всех русских редакциях Псевдодамаскина, например *тѣвѣа*, *тѣвѣши*, *тѣвѣтѣ* и т. д., *вѣаѣж*, *вѣаѣшиѣж*, *вѣаѣтѣ* и т. д.⁵

¹ См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 21.

² См. П. С. Кузнецов, К исторической фонетике восточно-славянских говоров, «Доклады и сообщения Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 2, М.—Л., 1948, стр. 142.

³ Поскольку это чередование, за редкими исключениями, наблюдается в безударном положении, для литературного языка речь идет лишь об отношениях орфографических.

⁴ См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 18.

⁵ См. П. В. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, «Исследования по русскому языку», т. I, Спб., 1885—1895, стр. 339.

Ср. такие же формы тверѣа (стр. 15), вѣдѣа (стр. 19) и у Ивана Федорова. В наиболее раннем из дошедших до нас списков сербской редакции того же Псевдодамаскина формы другие. Ср., например, твѣрѣу, твѣрѣши, твѣрѣть и т. д., вѣю се, вѣиши се, вѣиеть се и т. д.¹ Впрочем форма на -а могла быть поддержана и соответствующими польскими формами, поскольку букварь печатался во Львове.

Интересно отметить, что в последующих грамматиках, притом очень близких по времени к рассматриваемому букварю (в Адельфотисе, у Зизания), не говоря уже о грамматике Дмитрия Толмача, более ранней, чем букварь, в соответствующей форме представлены окончания -у, -ю.

Форма 1-го лица мн. числа последовательно оканчивается в букваре на -мо, например: вѣдѣмо, (стр. 9), вѣрѣдѣмо, гадѣдѣмо даѣмо (стр. 10), вѣдѣмо, жрѣи/мо, вѣи/мо, (стр. 11), вѣидѣмо, вѣзвѣдѣмо, (стр. 12), нѣсѣмо (стр. 14), твѣрѣмо (стр. 15), хвѣи/мо (стр. 16) и т. д. Эта форма также может восходить к болгарскому оригиналу Псевдодамаскина; мы находим ее в русских редакциях последнего (ср. твѣрѣмо, твѣрѣть, твѣрѣтъ²). В упомянутом выше сербском списке — окончание мь — твѣрѣмь³. Окончание -мо могло быть поддержано также влиянием украинского и польского языков, хотя по месту ударения приводимые формы не всегда соответствуют украинским.

Впрочем в страдательном залоге («страдѣтѣна»), представленном по существу, как уже было сказано, возвратными формами, находим в букваре, как и в русских редакциях Псевдодамаскина, -м: вѣдѣма (стр. 19).

Если мы обратимся к текстам для упражнения в чтении и заучивании, то найдем там другие формы 1-го лица настоящего времени. В единственном числе последовательно проведено окончание -у (после мягких согласных и в сочетании с предшествующим *i* — графически ю), во множественном же числе столь же последовательно -мъ. Ср., например, примеры для 1-го лица ед. числа из Симеона Бѣры: вѣрѣю вѣдѣного вѣа. (стр. 52); чѣю/вѣрѣиша мѣрѣтѣмъ (стр. 55); ср. также: вѣю да вѣгда вѣспѣтѣю/сѣдѣсѣвѣю и глаю (стр. 57); вѣрѣшѣ вѣдѣсѣа тѣкѣ (стр. 67); вѣишѣ всѣи тѣишѣ (стр. 45); также в послесловии Ивана Федорова: вѣрѣдѣти/сѣ хѣшѣ. (стр. 79); для 1-го

лица мн. числа из молитвы господней: вѣкѣи ѿ мѣи сѣвѣдѣмъ дѣла/живѣомъ нѣишѣ. (стр. 54); из молитвы Василия Великого: вѣрѣдѣмѣа (стр. 62); ср. также: вѣрѣдѣти поклѣнѣма (стр. 52) — эта форма встречается трижды. Впрочем возвратная форма, как уже было сказано, и в вариантах представлена окончанием -м (отсутствие ѣ и там и здесь объясняется тем, что для XVI в. ѣ в основном используется как показатель конца слова, сочетание же глагольной формы с энклитическим возвратным местоимением осознавалось уже как единое слово).

В качестве материала для упражнения в букваре используются, как уже говорилось, различные наиболее широко распространенные тексты церковно-религиозного характера; представленные в этих текстах формы принадлежали русскому церковно-славянскому языку. По отношению к формам 1-го лица заметим, что они были одинаковыми и в церковно-славянском, и в живом русском (именно великорусском) языке, уже обособившемся в это время от украинского и белорусского.

В формах 3-го лица единственного и множественного числа последовательно находим написание тѣ- указывающее на твердость -т (ѣ нередко заменяется наерком; без ѣ это окончание пишется также в случае выноса т над строкой); например: вѣдѣтъ (стр. 9) вѣра/вѣдѣтъ (стр. 10), вѣитъ (стр. 11) и т. д.; вѣра/вѣдѣтъ (стр. 10), живѣт/тъ (стр. 11), вѣиѣтъ (стр. 14) и т. д. Лишь в формах вспомогательного глагола представлено окончание -тъ. Ср.: вѣишѣ/тъ дѣвѣи (стр. 72); Страдѣмѣ етъ тѣко (стр. 19). Вероятнее всего, что отражаясь в написаниях букваря твердое т в формах 3-го лица глагола свидетельствует о твердом т не только в русском церковно-славянском, но и в живом русском языке; отвердение т в глагольных формах, как известно, имело место в северновеликорусском наречии, но охватило и переходные говоры, восходящие в основном к северным, в том числе и московский говор, вследствие чего вошло в состав норм московского литературного языка, которым следует, по крайней мере первоначально, и Иван Федоров. Сохранение мягкого -т в формах 3-го лица вспомогательного глагола, утраченного в живой речи остальные личные формы и вследствие этого выпавшего из общей глагольной системы, характерно и для северновеликорусского наречия, и для переходных говоров, и для литературного языка.

Р. Якобсон считает, что последовательное употребление форм 3-го лица с тѣ (т) в букваре отражает упоминавшуюся выше тенденцию избегать форм, свойственных живому народному языку, которые шире представлены, по мнению Р. Якобсона, в недатированном московском букваре (ср. наличие там колебания тѣ — тѣ). В данном

¹ Там же, стр. 333.

² Там же, стр. 339.

³ Там же, стр. 333.

случае Р. Якобсон не учитывает, что в московском говоре XVI в. в рассматриваемом окончании уже несомненно было твердое *m*. Формы 2-го лица единственного числа имеют обычно окончание *-ши*, причем как в парадигмах, так и в текстах, например: *вздѣши* (стр. 9), *квразьмадѣши, гал/гдѣши* (стр. 10), *жи/вѣши, зѣ/ждѣши* (стр. 11), *мѣдѣши* (стр. 13) и т. д. Наряду с этим однажды (в тексте) встретилось окончание *-шь*, свойственное не только живому русскому, но и другим живым славянским языкам: *кѣдѣшь* (стр. 71).

Большой интерес представляет форма будущего времени. В парадигмах представлены две формы будущего времени, причем те же самые, в том же порядке расположенные и так же образующиеся, как и у Псевдодамаскина. Так, в формах страдательного залога находим: *пемѣлкъ вывѣлюше, ви/тита хотѣтъ. кѣдѣши/ши кѣти/ма ѣмѣтъ* (стр. 19). Ср. в сербской редакции Псевдодамаскина: ... *къ пемѣлкъ вывѣлющего кѣти кю, кѣдѣшяго жѣ кѣти ѣмамъ*¹, в русской редакции: *къ пемѣлкъ вывѣлющего кѣти хотѣтъ, кѣдѣшяго жѣ кѣти ѣмамъ*². Оба приведенных способа образования будущего времени свойственны были древним славянским языкам, в том числе и русскому; они были также характерны и для принятой на Руси формы церковнославянского языка. Но в текстах мы находим и новый способ образования будущего времени при помощи сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *куду*. Ср.: *ѣко сдѣити/ кѣдѣтъ гѣ крѣдѣтъ ѣгѣ* (стр. 69); *кѣдѣшь ѣгѣго нѣк/ти надѣждѣтъ кѣпосѣк/дѣни чѣсъ.* (стр. 71); *рѣдѣватѣса*

кѣдѣтъ стѣ/бѣю срѣце мѣе, ѣвѣсѣи/тѣса кѣдѣтъ лѣдѣни/ мѣе, кѣнѣдѣтъ рѣдѣтъ || кѣнѣдѣтъ сѣдѣтъ тѣдѣтъ (стр. 70—71). Интересно, что именно в этого рода образованиях встречается и принадлежащая живой речи уже упомянутая выше форма 2-го лица ед. числа вспомогательного глагола *вздѣши*. В послесловии Ивана Федорова мы встречаем еще сочетание

инфинитива *хотѣтъ: дѣ поѣнѣкъ ни/сѣнѣкъ кѣтѣоугоднѣ съ/кѣждѣ лѣнѣ потрѣдѣти/са хотѣтъ.* (стр. 79). Но, возможно, что здесь глагол *хотѣтъ* выступает не в качестве вспомогательного при образовании будущего времени, а просто выражает намерение.

Форма будущего времени, образующаяся посредством сочетания с *куду*, не может быть отнесена к книжному церковнославянскому языку. О том, что в XV в. она не была характерна и для великорусского языка, свидетельствует хотя бы тот факт, что в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, изданных Л. В. Черепниным, сочетание инфинитива с *куду* встречается лишь несколько раз (причем все случаи находим в одном и том же сочетании — *кудѣтъ держати*) в двух грамотах новосильских и одолевских князей великому князю Литовскому Казимиру (1442 и 1459 гг.), дошедших до нас лишь в западнорусской (белорусской) копии XVI в. (в составе Литовской метрики). В русском (великорусском) языке в XVI в. данная форма только еще начинает распространяться; тот факт, что она редко встречается и во второй половине XVI в., отмечает С. Д. Никифоров³. Как указывает А. П. Яковлева, основной формой сложного будущего времени в московских памятниках XVI в. является сочетание инфинитива с глаголом *учу*, (*начу*, *вечу*), при наличии, однако, также форм с *иму* и *куду*⁴. К. Рёслер считает, что сочетание инфинитива с *куду*, засвидетельствованное в западнорусских, т. е. старобелорусских памятниках с конца XIV в.⁵, лишь с конца XVI в. проникает в русский (великорусский) язык⁶ и распространяется здесь лишь в XVII в.⁷

Таким образом, возникает возможность допущения, что формы, образованные при помощи *куду*, появляются в букваре Ивана Федорова под воздействием западнорусского (белорусского), а может быть и украинского языка, поскольку с середины XVI в. эта форма отражается и в украинских памятниках⁸. Однако, принимая во внимание, что русскому языку, по свидетельству памятников, такие формы во второй половине XVI в. также не были вполне чужды, и учитывая, что формы, вновь возникающие в живом языке, первоначально проникают и памятники в виде единичных приме-

¹ См. И. В. Ягич, Рассуждения... стр. 333.

² Там же, стр. 340.

³ См. С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952, стр. 179.

⁴ См. А. П. Яковлева, К истории форм будущего времени в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 11.

⁵ В качестве древнейшего примера Рёслер, со ссылкой на работу Станга «Die altrussische Urkundensprache von Polozk», приводит *кудѣтъ держа* из грамоты Керикута 1388 г. (См. К. Rösler, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im slavischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. 11, 1952, стр. 134).

⁶ См. там же, стр. 131.

⁷ См. там же, стр. 145.

⁸ См. там же, стр. 144—145.

ров, нет необходимости прибегать к предположению об их проникновении извне, хотя бы и из близко родственных языков. Еще меньше оснований для предположения, с которым выступает К. Рёслер, утверждающий, что данная форма проникла в славянские языки под влиянием немецких сочетаний инфинитива с *werden*, причем сначала она появилась в чешском языке, затем в польском, белорусском, украинском и, наконец, в русском. Почва для возникновения аналитических форм будущего времени имела и в самих славянских языках, в том числе в русском. Широкое же распространение формы с *буду* не только в литературном языке, но и в говорах свидетельствует скорее о самостоятельном развитии этой формы в русском языке. В письменных памятниках она, конечно, могла быть поддержана (но лишь поддержана) влиянием, идущим из западных частей восточнославянской области, где эта форма развилась, повидимому, раньше.

В числе форм, отражающих явления живого языка, можно еще указать личное местоимение 1-го лица ед. числа *я* (ср. приведенную выше фразу из послесловия, начинающуюся этим местоимением-*я*, употребленным после присоединительного союза *а*), а также встречающееся иногда при обычном *-ого* окончание *-ого* в род. падеже единственного числа муж. и ср. рода местоименных прилагательных. Ср.: *педѣ/кнего оцѣнѣнѣго* (стр. 78), *шатїна ѣксѣскѣ* (стр. 48), но: *свѣраго, младѣчскаго* (стр. 78), *Ваѣскаго* (стр. 51), *пѣраго/сѣбра* (стр. 52), *Вѣраго сѣбра* (стр. 54) и т. д.

Таковы наблюдения, которыми можно дополнить статью Р. Якобсона. Он указывает, что рассматриваемый букварь, как и другие подобные пособия, ставил своей целью выработку чистого и правильного церковнославянского языка. Сравнение парадигм и текстов свидетельствует, однако, о ряде различий в использовании системы церковнославянского языка, а также о том, что в формах букваря отражается как церковно-книжная традиция, притом частью восходящая к более раннему, выработавшемуся на русской почве церковнославянскому языку, так и струя, идущая из живого языка, хотя и представленная сравнительно небольшим количеством фактов.

П. С. Кузнецов

А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков.—М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, 332 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

В последнее десятилетие в языкознании значительно возрос интерес к проблемам индоевропейского языкознания, в частности к вопросу о родственных отношениях индоевропейских языков. Можно указать на целый ряд монографий и статей, авторами которых являются В. Георгиев, В. Пизани, Х. Крае, Х. Педерсен, О. Хюфлер, А. Шерер¹ и др., где мы находим попытку по-новому осмыслить накопленный огромный фактический материал, особенно в связи с открытием, дешифровкой и толкованием многочисленных документов на «азиатических» индоевропейских языках (клавинский и иероглифический хеттский, палайский, лувийский и др.). В центре внимания упомянутых исследователей опять оказывается вопрос, далеко не решенный и в наши дни, вызывавший столь ожесточенные споры во времена Шлейхера и Шмидта, Фика и Шрадера,—

¹ V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Sofia, I—II, 1941—1945; V. Pizani, *La question de l'Indo-Hittite, et le concept de parenté linguistique*, «Archiv Orientalni», vol. XVII, para 2, 1949; е р о ж е, *Glottologia indoeuropea*, Torino, 1949; е р о ж е, *Introduzione alla linguistica indoeuropea*, Torino, 1948; П. Крае, *Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache*, Heidelberg 1954; е р о ж е, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Berlin, 1948 (испанский перевод этой книги вышел в 1953 г.); Н. Педерсен, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938; е р о ж е, *Lykisch und Hittitisch*, København, 1945; O. Höfler, *Stammbaumtheorie, Wellentheorie, Entfaltungstheorie*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 77, Heft I, Tübingen, 1955; A. Scherer, *Worauf beruht die Verschiedenheit der indogermanischen Sprachen?* «Indogerm. Forschungen», Bd. LXI, Heft 2—3, 1954.

вопрос о родстве индоевропейских языков. Наконец, в 1954 г. появилась большая монография В. Порцига¹, содержанием которой является как раз изучение родственных отношений индоевропейских языков в свете новых данных.

Не приходится говорить о том, с каким нетерпением ожидали советские языковеды выхода в свет книги А. В. Десницкой, где автор на основе марксистского диалектического метода пытается наметить решение вопроса об индоевропейской языковой общности. Ожидания читателей, однако, не оправдались. Всякий, кто берет в руки книгу, носящую название «Вопросы изучения родства индоевропейских языков», ожидает прежде всего увидеть постановку проблемы родственных отношений данного семейства языков вместе с историографией этого весьма важного для индоевропейского языковедения вопроса.

Автор уделяет данной проблеме в третьей главе особый раздел «Изучение вопроса об отношениях между отдельными группами индоевропейских языков» (стр. 233—286, а также стр. 15—16 и 148—170 книги), однако эти разделы выпадают из общей архитектуры книги, содержание которой вообще имеет мало общего с ее названием. Книга по сути дела посвящена разбору двух вопросов:

1. Разработка проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков в XIX и в первой половине XX в.

2. Общелингвистическая проблематика (являющаяся обычно содержанием университетских курсов «Общее языковедение» и «История языковедения»).

Книга А. В. Десницкой — хотел того ее автор или нет — выдержана в основном в том же плане, что и известная работа Дельбрюка², в которой проблематика общего языковедения и истории языковедения раскрывалась, на что уже приходилось указывать³ под углом зрения разработки вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. Нет сомнения в том, что данные вопросы представляют исключительную важность для языковедения, не приходится сомневаться также и в том, что многие компаративисты XIX и XX вв., наряду с частными вопросами, разрабатывали и общие проблемы языковедения; но есть ли необходимость в постановке и решении данных вопросов в книге, посвященной изучению родства индоевропейских языков? Мне представляется, что такой необходимости нет.

Действительно, ряд разделов книги оставляет впечатление скорее курса истории русского и зарубежного языковедения. Так, непонятно, какое отношение к теме данной книги имеют замечания на стр. 69 о А. В. Попове, анализ работ общетеоретического характера представителей казанской лингвистической школы (стр. 99—112), характеристика ранних работ акад. Фортунатова (стр. 112—119)⁴, изложение полемики по поводу звуковых законов (стр. 81—90), критика индивидуалистически-психологических основ младограмматиков (стр. 92—93), критический анализ общетеоретических установок представителей неолингвистической школы (стр. 264—270). Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, в какой мере можно согласиться с оценкой, данной А. В. Десницкой работам представителей различных лингвистических направлений, подчеркну еще раз, что эта проблематика, занимающая в рецензируемой книге (так же, как и в упомянутой работе Дельбрюка) значительное место, тесно переплетается с освещением истории разработки различных вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. Часть книги, посвященная данной проблематике, производит впечатление очень неполного и не систематически составленного извлечения из курса сравнительной грамматики индоевропейских языков; это своего рода миниатюрный Бехтель⁵, приспособленный к соответствующему университетскому курсу. Нужен ли подобный материал в книге, назначение которой — выявление родства индоевропейских языков? Не подлежит сомнению, что определение проблемы сравнительной фонетики индоевропейских языков имеют прямое отношение к теме родства индоевропейских языков. Так, без выяснения вопроса о трех (или двух) рядах заднеязычных в связи с многочисленными контроллерами по данному вопросу на протяжении XIX в. и в первой половине XX в. невозможно понять принципов деления индоевропейских языков на centum-языки и satem-языки. Но в данной книге нет никакой необхо-

¹ W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954.

² В. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, Leipzig, 1919.

³ См. мою заметку «Несколько замечаний о курсе „История языковедения“» (ВЯ, 1955, № 1).

⁴ Например, анализ высказывания Фортунатова: «Язык принадлежит не одному лицу, а обществу» (стр. 117)—и противопоставление этого положения Фортунатова утверждениям младограмматиков оправданы и являются уместными в курсе истории языковедения, но к теме данной книги никакого отношения не имеют.

⁵ См. F. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher, Göttingen, 1892.

димости в рассмотрении закона Грасмана (стр. 71—72) и закона Вернера¹ (стр. 72—73), даже с анализом поправок, внесенных в последний позднейшими языковедами (стр. 73, прим. 2)². Насколько случайно подобран материал сравнительной фонетики индоевропейских языков, можно усмотреть из того, что, например, упомянутые выше законы получили освещение в рецензируемой книге, а закон Фортунатова-Соссюра или закон Бартоломея нигде не упоминаются³.

Наконец, вопрос о родстве индоевропейских языков, которому надлежало занять весьма значительное место в книге, получил очень суженное и обедненное освещение. Остается совершенно непонятным, почему А. В. Десницкая считает необходимым подвергать критическому анализу концепцию Шлейхера о «двух периодах жизни языка», учение последнего о «природном организме» языка (стр. 47—50), в то время как гипотеза Шлейхера о ближайших родственных связях германских и славянских языков и аргументация в защиту этой точки зрения, представляющая интерес и в наше время (см., например, упомянутую выше книгу В. Порцига), даже не упоминаются в рецензируемой книге. Непонятно, почему после изложения «теории воли» И. Шмидта (стр. 155—162) автор пишет: «Теория Шмидта встретила критическое отношение со стороны представителей компаративистики. Основатель младограмматического направления А. Лескин подверг ее подробному рассмотрению в своей работе о славяно-литовском и германском склонении» (стр. 163) — и затем останавливается на аргументации Лескина, совершенно не упоминая анализа «теории воли» И. Шмидта в известной книге А. Фика⁴, где была сделана попытка заново пересмотреть и обосновать, с учетом замечаний И. Шмидта, гипотезу исконного единства северо-европейской группы индоевропейских языков⁵. Это тем более важно, что в настоящее время опять предпринимается попытка (см. упомянутые работы В. Порцига и Х. Крае) пересмотра в свете новых данных (особенно топонимики) гипотезы о северо-европейской группе индоевропейских языков⁶.

В разных местах А. В. Десницкая говорит об индоевропейских заднеязычных и о *centum-* и *satem-* языках (стр. 73—75, 150, 223—235), однако принципы классификации индоевропейских языков на эти группы нигде не рассматриваются; не поднимается также вопрос о возможности не географического, а хронологического первоначального распределения данной изоглоссы⁷.

Таким образом, подводя итоги, мы не можем не прийти к выводу о том, что центральный вопрос книги А. В. Десницкой — изучение проблемы родства индоевропейских языков — был по сути дела подменен отрывками курса «Общее языкознание» и «История языкознания», с одной стороны, и отрывками курса «Сравнительная грамматика индоевропейских языков», собственно историческими справками по данному курсу, — с другой стороны. Во всяком случае название книги совсем не соответствует ее тематике и содержанию.

Но дело, конечно, не только в том, что название книги имеет мало общего с ее действительным содержанием. Основной недостаток книги заключается в оценке, даваемой А. В. Десницкой, трудов языковедов XIX и начала XX в., и особенно в оценке

¹ Непонятно, почему А. В. Десницкая на 72 стр. говорит: «...открытие т а к и а з в ы в а е м о г о (разрядка моя.— Э. М.) закона Вернера».

² Точности ради следовало бы указать на то, что новая формулировка закона Вернера восходит к Ф. де Соссюру (см. его «Курс общей лингвистики», перевод с французского, М., 1933, стр. 138), хотя в примечании упомянут лишь А. Мейе, и что в эту новую формулировку весьма существенные поправки внес В. А. Богородичкий (см. его книгу «Введение в изучение современных романских и германских языков», М., 1953, стр. 157).

³ Лишь на стр. 78 глухо сказано: «Очень большое влияние на развертывание сравнительно-акцентологических изысканий оказали основополагающие труды Ф. Ф. Фортунатова по вопросам ударения в балтийских и славянских языках, начавшие появляться с 1880 г.». Ср. также замечание на стр. 116: «Ему (Фортунатову.— Э. М.) удалось определить два древних индоевропейских типа ударения слогов с долгими гласными, дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями на сорный (агутированная и циркумфлектированная) интонация, по терминологии Фортунатова „длительная“ и „прерывистая“ долгота».

⁴ A. F i c k, Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, Göttingen, 1873.

⁵ А. В. Десницкая упоминает на 153 стр. книгу А. Фика лишь в связи с теорией «родословного древа».

⁶ См. Е. Георгиев, Балтославяно-германское языковое родство [«Известия на семинара по славянска филология», кн. VIII и IX (1941—1943)], София, 1948.

⁷ См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, перевод с франц., М.—Л., 1938, стр. 118. По замечаниям А. В. Десницкой на стр. 234 нельзя себе составить об этом никакого ясного представления.

(правильнее было бы сказать — в недооценке) трудов представителей современного зарубежного сравнительно-исторического языкознания.

Остановимся прежде всего на характеристике, данной А. В. Десницкой, некоторых теорий и трудов представителей языкознания XIX и начала XX в. Вряд ли можно согласиться с критикой «теории воли» И. Шмидта, даваемой на стр. 154—164, особенно когда мы читаем: «Между тем, шмидтовская „теория воли“ с самого начала привнесла исторически несостоятельное представление о распространении единого общиндоевропейского языка на обширной территории, предпологая, следовательно, уже для глубокой древности существование некоего сложившегося „народа“, что для эпохи первобытно-общинного строя, к которой восходит происхождение родства индоевропейских языков, является совершенно немалым постулатом» (стр. 162). Это положение А. В. Десницкой мне представляется ошибочным и несправедливым по отношению к «теории воли» И. Шмидта. Хорошо известно, что в немецкой лингвистической литературе XIX в., а нередко и в первой половине XX в. термины «Stamm», «Volk», «Nation» недостаточно, а то и вовсе не разграничивались. Следовательно, И. Шмидт здесь неповинен. Предположение о расселении индоевропейского этноса на обширной территории, вообще говоря, не вызывает никаких возражений, что можно видеть из последних публикаций по данному вопросу. То, что мы можем говорить о сложившемся этническом образовании глубокой древности, когда речь идет о носителях индоевропейской речи, вряд ли будет оспаривать и сама А. В. Десницкая. Во всяком случае то, что автору рецензируемой книги представляется «совершенно немалым постулатом», мне представляется не вызывающим возражений. Неверно и положение на стр. 157: «Однако и „волновая теория“ не внесла чего-либо существенного в решение вопроса о процессах образования родства индоевропейских языков. Она даже не могла играть роли рабочей гипотезы».

Разве не известно, что именно «теория воли» И. Шмидта легла как рабочая гипотеза в основание книги А. Мейе об индоевропейских диалектах?¹ Не противоречит ли автор сам себе, когда он пишет: «Однако, несмотря на присущие ей недостатки, шмидтовская „теория воли“ несомненно содействовала дальнейшей разработке теоретических основ сравнительного языкознания, заострив внимание на необходимости более углубленной трактовки вопросов индоевропейского языкового родства... Вопрос о диалектах, на которые уже в древности разделялась индоевропейская языковая общность, занял со времени появления работы Шмидта видное место в сравнительно-исторических исследованиях фактов языкового родства» (стр. 162—163). Создается впечатление, что эти два положения о «теории воли» И. Шмидта были продуманы и записаны А. В. Десницкой в разное время, ибо одно положение снимает другое. Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что ставшее ныне общепризнанным положение о диалектных особенностях индоевропейского языка-основы своим прямым источником имеет «теорию воли» И. Шмидта. Вряд ли приходится согласиться с А. В. Десницкой также и том, что «теория воли» приводит в результате к теории лингвистической непрерывности, разделившейся и разделяемой некоторыми языковедами. «Теория воли» может привести к ней в зависимости от того, как ею пользоваться, и к теоретическим построениям Шухарда, и к разделениям в области индоевропейских диалектов А. Мейе. Во всяком случае в настоящее время в советском языкознании уже назрел вопрос о пересмотре «теории воли» и ее частичном использовании в работах по сравнительной грамматике.

На стр. 174 автор указывает на то, что «для представителей предшествующего периода в истории сравнительного языкознания была характерна лишняя вера в возможность восстановления общиндоевропейского языка во всех элементах его структуры, ярче всего воплотившийся в слишком примитивных и упрощенных реконструкциях Шлейхера...» Следует заметить, что Шлейхер не совсем разделял эту «наивную веру». В мало известном, к сожалению, примечании своей «Индогерманской хрестоматии» Шлейхер писал: «То, что эти преформы некогда действительно существовали, не вытекает из их реконструкций»².

На стр. 174—179 А. В. Десницкая говорит о том же и в отношении восстановления индоевропейского языка-основы, который она так характерно для языковедов конца XIX и начала XX в. и который с предельной четкостью выдвинул сформулировал А. Мейе в знаменитом положении: «Индоевропейский язык во восстановив цельно»³. А. В. Десницкая приводит также высказывание И. Шмидта: «Правильно, если мы рассматриваем его как нечто цельное, будет пока оставаться научной фикцией. Исследование, правда, значительно облегчается такой фикцией, однако то, что мы на сегодняшний день называем правилом, не является исторической единицей» (стр. 174). Было бы полезно сопо-

¹ A. Meillet, Les dialectes indoeuropéens, Paris, 1908.

² «Daß diese grundformen wirklich einmal vorhanden gewesen sind, wird durch die aufstellung der selben nicht behauptet» (Indogerm. Chrestomathie, bearb. von H. Ebel, H. Leskien, J. Schmidt und A. Schleicher, Weimar, 1869, стр. 342).

³ A. Meillet, Введение..., стр. 74.

ставить подобные положения с высказываниями по тому же вопросу русских языковедов, которых автор указанной книги в данном разделе, к сожалению, совсем не привлекает. Любопытно, что В. Поржезиский писал по этому вопросу следующее: «Индоевропейский праязык не есть фикция, не есть, с другой стороны, только рабочая гипотеза, он — реальная величина, но величина, не уложенная еще вполне в надлежащие хронологические и диалектические рамки»¹. В этой связи считаю уместным указать на то, что в серии сравнительных грамматик индоевропейских языков Боппа, Шлейхера, Бругмана-Дельбрюка, Мейе и Хирта, анализируемых в данной книге, не представлен замечательный «Очерк Богородицкого»², который цитируется автором в другой связи на 105—106 стр. (где дается схема относительной хронологии звуковых изменений).

В связи с проблемами реконструкции укажу на то, что А. В. Десницкая ничего не говорит в своей книге о новейших работах в области реконструкции, о разработке принципов внутренней реконструкции и т. п. Я имею в виду работы Бергстрема и других исследователей³.

На стр. 182 А. В. Десницкая пишет: «Недостатки старого сравнительного языкознания, связанные с узким эмпиризмом в трактовке языковых явлений, особенно яркое воплощение получили в многотомной и „Краткой“ сравнительных грамматиках индоевропейских языков Бругмана. Эти труды скорее всего напоминают бесконечные инвентарные списки, в которых реальные очертания древней индоевропейской лингвистической структуры и закономерности исторического соотношения и развития отдельных языковых групп теряются в почти механическом перечне звуковых и морфологических соответствий, возведенных к индоевропейским праформам, которые в своей совокупности не дают почти никакого представления о том, какой в действительности могла быть система общиндоевропейского языка». Не говоря уже о том, что данная характеристика по сути дела снимает то, что сказано о Бругмане на 132 стр., и хочу со всей решительностью подчеркнуть, что она не имеет ничего общего с действительным содержанием трудов Бругмана. В рецензии нет места для детального анализа труда, в котором подведены итоги многочисленным работам не одного поколения языковедов и который в наши дни является в полном смысле энциклопедией сравнительной грамматики индоевропейских языков со множеством замечательно верных фактов и глубоким анализом механизма фонетических и грамматических процессов. Не приходится отрицать того, что в «Сравнительной грамматике» Бругмана мы не находим системного анализа языковых явлений в современном понимании, не подлежит сомнению и то, что некоторые положения труда Бругмана устарели в настоящее время, но это вовсе не означает, что труды Бругмана — «бесконечные инвентарные списки». Непонятно только, как в книге, реферирующей различные труды по сравнительной грамматике индоевропейских языков, могла появиться подобная характеристика, столь далекая от подлинно научной объективной оценки этого классического труда (без которого было бы, между прочим, немислывым и создание книги А. В. Десницкой).

Остановимся теперь на характеристике, даваемой А. В. Десницкой современному зарубежному сравнительно-историческому языкознанию. На 185 стр. автор пишет: «Одной из характерных тенденций, наблюдающихся в современном западноевропейском и американском языкознании, является стремление уйти от разработки проблем исторического характера. С этим связано и падение интереса к вопросам языкового родства, в том числе к вопросам сравнительной грамматики индоевропейских языков». Совершенно нельзя согласиться с подобной характеристикой А. В. Десницкой. В начале рецензии уже было указано на то, что как раз в настоящее время наблюдается обострение интереса к вопросам сравнительной грамматики индоевропейских языков. Если возникает необходимость в переводе книги А. В. Десницкой, данное положение следует зачеркнуть.

На стр. 187 А. В. Десницкая полемизирует с новым Штейнман фон Придвальдом. Стоит ли вообще задерживать внимание на столь недостойных отношениях, не имеющих никакого отношения к науке?

На стр. 189—193 А. В. Десницкая дает характеристику нелингвистического направления в языкознании. Особенно примечательно следующее положение: «В этой декларации под покровом научных фраз ясно выступает псевдонаучная позиция современного идеалиста, которому дела не до изучения конкретных фактов, до познания,

¹ В. Поржезиский, Сравнительная грамматика славянских языков вып. 1, М., 1914, стр. 5.

² В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики ариевропейских языков, Казань, 1917.

³ С. Н. В о r g s t r ö m, Thoughts about Indo-European Vowel-Gradation («Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. XV, 1949). См. также статью того же автора о внутренней реконструкции (С. Н. В о r g s t r ö m, Internal reconstruction of pre-Indo-European word-forms, «Words», vol. 10, № 2—3, 1954). См. также Е. В e n v e n i s t e, Problèmes sémantiques de la reconstruction (там же).

подлинной сущности и исторических закономерностей развития явлений и который заведомо отвергается и испытанных в науке методов анализа материала.

Нигилистическое отношение неологистов к результатам научного исследования, неверие в объективность научного познания явлений ярко характеризует следующее замечание Бонфанте: «Что касается слова „достоверно“ (certain), то неологисты никогда не употребляют его, хорошо зная, что ничто не бывает достоверным» (стр. 190).

В рамках рецензии нет возможности подробно останавливаться на характеристике работ неологистов, однако следует подчеркнуть, что вряд ли приходится согласиться с безоговорочной оценкой А. В. Десницкой. Непонятно, почему весь огонь своей критики А. В. Десницкая направляет на Бонфанте, который не является ни главой неологистического направления, ни его типичным представителем. Вместо строго объективного анализа работ различных представителей этого направления (автор рецензируемой книги делает исключение лишь для В. Пизани, труды которого, как признает А. В. Десницкая на стр. 271, содержат много ценного и несомненно правильного), А. В. Десницкая ограничивается в основном критическими замечаниями по поводу статьи Бонфанте, написанной с характерным для этого представителя неологистического направления полемическим задором; в этой статье положения, действительно отражающие теорию и практику неологистов, перемежаются с утверждениями, принадлежащими лично Бонфанте, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нельзя согласиться и с тем разделом книги, где речь идет о различных зонах или ареалах с точки зрения неологистов (стр. 264 и сл.). При всех крайностях и при всей односторонности неологистики следует все же подчеркнуть, что сравнительная грамматика индоевропейских языков не может пройти мимо этого учения, которое, при правильном применении его положений и в сочетании с другими приемами исследования, может дать (а частично это заметно уже и сейчас) определенные положительные результаты.

Гипертрофированная критика неологистического направления особенно четко дает о себе знать в следующем замечании А. В. Десницкой: «Антинародная позиция неологистов находит себе выражение в отрицании понятия языкового единства» (стр. 191). Известно, что подобное утверждение было пушено в научный оборот не неологистами, а младограмматиками. Почему тогда не говорить об антинародной позиции младограмматиков?

На стр. 232 автор пишет: «Примитивный» индоевропейский язык характеризовался, по мнению Ельмслева, фонетической системой, состоявшей всего лишь из одного гласного, с которым могла сочетаться синкретическая „кенама“.

Исно, что подобного рода умозрительные построения, выхолащивающие всякое реальное содержание на реконструированной некогда Соссюром схемы индоевропейского вокализма, не могут иметь положительного значения для изучения истории индоевропейских языков.

Остается совершенно неясным, что в данном случае имеет в виду А. В. Десницкая. Автор прав, если он имеет в виду синхронические построения Ельмслева и понимание последних фонетической системы лишь как соотношения элементов языковой структуры. Очевидно, именно это имеет в виду А. В. Десницкая, если вышеприведенное положение на 232 стр. сопоставить с примечанием на стр. 123. Но если речь идет о постулате Ельмслева о протоиндоевропейской системе гласных фонем, в которой была представлена лишь одна фонема *a* (ее томбр весьма условно), то это положение, оставаясь дискуссионным, вообще говоря, согласуется с постулатами ларингальной теории, многие представители которой для протоиндоевропейского принимают лишь одну гласную фонему *e*. В то же время о ларингальной теории А. В. Десницкая отказывается как о «весьма плодотворной» (стр. 200—201). Во всяком случае, критиковать Ельмслева за принятие одной фонемы в протоиндоевропейской фонетической системе не приходится.

По поводу самой ларингальной теории замечу, что А. В. Десницкая, дважды огоривая ее значение для сравнительной грамматики (стр. 194—195, 201—202), находит возможным дать ее изложение при реферировании книги Куряловича, причем, очевидно, по недосмотру, дважды указывается (на стр. 195, прим. 3 и на стр. 202, прим. 2) одна и та же литература вопроса¹.

В заключение следует подчеркнуть, что книга А. В. Десницкой является не исследованием, а реферативно-хрестоматийным пособием, некоторого рода введением в сравнительное изучение индоевропейских языков (ср. замечание автора на 5 стр.: «Данная работа представляет собой введение в изучение вопросов родства индоевропейских языков»). Нет сомнения в том, что подобные пособия нужны и могут принести извест-

¹ Неточностей, небрежностей и опусок в рецензируемой книге мало, но все же укажу на следующие: стр. 74 — не проставлены акцентные ударения в санскритских примерах; стр. 221 — указано (прим. 4) H. H i r t, Indogermanische Grammatik... 1927—1937. Следует: 1921—1937.

ную пользу, особенно студентам и аспирантам, и в этом смысле полезна и данная книга А. В. Десницкой. Книга станет еще полезнее тогда, когда автор устранил те недостатки, о которых речь была выше; из них самым существенным недостатком является искривленная и во многом несправедливая характеристика современного зарубежного сравнительно-исторического языкознания.

Э. А. Макаев

W. Kuraszkievicz. Zarzys dialektologii wschodnio-slowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. — Warszawa, Państwowe wyd-wo naukowe, 1954. 146 стр., 4 карты.

Рецензируемая работа представляет собой учебное пособие по диалектологии восточнославянских языков, предназначенное для студентов-славистов. По мысли автора, его книга должна быть доступна по изложению не только студентам, научно изучающим тот или иной славянский язык, но и неспециалистам, так или иначе заинтересованным вопросами диалектологии. Тем не менее задачей автора было не простое перечисление своеобразий восточнославянских языков, но и сопоставление этих языков, а также показ их развития «во времени и пространстве» (стр. 7). Поэтому автор стремился так отобрать и интерпретировать материал, чтобы читатель получил минимум знаний, необходимых для изучения исторической грамматики любого из восточнославянских языков. Рецензируемое пособие должно представлять собой, по замыслу автора, как бы введение в историческую грамматику каждого из восточнославянских языков и тем самым сообщать необходимые сведения для начального знакомства со сравнительной грамматикой и диалектологией славянских языков вообще.

Книга В. Курашкевича состоит из двух частей. В первой части дается характеристика восточнославянских языков и их диалектов, во второй части приводятся диалектные тексты. Первая часть состоит из четырех разделов. В первом разделе автор говорит о древнейших языковых чертах, свойственных всем восточнославянским языкам. Во втором разделе дается более или менее подробная характеристика литературных восточнославянских языков. В третьем, наиболее обширном разделе дается характеристика диалектов восточнославянских языков, а в четвертом — общий очерк развития восточнославянских языков в их диалектах.

Во второй части книги приводятся диалектные тексты, частью перепечатанные из других пособий, частью представляющие собой собственные записи автора. В конце помещен небольшой словарь слов, встречающихся в текстах, и четыре диалектологические карты, воспроизводящие карты, опубликованные в 1927 г. Н. Н. Дурново¹; автор лишь дополнил их некоторыми более новыми сведениями.

Рецензируемая работа — учебное пособие, поэтому она должна быть оценена с двух точек зрения. Во-первых, материал книги должен быть верным и точным, а его интерпретация должна строго соответствовать современному уровню науки о русском, украинском и белорусском языках и об их диалектах. Во-вторых, изложение книги должно быть четким, стройным и последовательным, оно должно максимально облегчать усвоение изложенных в ней сведений.

В первой части книги больше всего места уделено русскому литературному языку и русским говорам, материал остальных восточнославянских языков привлечен в меньшем объеме. Во второй части соотношение материала иное: автор отдал предпочтение украинским текстам, которые он записывал лично. Благодаря этому соотношение материала по восточнославянским языкам в двух основных частях книги разное.

План изложения материала в книге, о котором говорилось выше, выдерживается не вполне последовательно. Своё изложение автор начинает с описания русского литературного языка, но все время перебывает его сравнением с украинским и белорусским литературными языками, а такие различия эскизно в области русской, украинской и белорусской диалектологии. Стройность изложения и единство принципа подачи материала при этом нарушаются. Например, на стр. 21—22 (в разделе о литературном русском языке) говорится об аканье, но тут же автор говорит и об аканье в белорусском языке, а также об отсутствии аканья в украинском языке; все эти рассуждения сопровождаются также ссылками на последующие страницы, посвященные белорусскому и украинскому языкам. Получается так, что об одном и том же явлении один раз говорится предварительно, а потом окончательно. Последовательность изложения от этого про-

¹ Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I — Источники, Врно, 1927.

игрывает. Выразительным примером «недифференцированной» подачи материала может служить изложение сведений о личных местоимениях в русском литературном языке (стр. 27). В одном абзаце приводится материал по всем восточнославянским языкам и по их говорам.

Такая подача материала не дает возможности отчетливо противопоставить друг другу характерные черты русского, украинского и белорусского языков. Восточнославянские языки, и без того очень близкие друг другу, в рецензируемой книге теряют четкость своих контуров, сливаются в процессе изложения друг с другом по ряду черт. В учебном пособии, каким является данная книга, это нежелательно. Впрочем такое изложение отчасти объясняется характером работы, которая, как уже говорилось выше, по мысли автора, должна подводить учащихся к освоению сравнительной грамматики восточнославянских языков и их диалектов.

В рецензируемой книге сжато изложены фактические сведения о восточнославянских литературных языках и о важнейших диалектах этих языков. Обобщая материал, автор делает вывод, что в каждом из восточнославянских языков имеется два основных диалекта — северный и южный, между которыми (в каждом восточнославянском языке) тянется полоса переходных говоров, образовавшихся в результате взаимодействия основных диалектов (стр. 77). В данном вопросе В. Курашкевич повторяет точку зрения Н. Н. Дурново, изложенную последним в книге «Введение в историю русского языка»¹. Вопрос о количестве основных диалектов в каждом из восточнославянских языков тесно связан с проблемой переходных говоров в каждом из них. Эту проблему автор решает несколько упрощенно и в традиционном плане, без учета новейшей литературы по данному вопросу, что можно проиллюстрировать на примере интерпретации автором соответствующего материала по русскому языку.

Средневеликорусские говоры В. Курашкевич рассматривает как такие, которые имеют северовеликорусскую основу и южновеликорусское (или белорусское) наследие (стр. 46 и 64—65), повторяя определение этих говоров, данное авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»².

Такое определение средневеликорусских говоров с точки зрения их генезиса хотя и соответствует действительной структуре большинства этих говоров, что подтверждается и новейшими исследованиями³, однако является неполным и не охватывает всего их современного многообразия.

Авторы «Опыта» квалифицируют говор как средневеликорусский, если в нем совмещаются такие черты, как *z* взрывное и *аканье*⁴. Распространение этих двух черт определяет собой северную и южную границы территории средневеликорусских говоров. То же определение территории распространения средневеликорусских говоров находим и в рецензируемой книге (стр. 64). Однако уже в «Опыте» было указано, что существуют средневеликорусские говоры с *γ* фрикативным⁵. Н. Н. Дурново во «Введении в историю русского языка» отмечает, что некоторые средневеликорусские говоры, так называемые «мешерские», имеют такие черты, как *m'* в 3-м лице глаголов и *γ* фрикативное, т. е. черты, характерные для южновеликорусских говоров (стр. 141). Детальное изучение некоторых мешерских говоров позволило определить их как южновеликорусские по основе и севернорусские по наследию (в противоположность тому, что указано в «Опыте»)⁶.

В последнее время некоторые исследователи квалифицируют говор как средневеликорусский не только в том случае, если в нем совмещаются *аканье* и *z* взрывное, но и при любой комбинации в нем северновеликорусских и южновеликорусских черт⁷. Подобное понимание средневеликорусских говоров значительно расширяет их состав и позволяет отнести к их числу такую значительную группу говоров, как тульская, которая, как это уже отмечалось исследователями, вообще выделяется целым рядом черт из состава южновеликорусского наречия⁸.

¹ См. Н. Н. Дурново, указ. соч., стр. 99.

² См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915, стр. 32.

³ См., например, В. Н. Сидоров, О происхождении умеренного *аканья* в среднерусских говорах, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2; его же, Об одной разновидности умеренного *аканья* в среднерусских говорах, Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР], II, М., 1952.

⁴ См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, указ. соч., стр. 33.

⁵ Там же, стр. 33—34.

⁶ См.: Р. И. Аванесов, Очерки диалектологии рязанской мешеры. I — Описание одного говора по течению р. Пры, в кн. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.—Л., 1949.

⁷ См. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр. 117.

⁸ См.: Н. Дурново, указ. соч., стр. 137; Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 148—149.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что понимание процесса образования средневеликорусских говоров не может считаться определенным во всех деталях, однако несомненно, что формула «северновеликорусская основа и южновеликорусское наслоение» не охватывает всего многообразия существующих средневеликорусских говоров и не разъясняет всей сложности исторических путей их формирования.

В настоящее время все настойчивее подчеркивается мысль о том, что при изучении средневеликорусских говоров внимание исследователя должно концентрироваться не на выяснении несколько абстрактной проблемы об их основе и наслоении, а на анализе конкретно-исторических условий образования этих говоров¹.

Конечно, в рецензируемой книге нельзя, да и не нужно входить во все детали данного вопроса, однако работы советских диалектологов должны были бы заставить автора менее категорично пользоваться формулами и определениями авторов «Опыта», написанного сорок лет тому назад.

В украинском и белорусском языках В. Курашкевич тоже различает по два наречия с переходными говорами между ними. Вопрос о количестве диалектов в каждом из этих языков не является еще окончательно решенным. Тем не менее имеющиеся материалы, особенно собранные в процессе подготовки диалектологических атласов этих языков, позволяют выделить основные диалекты хотя бы в предварительном порядке. Так, например, в украинском языке намечаются три основные группы диалектов: северная, юго-западная и юго-восточная².

Нет единого мнения и в вопросе деления белорусских говоров. Е. Ф. Карский делит их, в зависимости от характера произношения звука *p*, на твердоорые и мягкоорые. Авторы «Опыта» делят белорусские говоры тоже на две группы, но уже в зависимости от типа яканья, диссимлятивного или недиссимлятивного, в связи с чем группы говоров, намечаемые Е. Ф. Карским, не совпадают территориально с группами говоров, предложенными авторами «Опыта». Как показывают работы, опубликованные в последнее время, накопленные для диалектологического атласа материалы позволяют говорить о трех группах белорусских говоров: северо-восточной, центральной и южной³.

На территории распространения белорусского языка автор выделяет полосу переходных говоров (Минск—Могилев — Гомель — Новозыбков — Чернигов), принимая во внимание лишь одну языковую черту: наличие или отсутствие окончания *-ч'* в 3-м лице глаголов в зависимости от наличия или отсутствия ударения на окончании и независимо от типа спряжения (например: *n'as'éc'*, *b'aréc'*, но *m'éla*, *búdz'e*, *nós'e*, стр. 74).

Говоры, имеющие данную черту, действительно отмечены, например, в Минской и Могилевской областях, однако в пределах тех же областей отмечены и говоры, в которых употребляются формы 3-го лица единственного числа, имеющие окончание *-ч'*, хотя передо и наряду с формами без окончания от одних и тех же глаголов⁴. Поэтому наличие тех или иных форм 3-го лица единственного числа глаголов еще не может служить основанием для классификации говоров как переходных. Вообще же вопрос о переходных говорах белорусского языка не только не решен, но еще и не поставлен, так как материала для этого недостаточно, что и следовало указать. Рассуждения автора рецензируемой книги на эту тему кажутся несостоятельными.

Итак, мы видим, что при рассмотрении вопроса о классификации диалектов восточнославянских языков, а также и других вопросов, тесно связанных с предыдущим (например, о переходных говорах русского и белорусского языков), автор не учел в должной мере появившиеся в последние годы работы советских диалектологов. Основной труд, на который опирается, — это «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Этот труд составил в свое время эпоху в восточнославянской диалектологии,

¹ См. Р. И. Алансоев, Вопросы образования русского языка., главы IX—XII.

² Ф. Т. Жилко, Украинская диалектология, Киев—Львов, 1951, стр. 21—22 [на укр. яз.]; «Курс современного украинского литературного языка», под ред. Л. А. Булаховского, т. 1, Киев, 1951, стр. 8—11 [на укр. яз.].

³ См. Ю. Ф. Мацкевич, Важнейшие вопросы белорусской диалектологии, «Труды Ин-та языковедения АН БССР», вып. II, Минск, 1954; Н. Т. Войтович, О диалектной основе современного белорусского литературного языка, ВЯ, 1954, № 4. См. также П. Н. Галанович, К вопросу о народно-диалектной основе современного белорусского национально-литературного языка (Говоры Минского района Минской области). Автореф. канд. дисс., Минск, 1954.

⁴ Ю. Ф. Мацкевич, Некоторые формы глагола по материалам диалектологического атласа белорусского языка, «Труды Ин-та языковедения АН БССР», вып. I, Минск, 1954, стр. 60—64.

но он в значительной мере дополнен и исправлен последующими довольно многочисленными работами.

Среди ученых-русистов нет до настоящего времени единой точки зрения и относительно древнейшей группировки восточнославянских диалектов. Как известно, наиболее развернутое рассмотрение этого вопроса паходим у А. А. Шахматова, который предполагал для эпохи, предшествовавшей историческому периоду, наличие трех племенных и соответственно трех диалектных групп. Эта точка зрения подверглась в свое время обстоятельной критике со стороны Т. Лер-Силавинского, который указывал, что в исследуемый период было не три, а две диалектные группы — северная и южная¹. Этой же проблеме посвящена большая статья Н. Трубецкого, который, принимая основное положение Т. Лер-Силавинского (две диалектные группы в дописьменный период), не соглашался с ним лишь по отдельным частным вопросам².

Как и Т. Лер-Силавинский, Н. Трубецкой тоже отрицательно отнесся к концепции А. А. Шахматова, считая, что она не опирается ни на исторические факты, ни на языковой материал. Статья Н. Трубецкого вызвала, в свою очередь, ряд возражений со стороны А. М. Селищева³, который отводил некоторые аргументы автора статьи, направленные против концепции А. А. Шахматова.

В своей большой упоминавшейся выше статье Р. И. Аванесов⁴, подвергнув критическому анализу концепцию А. А. Шахматова, подобно Т. Лер-Силавинскому и Н. Трубецкому, не соглашается с этой концепцией и выдвигает свою точку зрения. Он считает, что предисторическая эпоха характеризовалась не наличием трех или двух больших и цельных в территориальном отношении компактных групп, а сосуществованием многочисленных и близких друг другу племенных диалектов. В своей последней статье на ту же тему Р. И. Аванесов пишет, что предложенная им концепция языкового состояния предисторической эпохи нуждается в коррективах⁵.

Таким образом, проблема древнейшего диалектного членения восточнославянских языков и формирования отдельных восточнославянских языков ни в какой степени не может считаться окончательно разрешенной. Поэтому при изложении соответствующих разделов книги автору следовало бы учесть современное состояние данной проблемы. Конечно, в учебном пособии не нужно излагать проблему во всей ее сложности, приводя спорные и противоречащие друг другу точки зрения, но нерешенность основных вопросов проблемы обязывала к значительно большей осторожности изложения.

Развитие восточнославянских языков представляется автору как замкнутый в себе, имманентно развивающийся процесс, который излагается им вне связи с конкретной историей носителей данных языков. Характерно в этом отношении такое общее высказывание В. Курашкевича: «Вообще можно сказать, что восточнославянские говоры от Карпат до Белого моря и Урала развивались естественным образом — волнообразно» (стр. 78). Продолжая этот «естественный» ход развития восточнославянских языков и их говоров на указанной территории, автор совершенно отрывается от конкретно-исторической почвы, забывая, что подобное волнообразное развитие немислимо предположить для подавляющего большинства диалектных черт, потому что эти черты развились еще до того времени, когда один из восточнославянских языков распространился «до Белого моря и до Урала».

Кроме того, признание волнообразного развития, например, русского языка и его диалектов требует одновременного признания того, что на всей современной территории распространения русского языка и его диалектов уже в эпоху формирования этого языка было население, говорившее на данном языке, потому что представить себе волнообразное распространение тех или иных языковых черт вне среды носителей языка невозможно. Процессы формирования данного языка и его территориального распространения тесно связаны с различными фактами перемещения носителей этого языка, имевшими место в их истории, поэтому всю проблему в целом можно изучать только конкретно-исторически. Само собой разумеется, что характер рецензируемой книги не позволяет давать развернутые исторические справки, однако те конечные сведения, которые приводит автор, должны быть сформулированы с учетом истории того народа, о языке которого идет в данном случае речь.

¹ См. T. L e h r-S i l a w i ń s k i, Stosunki pokrewieństwa języków ruskich, «Rocznik slawistyczny», t. IX, część 1, Kraków, 1921.

² N. T r u b e t z k o y, Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Sprachereinheit, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. I, Heft 3—4, 1925.

³ А. С е л и щ е в, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», год. VII, сеš. 1, 1928.

⁴ Р. И. А в а н е с о в, Вопросы образования русского языка в его говорах.

⁵ См. Р. И. А в а н е с о в, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, ВЯ, 1955, № 5, стр. 20—21.

Намечая широкую картину территориального распространения восточнославянских языков, автор указывает в дальнейшем, что один из этих языков граничит с неславянскими языками: «На севере и востоке Европы, а также в Сибири живут довольно многочисленные группы неславянских народностей (угро-финская, урало-алтайская, тюрко-татарская, монгольская), языки которых смешиваются главным образом с севернорусскими говорами, обогащая лексику этих говоров и вводя в их грамматическую систему новые явления, но свойственные славянским языкам» (стр. 9).

В приведенном небольшом высказывании В. Курашкевича содержится несколько весьма ответственных утверждений, каждое из которых требует специальных замечаний. Отметим прежде всего, что при взаимоотношении русского языка с другими языками фактически происходит не смешение языков, а переход носителей этих языков к русской речи. Фонетические явления, возникающие при этом переходе к русскому языку, имеют весьма узкое распространение (ср., например, так называемое «сладкоязычие» в некоторых сибирских говорах) и, кроме того, являются весьма неустойчивыми и легко поддающимися нивелировке, что было отмечено еще А. М. Селищевым¹.

Что касается грамматических особенностей русского языка, возникающих под влиянием иноязычного субстрата, то автор не указывает ни одной такой конкретной черты. В качестве же черт, относительно которых он считает возможным сказать, что они возникли в результате иноязычного влияния, автор указывает такие обороты, как у него было *узезано*, он *пришедши*, *надо вода носить* (стр. 54—55). Подобные утверждения не имеют никакой доказательной силы, так как специальные исследования, обосновывающие их, отсутствуют.

Повидимому, характером рецензируемой книги объясняется некоторая категоричность изложения, при которой ряд положений подается как прочно вошедший в науку результат исследования; другие взгляды на тот же вопрос во внимание не принимаются. Примеры подобного изложения приводились выше, укажем еще некоторые. В числе характерных черт северновеликорусского наречия автор называет и наличие постпозитивного члена, аналогичного члену в болгарском языке (стр. 54). Эту черту автор даже называет одной из важнейших особенностей северновеликорусских говоров. Он указывает также, что, по мнению некоторых ученых, наличие в этих говорах члена представляет собой след воздействия финского субстрата.

Не говоря уже о неправомерности аналогии с болгарским языком, где действительно представлена система употребления определенного члена, можно указать, что грамматическая квалификация постпозитивной местоименной частицы как члена вообще подвергается сомнению. Работы последнего времени с достаточной убедительностью показывают, что постпозитивная местоименная частица *то* (и ее варианты) является по говорам именно частицей и ничего общего не имеет с грамматической категорией члена².

Неточно утверждение автора и о том, что сохранение звонкости согласных на конце слова и перед глухими свойственно только украинскому языку, за исключением некоторых его говоров. Заметим, что и сам автор указывает на наличие данного явления в некоторых белорусских говорах. Неоглушение звонких согласных известно, однако, и в русских говорах, правда, немногочисленных. Такие говоры в свое время были отмечены Н. Виноградовым в б. Костромской губ.³ В процессе собирания материалов для диалектологических атласов сохранение звонкости согласных в указанных положениях было обнаружено в некоторых муромских говорах⁴. Известны также говоры и в других местах, например в Поволжье.

В итоге можно сказать, что утверждение автора о распространении данного явления только в украинском языке справедливо лишь в отношении литературных восточнославянских языков. В отношении же указанных языков как совокуности говоров это утверждение является неточным.

¹ А. С е л и щ е в, Русский язык у инородцев Поволжья, «Slavia», гошн. IV, сеš. 4, 1925.

² См., например, В. И. К о д у х о в, К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке, «Ученые записки [Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», т. 92, Кафедра русского языка, 1954. Подробно рассмотрев этот вопрос на большом материале, почерпнутом из литературного языка, диалектов, а также из памятников письменности, автор приходит к выводу, что «постпозитивного члена в смысле артикля западноевропейских языков и члена болгарского или греческого языков в русском языке не было и нет» (стр. 150). См. также литературу вопроса, приведенную в этой работе.

³ Н. В и н о г р а д о в, О народном говоре Шунгивской волости Костромского уезда, ч. I — Фонетика, сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 8, СПб., 1904.

⁴ В. И. Т а г у н о в а, О сохранении звонких согласных на конце слова и перед глухими в муромских говорах, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», IV, М., 1953.

Не соответствует действительности утверждение автора, что в рязанско-тамбовских говорах господствует сильное яканье (стр. 58). Эта точка зрения основана на соответствующих высказываниях авторов «Опыта» о том, что для восточной (или рязанской) группы южновеликорусских говоров (В. Курашкевич называет их рязанско-тамбовскими) характерен именно данный тип яканья¹. Это утверждение авторов «Опыта» было основано на трудах Е. Ф. Будде, которые в советской диалектологии были подвергнуты суровой и справедливой критике². Основой для этой критики послужили диалектологические материалы, собранные во время обследований последних лет, главным образом в связи с работой над диалектологическими атласами. Эти обследования показали, что сильное яканье в рязанско-тамбовских говорах распространено весьма незначительно. Фактически в них преобладают различные виды яканья ассимилятивно-диссимилятивного, для констатации которого требуется собрать значительный по объему материал. При отсутствии последнего и можно прийти к неправильному заключению о распространении в указанных говорах сильного яканья (как это и имело место в работах Е. Ф. Будде). Правда, большинство новых материалов еще не опубликовано и поэтому не могло быть известно В. Курашкевичу, однако за последнее время все же появилось несколько работ о рязанских говорах, на основании которых следовало бы гораздо осторожнее говорить о значительном распространении сильного яканья в названных говорах, особенно в говорах рязанских, где сильное яканье отмечено в совершенно единичных населенных пунктах³.

Неверно и противоречиво утверждение автора о том, что для белорусского литературного языка так же, как и для некоторых южнобелорусских говоров, характерна твердость согласного основы глагола 1-го лица множественного числа I спряжения: *нясьм, ідём, плясьм, грысьм* и т. д. — по аналогии с 1-м лицом единственного числа (стр. 74). Для белорусского литературного языка характерны формы *нясьм, ідэём, плясьём* и т. д., о чем сам же автор и пишет на стр. 41⁴.

Формы *пчэбм, бябэм* и т. п., отмечаемые в южнобелорусских говорах, нет необходимости объяснять аналогией с 1-м лицом единственного числа, так как все шипящие и *p* в этих говорах всегда тверды.

Учитывая учебный характер книги, автор многое излагает очень сжато, конспективно, но по большей части содержательно. Однако некоторые важные явления восточнославянской диалектологии освещены недостаточно. Это относится, в частности, к такому важному явлению южновеликорусского и белорусского вокализма, как диссимилятивное яканье. Термин «аканье» автор употребляет в фонологическом значении и в широком смысле как неразличение в первом предударном слоге гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. Именно так употребляется этот термин, например, при описании диссимилятивного яканья в белорусском языке (стр. 73). Автор говорит о диссимилятивном аканье белорусского типа, понимая под ним, судя по примерам, и аканье в узком смысле (*пам'іж, хакас'ы, падцёл, вазок* и др.; *вудд, халыуд* и др.), и яканье жиздринского типа (*n'asu, p'asok* и др.; *n'ista, p'ita* и др.).

Такой метод подачи материала неудобен и может привести к неверному выводу о том, что диссимилятивное аканье и диссимилятивное яканье жиздринского типа всегда сосуществуют друг с другом. Между тем по говорам русского языка диссимилятивное аканье может сочетаться с любым типом диссимилятивного яканья (или также с диссимилятивно-умеренным или умеренно-диссимилятивным); такие говоры широко распространены, например, в Курской области. Наличие подобной связи, видимо, свидетельствует о том, что в говорах с наиболее непоколебленной системой вокализма диссимилятивность представлена в положении как после твердых, так и после мягких согласных. Однако по говорам диссимилятивное аканье возможно также в сочетании с яканьем. Сочетание диссимилятивного яканья с яканьем можно наблюдать, например, в языке той части интеллигенции, которая происходит из местно-

¹ См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, указ. соч., стр. 30.

² См. С. С. Высокский, Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в световых данных, «Бюлл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 6, М.—Л. 1949.

³ См. карту распространения ассимилятивно-диссимилятивного яканья в рязанских говорах, опубликованную в статье Р. И. Аванесова «Лингвистическая география и история русского языка» (ВЯ, 1952, № 6, стр. 32). О рязанских говорах см. также: В. Н. Сидоров, Наблюдения над языком одного из говоров рязанской меры, в кн. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I; И. А. Оссоветский, К диалектологии говоров Рязанской области, «Бюлл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 5, М.—Л., 1949; О. Н. Моряховская, Говоры Мещерского края. Автореф. канд. дисс., М., 1951; О. Г. Гедова, Говор села Катагощи. Автореф. канд. дисс., М., 1952.

⁴ См. также Т. П. Ломтев, Белорусский язык, [М.], 1951, стр. 101—102.

стей, где распространено диссимилативное аканье в сочетании с тем или иным типом диссимилативного яканья. Последнее как резкая диалектная черта изгибается быстро, а диссимилативное аканье, которое довольно трудно заметить неспециалисту, продолжает сохраняться в языке этой интеллигенции в почти не поколебленном виде. В единичных говорах диссимилативное аканье сочетается даже с сильным яканьем (например, в западной части Брянской области), однако в этих случаях можно заметить, что сильное аканье представляет собой более позднее явление. Обычно в этих говорах отмечают следы диссимилативного яканья, что опять-таки свидетельствует о более широком распространении диссимилативного принципа в этих говорах в прошлом.

Практически гораздо удобнее рассматривать диссимилативное аканье отдельно от диссимилативного яканья, потому что между ними нет параллелизма; классификация диссимилативного яканья очень сложна, тогда как до недавнего времени был известен всего лишь один тип диссимилативного аканья. В большинстве говоров связь между диссимилативным яканьем и диссимилативным аканьем заключается, по видимому, лишь в факте диссимилации.

В наиболее «чистом» виде взаимная зависимость диссимилативного аканья и диссимилативного яканья представлена в некоторых говорах, расположенных в южной части Курской области. В этих говорах наряду с диссимилативным яканьем обоянского типа отмечен архаический тип диссимилативного аканья, представляющий собой полную параллель к вокализму первого предударного слога после мягких согласных¹.

Совсем не уделил автор внимания говорам, в которых в первом предударном слоге отмечен переходный окающе-окающий вокализм, т. е. таким говорам, где представлены разные ступени перехода от аканья к оканю. Во время собрания материалов для диалектологического атласа несколько типов такого вокализма были установлены в псковских говорах.

Остановлюсь на некоторых вопросах частного порядка.

Называя черты, свойственные восточно- и западнославянским языкам в отличие от южнославянских, автор упоминает начальные группы *ro-, lo-* (из **ort-, *oli-* с циркумфлексной интонацией): *рост, локоть* и т. п. (стр. 12). В русском языке, пишет автор, обобщилось церковнославянское, т. е. южнославянское произношение (*работа, расти* и т. п.). Если это утверждение бессорно для примеров типа *разум, разный*, то примеры типа *работа, расти* непоказательны, так как в данном случае, возможно, мы имеем дело с отражением аканья в орфографии.

На стр. 21 автор утверждает, что в русском литературном языке гласные *a* и *e* после мягких согласных в первом предударном слоге произносятся как *и*: *p'ir'id nám'i, p'ir'in'izú, pl'isat'* и т. п. Это не совсем так: в русском литературном языке в этих случаях произносят звук средний между *и* и *e*, произношение же *e* и носит оттенок просторечия².

Характеризуя восточнославянское ударение (стр. 14), автор указывает некоторые различия между русским, украинским и белорусским языками: русск. *на гору, под носом, пришел, бтдал* и укр. (и белорусск.) *на гóру, під носом, проїждá, віддáа*; русск. и укр. *земля — а́емля, нога — нóгу* и белорусск. *земля́ — а́емляю, нога́ — на́гу* и т. д. Такое четкое противопоставление можно провести лишь на материале фактов литературных языков. Если же учитывать материал говоров, например русских, то так четко наметить различия между восточнославянскими языками, как это сделано в книге, не удастся³.

В разных значениях употребляет автор термин «инавизм». На стр. 35 инавизмом называется произношение звука *и* вместо *o* или *e* в новых закрытых слогах в украинском языке: *о́а — о́аа, а́д — а́ду* и т. п. В данном случае этим термином обозначается одно из значений ударенного вокализма. В том же значении этот термин употреблен и на стр. 37. На стр. же 59 инавизмом называется произношение звука *и* перед ударным *a* в русских говорах с диссимилативным аканьем жвадринского типа (*b'idd, v'isni*), т. е. этим термином обозначается уже явление предударного вокализма, и не в украинском, а в русском языке.

Употребляет автор и термин «инавизет» (стр. 21, 57), которым обозначает совпадение гласных верхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке *o* (*p'itak, s'ila, s'ika* и т. п.).

Не показателен для процесса перехода *e* в *o* под ударением перед твердыми согласными пример *содри — со́дра* (стр. 17), потому что это слово имеет в корне

¹ Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.

² См. Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, М., 1954, стр. 42.

³ См., например, Н. А. Мещерский, Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области, «Вюлл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 5, стр. 85.

этимологический *ъ* (ср. польск. *wiadro*). В этом слове 'о появилось не фонетически, а в результате аналогии.

На стр. 35 автор говорит, что в современных русском и белорусском языках на месте праславянского *ě* произносится *e*; это утверждение автор иллюстрирует примерами *снег, место* и т. п., а также *слабый, гнездб, стенá*, смешивая ударные и безударные позиции, хотя по говорам судьба *ъ* в этих позициях может быть различной.

Автор утверждает, что в современном украинском языке (кроме некоторых архаичных говоров) старое *i* совпало с *y(ы)* (стр. 35). Такое утверждение неточно: современное украинское *и* — это звук передне-среднего ряда средне-высокого подъема; исторически в этом звуке совпали давние *i* и *ы*¹.

На стр. 17—18 автор говорит о рефlekсах **tj, *dj, kt'* в языке восточных славян и в числе других (верных) примеров приводит *помощь*, т. е. слово с южнославянской огласовкой (ср. русск. *помочь*, польск. *pomóc*).

Во второй части рецензируемой книги помещены диалектологические тексты, среди которых, как уже говорилось выше, непропорционально большое место занимают тексты украинские. Тексты подобраны продуманно, они дают достаточный иллюстративный материал и могут послужить хорошим пособием для практических занятий по восточнославянской диалектологии. К текстам приложен небольшой двуязычный словарь. Конечно, этот словарь не может претендовать на необходимый полностью или хотя бы даже на охват необходимого минимума слов, подбор которых в известной мере случаен в том смысле, что некоторых трудных для повимания слов в нем нет, а некоторые слова не было необходимо помещать, так как они и без словаря понятны польскому читателю (например, *бизуи, малыц* и др.). Вообще же словарь не вызывает каких-либо замечаний. Отмечу только некоторые неверные переводы: *zapón* значит «передник», «фартук»², а не *zaszczerka*; *musnoŕ ěulan* — «мучной чулан»³ (помещение, где хранится мука), а не «уголок для мусора» (*kaćik na śmiećie*); *bagór* переведено *torór* («топор»), *nauczpic* — *naprzeciw* («напротив»), *skuroditi* — *grabic* и др.

Четыре диалектологические карты, помещенные в конце книги, послужат хорошим пособием при усвоении курса восточнославянской диалектологии. Однако эти карты отражают те представления о территориальном размещении говоров или отдельных диалектных черт, которые уже не в полной мере соответствуют действительной локализации разных говоров или тех или иных диалектных черт на территории распространения русского, украинского и белорусского языков. После многолетней работы над диалектологическими атласами территориальное распространение очень многих диалектных черт восточнославянских языков выявлено достаточно точно. К сожалению, все эти сведения до выхода в свет диалектологических атласов недоступны широкому кругу специалистов, которым приходится пользоваться в значительной степени устаревшими данными. В настоящее время можно указать лишь на отдельные статьи, освещающие итоги работы над диалектологическими атласами.

Книга В. Курашкевича — это прежде всего учебное пособие, и как таковое оно соответствует требованиям, которые предъявляются к подобному рода изданиям. Решение проблем восточнославянской диалектологии далеко выходит за рамки рецензируемой книги; в ней должно иметь место лишь простое и ясное изложение материала и тех выводов, которые стали прочным достоянием науки. За некоторыми исключениями (о большинстве которых говорилось выше) автор именно так и поступает. Это делает его работу полезным вкладом в учебную литературу по одному из разделов науки о славянских языках.

И. А. Оссовецкий

¹ См. «Курс современного украинского литературного языка», т. I, стр. 160.

² См. В. [И.] Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд., т. I, СПб.—М., 1903, стр. 1534.

³ См. В. [И.] Д а л ь, Толковый словарь... т. IV, СПб.—М., 1909, стр. 1375.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Применение методов лингвистической географии для исследования отношений между древними индоевропейскими диалектами дало ценные результаты уже в первой половине XX в. Новые перспективы в этой области открываются благодаря изучению ранее неизвестных древних индоевропейских языков. За последние годы появился ряд монографий и статей, в которых исследуются связи между индоевропейскими языками, причем особое внимание уделяется диалектной лексике. На основании чисто лингвистических данных авторы этих работ стремятся не только установить диалектное членение общиндоевропейского языка, но и определить древнюю область распространения его диалектов. Наиболее характерной работой этого типа является опубликованная в 1954 г. книга В. Порцига¹. Разбор монографии Порцига в сопоставлении с другими новейшими работами, посвященными тем же проблемам, позволяет охарактеризовать современное состояние этой области индоевропейского языковедения.

В этой книге критически оцениваются и обобщаются результаты работ Мейе, Педерсена, Бонфанте, Лизани и других ученых, занимавшихся проблемами индоевропейской лингвистической географии. Однако Порциг не только отбирает из приводившихся ранее сопоставлений те, которые ему представляются наиболее достоверными и доказательными; в его книге используется ряд новых фактов, позволяющих составить более полную картину «членения индоевропейской языковой области». Достоинством труда В. Порцига является привлечение материалов тех древних языков Италии и Балканского полуострова (венетского, мессанского, фракийского, фригийского), исследование которых продвинулось вперед за последние десятилетия; в книге использованы также некоторые данные клинописного хеттского и «тохарских» языков.

Задачи и методы работы определены во второй главе (стр. 53—64)², которая следует за главой, содержащей историю вопроса (стр. 17—52). Посредством изучения нововведений, общих для нескольких языков, Порциг стремится обнаружить следы древнего членения первоначальной области, где говорили на индоевропейских диалектах. Вместе с тем в книге рассматриваются и более поздние связи между индоевропейскими языками. Для разграничения разных хронологических слоев диалектной лексики Порциг использует данные фонетики и словообразования. Однако ссылки на фонетические критерии во многих местах монографии носят слишком общий характер. Вывод об архаичности того или иного слова часто делается Порцигом только на основании отражения в данном слове чередования гласных, но хронология развития чередований в отдельных диалектах при этом не анализируется.

В двух основных главах книги связи между индоевропейскими языками определяются главным образом на основании лексических данных, которым Порциг (в отличие от многих других лингвистов) придает очень большое значение. Этой центральной части книги предпосланы две меньшие по объему главы, в которых изучаются фонетические и морфологические явления, существенные для классификации индоевропейских диалектов. В третьей главе (стр. 65—82) дается истолкование некоторых вопросов сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков в свете лингвистической географии. Следует отметить использование данных венетского языка для объяснения развития индоевропейских звонких придыхательных в итальянских языках (стр. 73). В венетском и латинском языках эти звуки в середине слова отражаются в качестве звонких, что Порциг считает древним общепитанийским явлением, сохранившимся в окраинных областях. Но, учитывая наличие других черт, общих для венетского и латинского языков, эту фонетическую особенность можно объяснить как результат позднейшего развития, осуществившегося только в данных диалектах³. Для окончательного решения вопроса необходим фонологический анализ истории итальянских спирантов⁴, который в книге Порцига отсутствует.

¹ Walter Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets.— Heidelberg, Carl Winter—Universitätsverlag, 1954, 251 стр. («Indogerm. Bibliothek». Hrsg. von Hans Krahe. 3-e Reihe. Untersuchungen.)

² В скобках указываются страницы книги В. Порцига.

³ См. E. P. Hamp, The relationship of Venetic within Italic, «American Journal of Philology», vol. LXXV, 2, Baltimore, 1954, стр. 183—186.

⁴ Ср. первый опыт такого анализа, данный более 30 лет назад в статье Е. Д. Поливанова «Из теории фонетических конвергенций. Латинский пример конвергенции с полным уподоблением» («Сб. Туркест. Вост. Ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 107—108). См. также Е. Поливанов, Факторы фонетической эволюции языка, как трудового процесса, «Ученые записки [Ин-та языка и лит-ры РАНИОН]», т. III (Лингвистическая секция), М., 1928, стр. 30—32.

Применение фонологических методов было бы желательным и в других разделах третьей главы, в частности при исследовании проблемы заднеязычных согласных (стр. 72—76), соотношение которых с лабиовелярными осталось вне поля зрения Порцига. В этом разделе Порциг останавливается на одинаковых отступлениях от типа *satəm*, наблюдаемых в балтийских и славянских языках, с одной стороны, во фракийском, фригийском и албанском, с другой. Так, в качестве одного из примеров приводится латыш. *kuņa* «сука»¹ (ср. родственное *suns* «пес») и фракийское название «собаки», сохранившееся в первой части имени *Καυ-δίων* (собственно «душитель псов»; стр. 75). Следует заметить, что начальный заднеязычный смычный имелся не только во фракийском названии «собаки», приведенном Порцигом, но и в родственном фригийском слове², которое, по свидетельству Платона, почти не отличалось от греч. винительного падежа множественного числа *κύνας* «собак» (Платон, диалог «Кратил», 410). Указанное фракийское сложное имя Порциг справедливо отождествляет с лидийским *Κρυδαύλης*, значение которого известно благодаря переводу, данному Гиппонактом³.

Подобные факты показывают, что развитие заднеязычных согласных в древних языках Балканского полуострова (во фракийском) может быть связано с аналогичными явлениями в языках Малой Азии (в том числе в лидийском и ликийском). К сожалению, Порциг не рассматривает этого вопроса. В его книге не использованы данные иероглифического хеттского и ликийского языков, имеющие существенное значение для пересмотра прежних взглядов на языки *centum* и *satəm*⁴.

Материал иероглифического хеттского языка следовало бы привлечь и на стр. 80, где речь идет о трудности непосредственного доказательства вторичного происхождения *n* (из **m*) в конце слова в клинописном хеттском языке: таким непосредственным доказательством является сравнение иероглифического хеттского *takam*-«земля» с клинописным хеттским *tegan* «земля».

Четвертая глава (стр. 83—92) посвящена диалектным различиям грамматического характера. Особенно интересен раздел о медиальных окончаниях на *-r* (стр. 83—86), где использована обширная новейшая литература вопроса, появившаяся после открытия фактов клинописного хеттского и «тохарских» языков. Но в некоторых других разделах, посвященных морфологии глагола и имени, автор некритически принимает традиционные взгляды на структуру общиндоевропейского языка. Так, говоря о формах дательного и творительного падежей множественного числа на *-h* и на *-m*, Порциг не подвергает сомнению праязыковой характер этих форм (стр. 90—91). Между тем после работ Куриловича и Педерсена можно считать установленным то, что эти формы появились только в отдельных индоевропейских диалектах в относительно позднюю эпоху (ср. их отсутствие в клинописном хеттском языке)⁵. В этой связи необходимо отметить, что в труде Порцига не использована ни одна из исключительно ценных работ Куриловича, в которых изучается относительная хронология развития общиндоевропейского языка.

Самая большая глава книги (стр. 93—151) посвящена доказательству наличия тесных связей между италийскими, кельтскими, германскими и иллирийским языками, которые Порциг объединяет в одну «западную» группу. Эта глава монографии и по выводам, и по приводимым аргументам почти полностью совпадает с вышедшей в том же году книгой Х. Крае, в которой доказывается существование «древнеевропейской» группы языков⁶ (приблизительно соответствующей «западной» группе Порцига). В обеих книгах обосновывается также гипотеза о значительной близости германских и италийских языков в глубокой древности. К более позднему периоду (после переселения носителей италийских языков в Италию) Порциг и Крае относят особые связи между германским и кельтскими языками.

Оба исследователя стремятся прежде всего осветить эпоху, которая отделяет обще-

¹ В книге Порцига не отмечена возможная связь с этим словом словенского *kānā* «сука» (см. словарь К. Мюленбаха — Я. Энделина: K. Mühlēnbach's, Latviešu valodas vārduca, II sējums, Rīga, 1925—1927, стр. 316).

² Ср. Th. Capidan, Coup d'oeil sur les occlusives gutturales de la langue thrace, «Langue et littérature», vol. II., № 1 et 2, Bucaresti, 1943, стр. 91.

³ Текст Гиппонакта и данные древних авторов, относящиеся к этому тексту, см. в «Anthologia lyrica graeca» (ed. E. Diehl, fasc. 3, Lipsiae, 1954, стр. 82).

⁴ См. P. Meriggi, La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei, «Athenaeum», Nuova serie, vol. 29, fasc. I—II, 1951, стр. 25—26 и примеч. 3 на стр. 48—49.

⁵ См.: J. Kurjłowicz, Études indoeuropéennes, I, Kraków, 1935, стр. 165—168; H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938, стр. 30—32.

⁶ H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954. Х. Крае указывает в корректурном примечании на стр. 173, что работа В. Порцига не была им использована при написании этой книги.

индоевропейский язык от отдельных засвидетельствованных языков. Для преодоления этой «пропасти» Крае использует анализ географических названий¹, в особенности названий водных бассейнов, сохраняющихся на протяжении многих веков свидетельства о древних языковых отношениях. Порциг, как и Крае, связывает свои гипотезы, относящиеся к дописьменной эпохе, с конкретными историческими данными, касающимися более позднего времени. Поэтому Порциг начинает свое изложение с описания лингвистической карты Центральной Европы в середине I тысячелетия до н. э. (стр. 92—97).

После этого путем анализа изоглосс Порциг приходит к выводу, что языки, которые были распространены в смежных областях в начале исторического периода, имели целый ряд общих черт. Этот вывод является неоспоримым. Достоинство книг Порцига и Крае заключается в том, что в этих работах систематизированы известные в настоящее время данные о связях германских, кельтских, италийских и иллирийского языков в дописьменный период их истории. Следует при этом отметить, что книга Порцига отличается более строгим подбором сопоставлений и тщательностью изучения отдельных фактов. В книге Крае, носящей популярный характер, перечисляется большее число изоглосс, но часто это объясняется тем, что Крае не обращает достаточного внимания на обоснованность того или иного соответствия².

В работах Крае и Порцига дается не только систематическое описание явлений, общих для указанных языков, но и во многом спорная интерпретация этих языковых связей. Оба исследователя считают, что данные изоглоссы отражают древнее диалектное членение. Согласно Порцигу, индоевропейская языковая область делилась на западную и восточную части уже в очень ранний период. Более осторожной является точка зрения Крае, считающего существование «древнеиндоевропейской» группы языков «только определенной доисторической ситуацией», до которой (или параллельно с которой) могли иметь место другие группировки диалектов³.

Представляется несомненным то, что приводимые Порцигом и Крае факты, относящиеся преимущественно к лексике и топонимике, не дают оснований для далеко идущих выводов о классификации диалектов общиндоевропейского языка. Как отмечает Крае, черты, общие для италийских, германских и кельтских языков, касаются почти исключительно лексики⁴; аналогичное признание имеется и в книге Порцига (стр. 123). Бесспорные фонетические доказательства архаичности соответствующих слов отсутствуют. Утверждение Порцига о том, что до германского передвижения согласных, исчезновения *r* и развития $\bar{e} > i$ в кельтском существовал единый «западноиндоевропейский» язык Средней Европы (стр. 118), не подкрепляется анализом всей системы данных диалектов. Значительно более вероятной была бы гипотеза об отражении в приводимых Порцигом изоглоссах таких связей между диалектами, которые объясняются их территориальной близостью в относительно позднюю эпоху. Этим же объяснилось бы и совпадение предполагаемого Порцигом доисторического соотношения диалектов с географическим распределением языков в исторический период.

Считая очень древними изоглоссы, связывающие между собой «западные» («древнеиндоевропейские») языки, Порциг и Крае предполагают, что областью распространения этих языков издавна была Центральная Европа. Не следует, однако, преувеличивать значения данных топонимии для решения этого вопроса. Аргументация Крае не может считаться бесспорной, так как типы названий, определяемых им как «древнеиндоевропейские», встречаются и в некоторых других областях⁵. Необходимо учитывать возможность параллельного использования родственных существительных в качестве собственных имен в разных диалектах. Поэтому остается недоказанным предположение Порцига о том, что гот. *fairguni* «гора» и родственные слова других германских (и кельтских) языков восходят к древнему названию Судетских гор (стр. 120). Сравнение этого слова с клинописным хеттским *peruna-* «скала»⁶ заставляет скорее предположить, что данная основа являлась древним названием «горы, скалы» и поэтому позднее могла употребляться в качестве названия гор в разных областях, где говорили на индоевропейских языках.

Недостаточная обоснованность гипотезы о древности «западноиндоевропейской»

¹ См. Н. К г а h e, указ. соч., стр. 37 и сл. См. также Вл. Г е о р г и е в, Значение на географские имена за выпросите на етногенезиса, «Български език», год. V, кн. 1, 1955.

² См., например, название «бука», причисляемое Крае к италийско-германским изоглоссам (Н. К г а h e, указ. соч., стр. 75), хотя до этого в его книге речь шла о возможности признания общиндоевропейского характера этого слова (там же, стр. 31—32). Ср. о названии «бука» ниже.

³ Н. К г а h e, указ. соч., стр. 69.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ Ср. по этому поводу замечание самого Крае (указ. соч., стр. 159).

⁶ Отсутствие заднеязычного после *r* в *peruna-* при гот. *fairguni* можно сравнить с фонетическим соотношением славянского *Перунъ* и родственного литовского *Perkūnas*.

группы обнаруживается при изучении связей между языками, относимыми Порцигом к этой группе, и балтийскими, славянскими, хеттским и «тохарскими» языками, которые Порциг причисляет к «восточным». Сложность определения места балтийских и славянских языков в данной классификации не ускользнула от внимания Порцига и Крае. Крае отмечает особую близость германских языков к балтийским и славянским¹. Крае включает балтийские языки в «древнеевропейскую» группу (в этом состоит важнейшее отличие его теории от концепции Порцига); он признает и тесную связь славянских языков с языками данной группы. Согласно мнению Крае, являющегося крупнейшим специалистом в области иллирийского языка, связи этого языка с балтийскими (а частично и со славянскими) были более тесными, чем иллирийско-германские связи². Порциг высказывается по этому поводу более сдержанно ввиду того, что подавляющее большинство иллирийско-балтийско-славянских соответствий относится к собственным именам (стр. 148). В связи с этой проблемой Порциг, ссылаясь на мнение Г. Инсена, выдвигает гипотезу о родстве венетск. *molzon* со ст.-слав. *младѣница* и прусск. *maldenikis* «младенец» (стр. 148). Это предположение было еще раньше высказано О. Хаасом, подтвердившим его данными венетских текстов³. В пользу гипотезы Порцига о том, что данное венетское слово носит иллирийский характер, говорит не использованное Порцигом сопоставление с мессапск. *moldahias*, *moldahiah*⁴.

Несомненным являются связи языков, которые Порциг считает «западными», с клинописным хеттским и «тохарскими» языками. Порциг отмечает близость кельтских, италийских, хеттских и «тохарских» медиопассивных форм (стр. 86), одинаковое образование относительного местоимения в «тохарских», хеттском и италийских языках (стр. 135, 173, 191). К этим фактам можно присоединить ряд хетто-(«тохаро-»)италийских изоглоссов, не приведенных Порцигом: ср. отвлеченное имя существительное, образованное от глагола **i-* «идти» посредством суффикса **-ter* (лат. *iter* «путь», хет. *itar*, «тохарск. А» *yār*); название «очага, алтаря», общее только для хеттского (хет. *hassa-*) и лувийского (*hassanitti-*) языков, с одной стороны, и для италийских языков (осекск. *aasa-*, умбр. *asa*, ст.-лат. *āsa > āra*), с другой. Отмечаемое Порцигом совпадение форм личных местоимений в венетском, германских и хеттском языках (стр. 128 и 191) заставляет обратить особое внимание на хеттско-германские лексические связи⁵ (ср. хет. *gank-* «висеть», др.-в.-нем. *hangēn* и т. п.). Хетто-кельтские связи наблюдаются и в лексике, и в грамматике. Особенно важно сходство в использовании энклитических местоимений, по-новому освещающее историю кельтского глагола.

Таким образом, языки, причисляемые Порцигом к «западным», оказываются тесно связанными и с балтийскими, и с хеттским. Поэтому представляет значительный интерес географическое распространение термина **teutā*, для которого Порциг (стр. 200) и Крае⁶ предполагают первоначальное значение «община». Этот термин, который Крае считает чрезвычайно характерным для «древнеевропейских» языков⁷, представлен также во всех балтийских языках и в хеттском. Порциг рассматривает данное слово в разделе, где изучаются «западные нововведения в нескольких восточных языках», однако такую интерпретацию истории этого термина нельзя считать достаточно обоснованной.

«Восточным» языкам посвящена шестая глава книги (стр. 152—192). Некоторые языки, рассматриваемые в этой главе, представлены значительно более древними памятниками, чем языки, изучавшиеся в предыдущей главе. Поэтому применяемый Порцигом метод изучения доисторических связей на основании анализа языковых отношений исторической эпохи в этой главе позволяет ему исследовать более отдаленный период развития диалектов. Но Порциг дает неправильное хронологическое определение этого отдаленного периода, когда он утверждает, что еще в начале II тысячелетия до н. э. носители греческого, армянского и древнеиндийского языков находились в Северном Причерноморье (стр. 157 и 161). Эта датировка не учитывает резуль-

¹ См. об этом В. И. Георгиев, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 63—65.

² Н. К г а н е, указ. соч., стр. 114.

³ О. Н а а s, Zur Deutung der venetischen Inschriften, «Die Sprache», Bd. II, Heft 4, Wien, 1952, стр. 233. Работа О. Хааса, оставшаяся неизвестной Порцигу, заставляет внести одно исправление в указанное место книги: *-ke* в форме *molzonke*, по-видимому, является не частью слова (как думает Порциг), а союзом, аналогичным латинскому *-que* (см. О. Н а а s, указ. соч., стр. 228 и прим. 6).

⁴ О. Н а а s, указ. соч., стр. 233.

⁵ Венетско-хеттские лексические связи не являются столь же достоверными; см., однако, мнение Педерсена и Лежена: Н. Р е д е р с е н, Venet. *ekupevaris*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 581; М. Л е ж е н е, Hittite *hatrānu*: vénète *atraest*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 46, fasc. 1, 1950.

⁶ Н. К г а н е, указ. соч., стр. 67.

⁷ Там же, стр. 65—67 и 88.

татов расшифровки греческих текстов крито-микенского линейного письма В и древнейших данных о словах индийского происхождения в переднеазиатских текстах¹.

В свете этих данных дату, предлагаемую Порцигом, необходимо признать слишком поздней. Нельзя согласиться с Порцигом и тогда, когда он относит отделение носителей хеттского языка от носителей других индоевропейских диалектов к началу II тысячелетия до н. э. (стр. 86; ср., однако, более точную формулировку на стр. 213). В капталийских таблицах (на рубеже III и II тысячелетий до н. э.) встречается ряд собственных имен, доказывающих наличие носителей самостоятельных индоевропейских языков хетто-лувийской группы в Анатолии уже в этот период². Поэтому утверждение Порцига о приходе хеттов в Анатолию в XVIII в. до н. э. ошибочно (стр. 62). Следует отметить, что вся картина завоевания Анатолии хеттами, излагаемая в книге Порцига (стр. 62—63), недостоверна, так же как и его замечания о характере носителей индо-иранских языков, появившихся во II тысячелетии до н. э. в Передней Азии³. Основанная на этих недостоверных данных теория Порцига о способе распространения индоевропейских диалектов (стр. 64) не может быть убедительной. Между тем, опираясь только на эту теорию (а не на лингвистические факты), Порциг решительно отвергает существование таких периодов, как балтийско-славянский (стр. 64).

В шестой главе книги доказывается наличие тесных связей между индо-иранскими, балтийскими, славянскими, греческим, армянским, фракийским и фригийским языками; к этим языкам, объединяемым в «восточную» группу, Порциг присоединяет также хеттский, «тохарские» и албанский. Раздел, в котором перечисляются греческо-индо-иранские изоглоссы⁴ (стр. 157—161), можно было бы дополнить рядом грамматических явлений. В свете данных хеттского языка многие морфологические черты, общие для индо-иранских языков и греческого, оказываются нововведениями, характерными для этих диалектов, но не для общиндоевропейского языка. Отсутствие исследования таких фактов в книге Порцига объясняется тем, что Порциг не рассматривает традиционных концепций, касающихся грамматического строя общиндоевропейского языка (см. выше о четвертой главе его книги). Значительная близость лексики греческого и индо-иранских языков становится еще более очевидной в настоящее время благодаря изучению древнейших греческих текстов линейного письма В⁵. Одним из существенных вопросов, относящихся к сравнению лексики этих языков, является историческое объяснение др.-инд. *paraśú-* «топор»⁶, родственного греч. *πᾶλεξυς*⁷. Порциг справедливо указывает на то, что новейшие ассириологические исследования поставили под сомнение гипотезу о заимствовании этого слова из аккадского (стр. 160), однако на следующей странице приводит его в качестве свидетельства переднеазиатских влияний (стр. 161). Более решительно гипотезу об аккадском происхождении этого слова отвергает П. Тиме, ссылающийся, как и Порциг, на то, что аккад. *pilaqu* не является названием «топора»⁸. Вместе с тем Тиме указывает, что это слово, структура которого свидетельствует о его неиндоевропейском происхождении, было заимствовано в индоевропейские языки до изменения палатальных в языках

¹ См. о значениях этих данных В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 46—47.

² См. А. Goetze, The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia, «Language», vol. 29, 1953, № 3; его же, The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names, «Journ. of cuneiform studies», vol. VIII, № 2, 1954.

³ См. освещение этой проблемы в рецензии F. M. Th. de Liagre Böhl на кн. R. G. O'Callaghan «Aram Naharaim», помещенной в «Bibliotheca orientalis» (1950, № 4).

⁴ Ср. В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 66.

⁵ Ср., например, совпадение результатов исследования производных от одного и того же корня в текстах линейного письма В (L. R. Palmer, A Mycenaean Calendar of offerings, «Eranos», vol. LIII, fasc. 1—2, 1955, стр. 4 и сл.) и в ведийском (Т. Burrow, Vedic is- «to prosper», «Bull. of the School of oriental and african studies University of London», vol. XVII, part. 2, 1955). Следует также отметить, что данное в работе Палмера (L. R. Palmer, указ. соч., стр. 4) истолкование линейного В *a-ke* (= **ʰakw*) подтверждает семантическую близость греческого и индийского производных от **yak-* (др.-инд. *yajati* «он приносит жертву»), которую ставил под сомнение Мейе (А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 383 и 186).

⁶ О соответствиях в иранских языках (которые Порцигом не указаны) см. В. И. Абаев, Древнеперсидские элементы в осетинском языке, сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 8—9.

⁷ Относительно связи с этим словом «линейного В» *percheve* см. P. Meriggi, I testi micenei in trascrizione, «Athenaeum», Nuova serie, vol. 33, fasc. I—II, 1955, стр. 89. Ср. В. Георгиев, Словарь крито-микенских надписей, София, 1955, стр. 56.

⁸ P. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse [Acad. der Wissenschaften und der Literatur in Mainz]», Jg. 1953, № 11, Wiesbaden, 1954, стр. 586—587 (= стр. 52—53 особой pagination).

salām (этот вывод совпадает с мнением Порцига; стр. 161). Поэтому представляет интерес выдвинутая недавно гипотеза о связи данного слова с названиями «молота» в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках¹.

В разделе, посвященном армяно-индо-иранским связям, Порциг выдвигает гипотезу о том, что ряд слов был заимствован в глубокой древности армянским языком из индо-иранских языков (стр. 161—162). Аналогичная гипотеза по отношению к тем же словам ранее была высказана проф. Г. А. Кананцианом², работы которого не были учтены Порцигом. Значительный интерес представляют наблюдения Порцига о специфическом (ритуальном) использовании соответствующих слов в древнеиндийском. Для определения места взаимодействия данных языков особый интерес представляет сопоставление др.-инд. *simha*-«лев» и арм. *inj* «барс»³, которое Г. А. Кананциан и Порциг относят к этой же группе слов. К сожалению, Порциг не останавливается подробнее на анализе этого слова, ограничиваясь замечанием о том, что ввиду характера обозначаемого им понятия оно не может быть признано общендоевропейским (стр. 162).

Раздел об албанском языке (стр. 174—181) касается преимущественно лексических вопросов в отличие от недавней работы Пизани⁴, посвященной проблемам фонетики и грамматики. Поэтому нужно обратить внимание на то, что выводы Порцига и Пизани о хронологической последовательности связей албанского языка с греческим и балтийско-славянскими являются прямо противоположными.

В разделе, посвященном определению места «тохарских» языков среди других индоевропейских (стр. 182—187), Порциг высказывает гипотезу об особой близости «тохарских» языков к балтийским, славянским и германским. Как для доказательства этого тезиса, так и для обоснования гипотезы о том, что носители «тохарских» языков первоначально обитали в области близ Балтийского моря (стр. 184, 214, 216), используются «тохарское» название «рыбы», соответствующее названию «лосось» в балтийских, славянских и германских языках⁵. В настоящее время многие ученые используют это соответствие не только для определения области распространения отдельных индоевропейских диалектов, но и для установления «прародины общендоевропейского языка». Однако этот аргумент нельзя считать бесспорным.

Для решения этого вопроса необходимо определить древнее значение основы **lakso-*. Порциг считает, что значение «рыба» в «тохарском» не было первоначальным, потому что в германских, славянских и балтийских языках имелись другие древние названия «рыбы» (стр. 184). Однако из этого еще не следует, что **lakso-* во всех диалектах должно было относиться к тому виду лососевых (*salmo salar*), который встречается только в северноевропейских водах. В пользу того, что это слово могло относиться и к другим видам лососевых, говорит осетинское (дигорское) *læksæ* «лосось», которое многие исследователи возводят к индоевропейскому **lakso-go*⁶. Как Порциг, так и Тиме, специально исследовавший эту проблему, не учитывают того, что вид *salmo trutta caspius*, близкий к *salmo salar*, водится в бассейне Каспийского моря; следовательно, именно к этому виду можно относиться «тохарское» слово в эпоху, когда носители «тохарских» языков еще не пришли в Сивциани с запада.

¹ См. N. Pörppe, Ein altes Kulturwort in den alttürkischen Sprachen, «Studia orientalia», vol. XIX, 5, Helsinki, 1934, стр. 25. В этой статье не дано всестороннее освещение вопроса о возможной связи данных слов в индоевропейских и алтайских языках, так как не учтены новейшие работы об алтае — *pilaqqi* и более ранние труды Нерига и других лингвистов о древних лексических связях индоевропейских языков с языками других языковых семей Азии: A. N. Chretien, Studien zur Indogermanischen Kultur und Urheimat, сб. «Die Indogermanen und Germanenfragen», Salzburg — Leipzig, 1936.

² Г. Кананциан, К происхождению армянского языка, Ереван, 1946, стр. 136 — 137. Его же, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947, стр. 136 — 137.

³ Возражения, приводимые Тиме (P. Thieme, указ. соч., стр. 588—590 = 54—56) против этой этимологии, не состоятельны. Тиме считает данное армяно-индийское соответствие единичным и поэтому маловероятным, не учитывая других лексических связей между этими языками, отмеченных Г. А. Кананцианом и Порцигом.

⁴ V. Pisani, L'albanais et les autres langues indoeuropéennes, «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. X, Bruxelles, 1950.

⁵ См. об этом соответствии В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 65.

⁶ Относительно этой этимологии и объяснения осетинского *l* в этом слове см. P. Thieme, указ. соч., стр. 557 (= стр. 23 основы натиации). Соответствия, предполагаемые Тиме в древнеиндийском (см. там же, стр. 550—558 = стр. 18—24; ср. P. Thieme, Der Lachs in Indien, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 69, 1951), представляются маловероятными; см. убедительную критику взглядов Тиме в статье М. Майрхофера [M. Mauryer, h o f e r, Altindisch *lakṣā*. Die Methoden einer Etymologie, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 105 (N. F., Bd. 30), Heft 1, Wiesbaden, 1955]. Ср. там же (стр. 181 и примеч. 3 на стр. 182) о вероятности архетипа **lak-* (а не **lak-*) для названия «лосось».

Для определения древней области распространения «тохарских» языков существенное значение имеют лексические связи этих языков с угро-финскими. Впервые на это обратил внимание Бенвенист, обнаруживший связь «тохар. А» *wās* «золото» с фин. *vaski* «медь» и арм. *oski* «золото»¹. Независимо от Бенвениста связь «тохарского» названия «золота» с угро-финским названием металла (удмурт. *-весь* и т. п.) установил В. И. Лыткин². Некоторые другие угро-финско-«тохарские» лексические связи были указаны Х. Педерсеном³. Эти древние заимствования из «тохарского» в угро-финские языки могут быть объяснены только при предположении о соседстве первоначальной области распространения «тохарского» языка с областями, где говорили на угро-финских языках в ранний период их развития⁴. Этот вывод противоречит гипотезе, выдвинутой Порцигом на основании его теории относительно названия «лососся».

В разделе о месте «тохарского» языка среди других индоевропейских больше внимания следовало бы уделить хеттско-«тохарским» связям. Помимо отмеченных выше хеттско-«тохарско»-италийских связей, в настоящее время можно указать на целый ряд явлений, характерных только для хеттского и «тохарских» языков; ср., например, соответствие хет. *nekut* «вечер» и «тохар. Б» *nekciye* «вечером»⁵ (при значении «ночь» у родственных слов в других языках, где в большинстве случаев отражена другая огласовка корня), общие явления в системе глагола и другие факты. 20 лет назад, говоря о возможной принадлежности хеттского и «тохарского» к одной группе диалектов, Бенвенист указывал на то, что окончательному решению этого вопроса препятствует отсутствие точных сведений о языках Малой Азии, близко родственных хеттскому⁶. Результаты исследования этих языков за последние годы показывают, что слова, общие для клинописного хеттского и «тохарского», имеются и в других древних индоевропейских языках Малой Азии; ср. хет. клин. *aku-* «пить», палайск. *āku-*, «тохар». *yok-* «пить»; хет. клин. *iia* «делать», лувийск. *iia-*, *aia* «делать», хет. иерогл. *aia-* «делать», «тохар. А.» *ya-*, «тохар. Б» *ya-m* «делать» и т. п. Тип образования отглагольного прилагательного на *-lo-*, которое Порциг (стр. 186) считает общим только для «тохарских», славянских и армянских языков, обнаруживается также в клинописном хеттском⁷, лувийском⁸ и лидийском⁹ языках, т. е. характерен для большинства древних индоевропейских языков Малой Азии. Отрицание Порцигом связей между хеттским и «тохарскими» языками в некоторых случаях приводит к неточному освещению истории отдельных «тохарских» слов: на стр. 187 дается неверная этимология «тохар. А» *tsar* «рука», так как не учтена связь этого слова с хет. клин. *kešsar* «рука». Вообще данные хеттского языка во многих местах книги привлечены в недостаточной степени, между тем часто без них оказывается невозможным восстановить древнейший облик слов и морфем, анализируемых Порцигом. Например, на стр. 179 при анализе общиндоевропейского названия «сна» утверждается, что в хеттском языке не представлен глагол **suep-* «спать»; в действительности же в хеттских текстах обнаружен глагол *šur-*, а также глагол *šurpariia-*, благодаря которому в настоящее время по-новому освещается история общиндоевропейских слов этого корня¹⁰. Порциг сам отмечает скудность использованных им хетт-

¹ E. Benveniste, *Tokharien et Indo-Européen*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 238—239.

² См. В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 4, стр. 392. О данной группе слов угро-финских языков см. также В. И. Лыткин, Из истории словарного состава пермских языков, ВЯ, 1953, № 5, стр. 66.

³ H. Pedersen, *Eine Tocharische Frage*, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Heft 1, Heidelberg, 1950, стр. 104.

⁴ Об определении древнейшей области распространения угро-финских языков см. статью В. И. Лыткина «Из истории словарного состава пермских языков». Ср. также I. H. Toivonen, *Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat*, «Journal de la Société finno-ougrienne», vol. 56, Helsinki, 1952, стр. 1—41.

⁵ W. Couvreur, *B-Tocharische Etymologien*, «Archiv Orientalní», vol. XVIII, № 1—2, 1950, стр. 127.

⁶ E. Benveniste, *указ. соч.*, стр. 237.

⁷ H. Pedersen, *Hittite dalagnula and barganula*, «Journal of cuneiform studies», vol. I, № 1, 1947, стр. 61—64.

⁸ См. лувийскую форму *antala-* (от глагола *ana-* «видеть») в тексте, приводимом в книге: H. Otten, *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen*, Berlin, 1953, примеч. 92 на стр. 79.

⁹ P. Meriggi, *Der indogermanische Charakter des Lydischen*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 284. О причастиях на *-i* в лидийском ср. L. Zgusta, *Lydian Interpretations*, «Archiv Orientalní», vol. XXIII, № 4, 1955, стр. 523—524.

¹⁰ См. M. Mauryer, *Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende*, «Studien zur indogermanischen Grundsprache», Wien, 1952, стр. 43.

ских материалов, указывая, что его выводы в отношении хеттского языка не являются окончательными (стр. 187, 217). Существенным пробелом является также полное отсутствие ссылок на данные других древних индоевропейских языков Малой Азии и на факты «догреческого» языка.

В седьмой главе книги (стр. 193—212) изучаются связи между двумя группами, существование которых предположено в предшествующих главах. Включение в книгу этой главы свидетельствует о том, что ее автор тщательно изучил и те факты, которые с трудом укладываются в предложенную им схему. При изучении связей между различными диалектными группами в этой главе неоднократно обсуждаются проблемы иллирийского языка. Порциг справедливо подвергает критике взгляды Покорного, который без достаточных оснований считает иллирийскими многие географические названия, встречающиеся в разных областях Европы¹ (стр. 205—206 и 51—52). Сам Порциг в большинстве случаев с достаточной осторожностью использует иллирийскую ономастику и связанные с ней теории. Однако остается непонятным, почему некоторые отступления от типа *satem* Порциг склонен объяснять распространением заимствованного иллирийского слова в нескольких восточных диалектах (стр. 175 и 216). Вместе с тем необходимо отметить спорность категорического утверждения Порцига о том, что в иллирийском языке отсутствовал суффикс *-isko-*, имеющийся во фракийском, славянских, балтийских, германских и кельтских языках (стр. 201—202). В одной из статей Вонфанте были приведены данные, говорящие в пользу того, что некоторые имена на *-isc-* были не фракийскими, а иллирийскими².

В восьмой главе (стр. 213—217) излагается гипотеза о первоначальной территории распространения индоевропейских диалектов, основанная на выводах, которые сделаны в предшествующих главах. По мнению Порцига, в Европе на крайнем западе индоевропейской языковой области находились кельтские и италийские диалекты. Германский и иллирийский граничили с диалектами «восточной» группы, причем германский был отделен от других «западных» языков лесистым нагорьем, называвшимся именем, от которого происходит гот. *faîrguni* и другие родственные слова (см. выше об этом названии). «Восточные» диалекты до их распространения на юг и юго-восток находились в пространстве между Балтийским и Черным морями. Близ Балтийского моря обитали носители балтийского, славянского и «тохарского» языков, объединяемых Порцигом в северо-западную подгруппу восточной группы. К этой подгруппе примыкает албанский язык. Южнее расположены армянский, фракийский и фригийский языки, а также примыкающие к ним с востока греческий язык и индо-иранские языки, находившиеся на крайнем востоке индоевропейской языковой области.

Правильными представляются отдельные наблюдения Порцига, в частности, вывод о тесной связи индо-иранского с рядом других индоевропейских диалектов в доисторическую эпоху. Противоположная точка зрения, относившая отделение индо-иранских диалектов от всех других индоевропейских к очень отдаленному периоду, основывалась прежде всего на предположении о том, что в индо-иранском отсутствуют представления в остальных языках термины, связанные с земледелием. Однако в настоящее время обнаружены следы некоторых из этих терминов в индо-иранских языках³ (ср. отражение общиндоевропейского названия «соли» в вед. *sal-ilā* «море», общиндоевропейское название «поросенок», отраженное в сакс. *þāsa* «свинья» и т. д.). На основании этих новых данных делается вывод о том, что отделение носителей индо-иранских языков от носителей других диалектов не предшествовало периоду начала земледелия и скотоводства, а следовало за ним⁴. Этот вывод можно согласовать с результатами исследования диалектных связей индо-иранских языков, наложенными в книге Порцига.

Однако в целом картина распространения индоевропейских диалектов, обрисованная в последней главе книги Порцига, вызывает ряд возражений. Представляется в высшей степени сомнительным возведение к одной и той же эпохе тех диалектных

¹ Ср. аналогичную критику злоупотребления термином «иллирийский», которая дается в последних трудах Крае (H. Krahe, указ. соч., стр. 99) и Г. Чайльда (V. G. Child, Prehistoric Migrations in Europe, Oslo, 1950, стр. 219).

² G. V on f a n t e, Il problema dei Taurisci e dei Carni e l'entrata dei Galli in Italia, «Revue de études indoeuropéennes», t. II, fasc. 1, Boucourest, 1939, стр. 17—18.

³ См. об этом P. Th i e m e, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, стр. 558—562 (= стр. 24—28).

⁴ См. об этом E. B e n v e n i s t e, Noms d'animaux en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 45, 1949, fasc. 1, стр. 89. Для изучения данного вопроса существенный интерес представляет хеттское название сорта ячменя *епа-а* (об этом слове и его происхождении см. J. F r i e d r i c h, Hethitisches Wörterbuch, Lief. 4, Heidelberg, 1954, стр. 339). Это слово сопоставляется с названием злака **ieno-*, которое Порциг (стр. 169) считает обозначением «ячменя», общим для индо-иранских и балтийских языков (родственное греческое слово рассматривается Порцигом на стр. 169 и 171; ирл. *eoḡna* «ячмень» им не привлечено).

отношений, которые Порциг устанавливает в «западной» и «восточной» группах. Отнесение этих явлений к одной хронологической плоскости в книге Порцига оказывается возможным потому, что связи между «западными» языками он считает очень древними, тогда как период существования связей между «восточными» языками ошибочно определяется слишком поздней датой (см. об этом выше). Для окончательного решения данного вопроса необходимо было бы сопоставление относительной (и, насколько это возможно, абсолютной) хронологии развития системы каждого из диалектов и изучение связей между ними с этой точки зрения.

Не только время, но и место предполагаемых Порцигом диалектных связей подлежит еще дальнейшему уточнению. Определяя древнюю область распространения индоевропейских диалектов, Порциг намеренно отказывается от привлечения данных археологии (стр. 61). Такая установка характерна и для ряда других новейших исследований¹. Это можно объяснить прежде всего неудачей предпринимавшихся в последние десятилетия попыток установить индоевропейскую «прародину» посредством согласования результатов лингвистических и археологических исследований². Но гипотезы, предложенные на основании одних лишь лингвистических данных, не являются доказательными.

Изучение языковых отношений и анализ топонимики позволяют Порцигу и Крае определить область распространения некоторых диалектов в дописьменный период их истории, но нет никаких оснований относить эти факты к общиндоевропейской эпохе. Для проблемы «прародины» существенное значение имеет использование сведений о географическом распространении растений и животных, но при применении этого метода необходим трезвый анализ всех лингвистических и географических данных (см. выше о названии «лососья»). В настоящее время многие ученые используют для определения индоевропейской «прародины» так называемый «аргумент бука»³. Однако слово, на котором основана эта гипотеза, встречается лишь в некоторых индоевропейских языках, причем в части языков оно обозначает не бук, а другие породы деревьев. Древность значения «бук» для всех диалектов еще окончательно не доказана. Поэтому можно считать несомненным только то, что в пределах области, где рос бук, обитали носители диалектов, в которых данное слово имело значение «бук»⁴. Такими диалектами являются германские и латинский. Следовательно, при определении древней области распространения германских и итальянских диалектов необходимо учитывать соответствующие данные геоботаники и палеоботаники. Современные методы анализа сохранившейся в почве пыльцы растений позволили доказать, что граница бука в Европе постепенно перемещалась с юга на север, причем в III тысячелетии до н. э. бук еще не был характерен для флоры Северной Германии⁵. Следовательно, древнейшая область распространения диалектов, в которых имелось название «бука», во всяком случае не находилась в Северной Германии (это не было принято во внимание ни Порцигом, ни Крае).

Таким образом, аргумент бука, который, по остроумному определению Э. Майрхоффера-Пасслера, использовался для доказательства того, что индоевропейская «прародина» находилась примерно «в границах государства Фридриха II»⁶, в действительности не подтверждает этот тезис. Для обоснования того, что Германия была «прародиной» индоевропейского языка, чаще всего исследуются названия таких растений и животных, которые (насколько позволяют судить лингвистические и археологические данные) не имели сколько-нибудь существенного значения для носителей индоевропейских диалектов⁷. На значительно более твердой почве стоят исследователи, учиты-

¹ См.: Н. К р а е, указ. соч., стр. 3; Р. Т h i e m e, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, стр. 543 (= стр. 9).

² См. обзор работ о «прародине» индоевропейцев за 1936—1950 гг. в очерке В. Пизани, в кн.: V. P i s a n i, Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft—J. P o k o r n y, Keltologie («Wissenschaftliche Forschungsberichte. Geisteswissenschaftliche Reihe», Bern, 1953, стр. 76—81).

³ См.: W. W i s s m a n n, Der Name der Buche, Berlin, 1952; W. K r o g m a n n, Das Buchenargument, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 72, 1954, Heft 1—2 и Bd. 73, 1955, Heft 1—2. См. также критику «аргумента бука» в статье: Е. P a v l e r, Die Buchenfrage, сб. «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», Wien, 1948, стр. 155—161. Ср. выше об освещении этого вопроса в книге Крае.

⁴ Ср. решение вопроса, предлагаемое В. И. Георгиевым в статье «Проблема возникновения индоевропейских языков», стр. 50.

⁵ См. W. W i s s m a n n, указ. соч., стр. 16. См. также карты, приложенные к указанной выше статье В. Крогмана, и таблицу, показывающую развитие флоры Дании, в кн. Дж. Г. Д. Кларка «Доисторическая Европа. Экономический очерк» (М., 1953, стр. 25).

⁶ См. Е. P a v l e r, указ. соч., стр. 161.

⁷ Это характерно, в частности, для указанных выше работ П. Тиме, где исследуют

вающие при изучении проблемы «прародины» ту роль, которую играло коневодство и использование колесных повозок в жизни древних племен, говоривших на индоевропейских языках. Исследование этого вопроса может опираться и на лингвистические факты, и на недавно установленные исторические данные о носителях индоевропейских языков, известных во II тысячелетии до н. э.; ср. свидетельства древнейших хеттских текстов, индо-иранские коневодческие термины в книге о коневодстве хуррита Киккули¹, данные греческих памятников линейного письма В² и др. Поэтому необходимо обратить особое внимание на то, что именно изучение этой стороны проблемы «прародины» привело многих современных археологов и лингвистов к предположению о (юго-)восточноевропейском или азиатском очаге распространения индоевропейских диалектов³. Эта точка зрения, подтверждаемая и другими аргументами⁴, противоречит принятому в работе Порцига (и в книге Крае) предположению о том, что движение носителей индоевропейских диалектов в Европе осуществлялось в направлении с севера на юг; противоположное предположение о движении с юго-востока на северо-запад хорошо согласуется с лингвистическими, историческими и археологическими фактами⁵.

Для проверки гипотезы о восточной «прародине» общиндоевропейского языка необходим тщательный анализ лингвистических и археологических фактов, на которых она основана. Книга Порцига окажется полезной и в этом отношении, поскольку в ней дается анализ лексики индоевропейских диалектов с точки зрения географии слов. В свете работ Чайльда, в которых история носителей индоевропейских диалектов связывается с вопросом о распространении колесных повозок⁶, значительный интерес представляют наблюдения Порцига над названием «повозки» в разных группах диалектов (стр. 102, 120, 158, 170), в особенности замечания об индоевропейском **qwegwlos* «колесо», к которому восходит «тохарское А» *kukäl*, «тохарское Б» *kokale* «повозка» и фригийское название Большой Медведицы *ixlty* (собственно «повозка», стр. 183). Но Порцигу следовало бы сопоставить эту особенность «тохарских» и фригийского языков с аналогичными фактами, обнаруживающимися при исследовании названий «колеса» и «повозки» в других индоевропейских языках: ср. лат. *rota* «колесо, колесница, повозка», лит. *rātas* (латыш. *rāts*) «колесо», ми. число *rātai* (латыш. *rati*) «повозка», *Grigo Ratai* «Большая Медведица» (латыш. *greizie rati*), др.-инд. *rāthah* «повозка, колесница», ср. также ст.-слав. *коло* «колесо», ми. число *кола* «повозка» (образовано от того же корня, что и **qwegwlos*). Наблюдения Порцига относительно вторичного характера типичного для «восточной» группы диалектов слова **nebh-os-nebo* (стр. 189—190) особенно интересны в связи с попыткой В. Бранденштейна объяснить развитие значений «облако > небо» переселением носителей индоевропейских языков на области с континентальным климатом в страны с более умеренным климатом⁷.

Внимание, которое Порциг уделяет проблемам изучения словаря, делает проводимое им исследование диалектных связей несколько односторонним. Но благодаря этой же особенности книги Порцига ее следует признать не только трудом по индоевропейской лингвистической географии, но и ценным исследованием в области

си названия «досюсы», «осныны» и т. д. Некоторые археологические данные, свидетельствующие о большом хозяйственном значении ловли лососей в доисторический период, приводит К у н т а а V i i k u n a (см. «Laxfisket som helhetsproblem i Norden», в сб. «Scandinavica et fennougrica. Studier tillägnade Björn Collinder, den 22 Juli—1954», Stockholm, [1954], стр. 245). Но эти данные относятся к северной части Балтийского моря и поэтому не могут быть использованы для решения проблем индоевропейстики.

¹ См. А. К а м м е н h u b e r, Zu den hethitischen Pferdertexten, «Forschungen und Fortschritte», Jg. 28, 1954, Heft 4.

² Ср., например, ценное исследование Лежена: M. L e j e u n e, Essais de philologie mycénienne, II — Les inventaires de roues, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», t. XXIX, fasc. 2, 1955.

³ Особенно отчетливо эта точка зрения изложена в упоминавшейся выше блестящей книге Чайльда (V. G. C h i l d e, указ. соч., стр. 146—151, 210—211, 219). См. также J. F i l i p, Indoeuropéiská otázka a lid se šáúrovou keramikou, «Archeologické rozhledy», ročn. IV, seš. 1, 1952, стр. 53—55.

⁴ См. А. N e h r i n g, указ. соч. — см. выше о происхождении др.-инд. *paraśú* (ср. V. G. C h i l d e, указ. соч. и E. B e n v e n i s t e, Les indo-européens et le peuplement de l'Europe, «Revue de synthèse», t. XVII, № 1, Paris, 1939).

⁵ См. V. G. C h i l d e, указ. соч. Археологические данные, относящиеся к этой проблеме, собраны в последней статье Чайльда: V. G. C h i l d e, The diffusion of wheeled vehicles, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», 2, Berlin, 1954. Ср. также R. H a u s c h i l d, Das Selbstlob (Ātmastuti) des somaberauchten Gottes Agni, «Asiatica», Leipzig, 1954.

⁷ W. B r a n d e n s t e i n, Bemerkungen zum Sinnbezirk des Klimas, «Studien ur indogerm. Grundsprache», Wien, 1952, стр. 24—25.

сравнительно-исторической лексикологии. Для изучения культуры носителей индоевропейских диалектов в дописьменный период большое значение имеют отдельные тонкие наблюдения Порцига, связанные с анализом лексических явлений. Некоторые предлагаемые Порцигом объяснения семантических соответствий являются спорными, но это отчасти вызвано слабой разработанностью методов сравнительно-исторической семасиологии¹.

Отмеченные выше пробелы в исследовании Порцига объясняются тем, что в его труде недостаточно учитываются некоторые недавно обнаруженные факты древних индоевропейских языков Малой Азии. Детальный анализ ранее не исследованных данных этих языков не входил в задачи книги, целью которой является систематизация наиболее достоверных сведений об индоевропейских диалектах (стр. 9). Повидимому, по той же причине в книге не нашли применения те новые методы исследования развития системы общиндоевропейского языка и установления относительной хронологии его развития, которые в настоящее время разрабатываются отдельными учеными, но не получили еще всеобщего признания. Дальнейшее исследование, основанное на использовании этих новых фактов и новых методов, могут воссоздать картину истории индоевропейских диалектов в период более древний, чем тот, который изучается Порцигом. Но книга Порцига является необходимым отправным пунктом для всех исследований в этой области, так как в ней излагаются тщательно проверенные данные об отношениях между индоевропейскими языками в период, предшествовавший их письменной истории. Поэтому рецензируемая книга принесет пользу не только специалистам в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, но и исследователям истории отдельных индоевропейских языков и истории говорящих на них народов.

Вач. Вс. Иванов

Adolfu Kellnerovi. Sborník jazykovědných studií.—Opava, Slezský studijní ústav, 1954. 194 стр.

Рецензируемый сборник статей посвящен памяти профессора философского факультета Брненского университета Адольфа Келнера, скончавшегося в расцвете творческих сил 31 мая 1953 г. А. Келнер, как указывается в посвящении к сборнику, был ученым, «который имел наибольшие заслуги в изучении языковых отношений в Оставской области и прокладывал своими трудами пути современной чешской диалектологии». Его деятельность имела большое значение для развития брненского диалектологического центра и в особенности в деле изучения лясского (силезского) диалекта чешского языка. После окончания в 1927 г. университета в Брно, в котором А. Келнер проходил подготовку под руководством О. Гуйера, Ф. Травничка и В. Вондрака, он приступил к работе в области диалектологии. Большое влияние на научную деятельность А. Келнера оказал и акад. Б. Гавранек. По совету своих учителей А. Келнер продолжал занятия в Кракове у известного польского языковеда акад. К. Нитша, где знакомится со взглядами польских ученых на генезис лясского диалекта.

По возвращении из Польши А. Келнер некоторое время изучает словацкие говоры Спиша и Шарыша², а затем готовит свою диссертацию «Štramberské nářečí» (1939). Эта была первая работа в ряду начатых тогда исследований моравских и

¹ Показательно, например, то, что на основании одного и того же факта (связь названия «дерева, дуба» **derec*— со словами, имеющими значение «твердый, крепкий», ср. русск. *дерево, дрова и доровый*) Порциг (стр. 146) и Бенвенист [E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Words», vol. 10, № 2—3 («Linguistics Today»), 1954, стр. 258—259] строят совершенно различные гипотезы. Порциг считает более древним значение «дуба», из которого выводятся вторичные значения «дерево» и «твердый» (ср. близкую точку зрения, высказанную ранее Остгофом), тогда как Бенвенист считает первоначальным значение «прочный», которым объясняется значение «дерево» (= прочное, крепкое). Значение «дуб», по гипотезе Бенвениста, явилось результатом позднейшего развития (что Бенвенист доказывает фактами греческого языка).

² См.: «Přispěvek k bližšímu poznání nářečí lučivňanského» («Bratislava», ročn. VI, 1932); «Přispěvek k jazykové charakteristice Plavnice» («Sborník Matice slovenskej», ročn. XIII, č. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1935); «Nářečí severozápadního Šariše» (там же, ročn. XVI—XVII, č. 1—2, 1938—1939).

связанных говоров. Изучение переходных силезских говоров, содержащих особенности, свойственные двум родственным языкам — чешскому и польскому, поставило А. Келнера перед необходимостью изучать язык в связи с историей его носителей. Наряду с этим целью исследователя было не статическое описание говоров, а исследование их истории в системе общенародного языка. Эти две тесно связанные друг с другом особенности исследовательского метода А. Келнера в значительной степени характеризуют то новое, что он внес в чешскую диалектологию. Перед войной А. Келнер закончил свое капитальное исследование лишского диалекта¹. Синтетическое описание силезских говоров сопровождалось выводами генетического порядка. Хотя ряд положений автора о польско-чешских языковых отношениях при дальнейшем изучении, видимо, еще потребует пересмотра, а некоторые из них вызывают сомнение и в настоящее время, однако самое описание структуры лишского диалекта (в том числе синтаксиса и лексики) является наиболее полным и точным на фоне существующих работ как чешских, так и польских диалектологов.

В 1945 г. А. Келнер был приглашен в качестве профессора славянского языковедения в Брненский университет. Именно в этот период разворачивается его педагогическая и организационная деятельность. А. Келнер принимает активное участие в организации Силезского исследовательского института и выдвигает программу языковедческой деятельности нового учреждения². В последние годы он плодотворно работает над марксистским освещением вопросов истории языка и диалектологии³. Свои теоретические работы он всегда оснащает богатым и разнообразным фактическим материалом. А. Келнер разрабатывает вопросник по лишским говорам и принимает участие в составлении вопросника по ганацким говорам. Под его руководством в славянском семинаре Брненского университета готовятся к научной работе многие диалектологи⁴, статьи которых представлены в сборнике, посвященном его памяти. Итогом его преподавательской деятельности явился учебник «Úvod do dialektologie» (Praha, 1954).

Рецензируемый сборник, посвященный памяти А. Келнера, открывается статьей С. Кралика «Научные труды Адольфа Келнера» (стр. 9—21), в которой прослеживается творческий путь ученого. В следующей статье А. Келнерова проникновенно пишет о нем как о человеке, ставившем научные интересы выше всего (стр. 22—24). Далее следует список трудов А. Келнера, составленный В. Важным (стр. 25—28).

Второй раздел сборника начинается заметкой акад. Ф. Травничка «Смешанные и переходные говоры» (стр. 31—33), в которой подчеркнуто принципиальное значение марксистского метода при решении вопроса о исторических путях развития лишского диалекта. Возражая против тезиса К. Нитша о том, что территория лишского наречия некогда была этнической территорией, переходной между поляками и чехами», Ф. Травничек указывает на антисторизм подобного понимания отношений между двумя родственными языками. По его справедливому мнению, любое взаимодействие между двумя языками может быть объяснено лишь путем изучения взаимных связей носителей этих языков; в данном случае один из диалектов чешского языка в процессе исторического развития испытал влияние носителей польского языка, а не был исконо образованием, совмещающим свойства обоих указанных языков.

Прочие статьи второго раздела касаются проблематики, связанной с изучением лишского наречия. Описанию территориального размещения некоторых морфологических явлений (окончания творительного, местного, дательного падежей множественного числа имен существительных, флексии 3-го лица множественного числа глаголов и др.) посвящена статья А. Лампрехта «Из лишского лингвистической географии» (стр. 34—43). Материалы этой статьи подтверждают высказанную Б. Гавранком мысль об олавеком и остравском центрах диалектных изменений на территории лишского наречия⁵.

Старые наблюдения Ф. Бартоша и данные Б. Гавранка уточняются в статье Д. Шлосара «Переход $\bar{a} > o$ в лишском говоре окрестностей Мистека» (стр. 44—46). В статье А. Грегора «Междометные предложения в лишских говорах» (стр. 47—52) дан разбор звукоподражательных и первичных междометий, процесса образования вторичных междометий, перехода последних в глаголы. Наконец, большое исследование М. Ромпортла «Ударение и интонация в тешином говоре» (стр. 53—78) представляет значительный интерес потому, что проблемы ударения и

¹ Východočeská nářečí, Brno: I—1946; II—1949.

² См. его брошюры «Štáv a úkoly české jazykovědy na Slezsku», Opava, 1950.

³ См. ряд его статей в периодических изданиях и особенно работу в сборнике, посвященном В. Гавранку: «K otázce historického formování jazykových hranic», «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1954.

⁴ См. А. Kellner, Dialektologické bádání na brněuské filosofické fakultě, «Sborník prací filosofické fakulty brněuské university», roč. I, č. 1—2, Brno, 1952.

⁵ См. В. Наврátков, Nářečí česká, «Československá vlastivěda», díl. III, Praha, 1934, стр. 180 и сл.

мелодики предложения важны для уяснения чешско-польских языковых отношений. Обычно ударение падает на предпоследний слог, но существует множество исключений, вызванных различными факторами, в том числе и мелодическими.

В третьем разделе сборника помещены статьи о моравских и словацких говорах. Вызывает интерес статья Я. Белича «Место моравско-словацких говоров» (стр. 81—91). Принадлежность моравско-словацких говоров к тому или иному языку горячо обсуждалась чехословацкими языковедами и в прежние годы. Однако очень часто при решении этого вопроса исходили из соображений националистического толка, не имевших отношения к науке. Положение осложнялось еще и тем, что не находил своего правильного разрешения общетеоретический вопрос о соотношении языка и диалекта.

Моравско-словацкие говоры распространены в восточной Моравии (Валашская и Моравская Словакия). Многие фонетические и грамматические особенности чешского языка обнаруживаются в моравско-словацких и западнословацких говорах и, напротив, некоторые словацкие особенности заходят далеко на Запад. Западная граница этих переходных говоров обозначена довольно четко: это изоглосса *i* (*y*), *ú* в противоположность ганаким *é*, *ó* (*strýc*, *súsed* и *stréc*, *sósed*).

Наличие широкой полосы переходных чешско-словацких говоров, отсутствие резких лингвистических и этнографических границ между восточной Моравией и западной Словакией не раз давали возможность чешским ученым делать вывод о существовании единого чехословацкого народа и языка. Взгляды Ф. Пастрика по этому вопросу были некогда приняты почти всеми чешскими языковедами и в период существования буржуазной Чехословацкой республики стали рассматриваться как официальная доктрина. Однако для отнесения того или иного диалекта к определенному языку недостаточно одних лингвистических данных. Развивая ранее высказанные им взгляды¹, Я. Белич утверждает, что «вопрос принадлежности того или иного диалекта к какому-либо языку не может решить ни облик диалекта самого по себе, ни изоглосса древнего явления, будь оно фонетическим, морфологическим или каким-либо иным» (стр. 89). В настоящее время «моравско-словацкие говоры утрачивают свои особенности и сближаются с чешским литературным языком, подобно тому как западнословацкое наречие сближается со словацким литературным языком» (стр. 91).

С этим выводом автора можно согласиться, учитывая отношения, сложившиеся между братскими чешским и словацким народами, однако следует подчеркнуть тот факт, что из всех чешских и словацких говоров наименее изученными являются именно моравско-словацкие и западнословацкие. В связи с этим общий вывод автора, как нам представляется, нуждается еще в подтверждении конкретными материалами.

И. Скулина в статье «К исторической диалектологии Граничного района» (стр. 92—111) останавливается на некоторых исторических условиях формирования говора указанного района. Граничкий говор расположен на стыке ганакимого, моравского и лышского диалектов, вследствие чего он чрезвычайно неоднороден по своему составу². Автор исследует фонетические и морфологические особенности говора, опираясь на анализ диалектизмов в местных документах, начиная с середины XVI в. (земельные книги, хроники, метрические записи, тексты привилегий и т. п.); он учитывает то обстоятельство, что лышское наречие подвергалось польскому влиянию лишь с XIII в., с усилением немецкой колонизации, отделившей Силезию от Моравии, на что, к сожалению, польские исследователи не обращают должного внимания³. И. Скулина наглядно показывает совпадение пучков изоглосс с границами прежних феодальных владений и доказывает связь глубокой диалектной дифференциации моравских говоров и феодальной раздробленности прошлых столетий. В особенности показательны рефлексы гласных *ú*, *y*: границы *múka*, *strýc*, келечские *mouka*, *strejc*, загорско-ганакимские *móka*, *stréc* и т. п.

Заметка А. Вашиха «Из лингвистической географии Рожнова и Валашского Мезиржичья» (стр. 112—118) касается распространения некоторых фонетических явлений (смягчение губных согласных, перегласовка *a > e*) в указанных говорах. Ф. Шверер кратко перечисляет основные особенности карловнического говора (моравско-словацкий диалект). В статье А. Габоуштыка «Рефлексы доисторических *z*, *z* в оравских говорах» (стр. 126—133) делается попытка объяснить особенности верхнеоравских говоров. Как известно, средние и нижние оравские говоры по рефлексам редуцированных (*z > o*, *z > e*) сходны со среднесловацким наречием. В верх-

¹ См.: «Poměr mezi češtinou a slovenštinou», «Slovo a slovesnost», ročn. XIV, č. 1, 1953; «K otázce češtiny jako národního jazyka», там же, ročn. XIII, č. 2, 1952; «Národní jazyk, jeho pojetí a studium», «Slavia», ročn. XXII, seš. 2—3, 1953.

² Подробное описание граничского говора дано автором в статье «K nářeční diferenciaci východní poloviny hranického okresu» («Sborník prací filosofické fakulty brněnské university», ročn. I, č. 1—2, 1952).

³ См. К. Деjna, «Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, Łódź: I—1951; II—1953».

неоравских говорах наблюдается частое изменение обоих редуцированных в *e*. Автор стремится объяснить это отклонение валашским колонизационным движением XV—XVII вв. из восточнословацких областей и польско-словацкими языковыми связями. Заметка Г. Г о р а к а «Суженные гласные в говоре Погорелой и Липтовской Теплички» (стр. 134—141) посвящена анализу польских особенностей фонетики этих селений¹, находящихся на границе среднего и восточного словацких наречий, и является лишь частью его обширной монографии «Nárečie Pohorelej» (Bratislava, 1955).

Четвертый раздел сборника содержит четыре статьи и заметки. Я. Х л о у п е к в статье «К вопросу об интердиалекте» (стр. 145—153) указывает, что в связи с усилением роли литературного чешского языка в настоящее время происходит быстрое исчезновение специфических особенностей говоров. Наиболее быстро происходит процесс нивелировки в лексике, однако наблюдения автора над говором Угерского Брода свидетельствуют и о выравнивании в области фонетики и морфологии. В связи с этим процессом в Моравии, Силезии и Моравской Словакии возникают особые наддиалектные языковые образования, характеризуемые автором следующим образом: «Это не особые устойчивые формы национального языка, а народный язык в переходный период, предшествующий отмиранию диалектов, который, в отличие от местных диалектов, может выполнять на ограниченной территории функцию общего языка и до известной степени выступать и в функции разговорного языка» (стр. 148).

В заметке Я. Б а у е р а «Синтаксис в диалектологических монографиях» (стр. 154—157) подчеркивается важность не выборочного, а системного описания синтаксиса изучаемого говора. Ф. К о п е ч н ы й в заметке «О загадке названия *Beskydy*» анализирует существующие этимологии этого слова и склоняется к предположению, что название *Beskydy* восходит к германскому или фракийскому имени со значением «горная граница, предел». Я. С т а н и с л а в в заметке «По следам слезан в Словакии» (стр. 174—175) связывает нитранское топонимическое название *Sl'ažany* с миграционными движениями жителей Силезии.

Сборник заканчивается статьей М. Е л и н к а «О стиле литературных трудов Людмилы Горяжкой» (стр. 179—192). Людмила Горяжка — мало образованная, но талантливая силезская рассказчица, автор двух автобиографических книг «Дома» и «Рекка», характерных соединением типических черт народно-разговорного стиля (на лешском наречии) со стилистическими средствами литературной хроники. М. Елинек осуждает излишнюю насыщенность авторской и «полупрямой» речи диалектными элементами.

Анализ диалектологических исследований, помещенных в сборнике, свидетельствует об интенсивной работе по изучению моравских и лешских говоров, которая ведется в настоящее время, и о богатстве тематики, разрабатываемой чехословацкими диалектологами. Можно быть уверенным, что в ближайшие годы двухтомный труд Ф. Бартоша об этих диалектах, выполненный в конце XIX в., будет заменен новыми обобщающими трудами.

Н. А. Гондрашов

РУССКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ЭСКИМОСОВ АЛЯСКИ

Великие открытия русских в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в. имели неоспоримое значение в деле экономического и культурного преобразования малозаселенных окраин русского государства. Открытие русскими географами В. Берингом и А. И. Чириковым пролива между северо-восточным побережьем Сибири и северо-западной Америкой явилось началом интенсивного освоения и исследования Аляски и прилегающих к ней островов. Во второй половине XVIII в. на северо-западных берегах Америки появились первые русские поселения, и на Аляске было установлено русское правление. Коренное население Аляски — эскимосы и северные индейцы — впервые встретилось с европейцами, и этими европейцами были пытливые русские промысловые люди.

Проф. Льюис Л. Хаммерих в американском лингвистическом журнале «Slavic Word» (спец. выпуск журнала «Words») опубликовал свои весьма интересные наблюдения над результатами русского культурного влияния на эскимосов Аляски и особое внимание уделил русским заимствованиям в эскимосском языке². Статья проф. Хам-

¹ См. М. Małeckі, Kilka uwag o polskiej gwarze Ciepliczki i Pogorely w Niżnych Tatrach, «Sborník Matice slovenskej», ročn. IX, soš. 1—4, 1931.

² См. L. L. Hammerich, The russian stratum in alaskan eskimo, «Slavic Words», 1954, № 3 («Words», vol. 10, 1954, № 4).

мериха, являющегося одним из современных датских исследователей эскимосских языков, представляет значительный интерес не только для эскимологов, но и для специалистов, изучающих иносистемные языки, а также для историков-этнографов.

Более чем столетний контакт аляскинских эскимосов с русскими поселенцами не мог не отразиться на лексике эскимосского языка. С приходом русских на Аляску и прилегающие острова эскимосы столкнулись с целым комплексом новых предметов и связанных с ними понятий, названия которых невозможно было выразить средствами родного языка, поэтому вместе с новыми предметами быта заимствовались и их названия. Слова, заимствованные из русского языка в эскимосский, подвергались адаптации в соответствии с грамматическими нормами и звуковыми законами эскимосского языка.

Проф. Хаммерих приводит обширный список заимствованных слов. Они записаны им лично в течение двух экспедиций на Аляску (1950 и 1953 гг.), а также собраны в результате изучения материалов, находящихся в Смитсоновском институте, в Библиотеке конгресса в Вашингтоне и в Королевской библиотеке в Копенгагене.

Положительное культурное влияние русских поселенцев на эскимосов и их язык явилось настолько сильным и устойчивым, что даже и в настоящее время, как отмечает автор, «повседневный язык местных жителей на всей обширной территории сохраняет отпечаток русского языка» (стр. 421). Особенно распространение русские заимствованные слова получили в районе первых русских поселений в низовьях рек Юкона и Кускоквиа, а также в районе Бристольского залива, где и поныне еще сохранились русские православные церкви. К наиболее распространенным заимствованным словам автор относит слова, обозначающие пищу, одежду, жилище, орудия труда. Так, например, в селениях Тузунике, Везеле, Слейтмунт и Иллиане отмечены русские заимствованные слова *картофель, кофе, конфета, масло, молоко, мука, сало, сахар, хлеб, чай, бумага, карман, платок, пальто, полотенце, шаль, сапог, шельк, ситец, чулок, бочка, золото, камни, лавка, сковорода, стакан, стекло, стена, стол, судно, чайник, часы, чашка, капкан, капсюль, карабин, кольцо, коньки, молоток, ножик, ножницы, очки, паролод, спички* и др. Интересны наблюдения автора в отношении проникновения русских слов в весьма отдаленные и изолированные эскимосские пункты, где не было русских поселений. В такие отдаленные пункты, как, например, эскимосские поселки на острове Нунивак, русские слова проникали, повидимому, вместе с вещами, которые они обозначали.

В статье приводится ряд интересных этимологий заимствованных слов. Слово *казак*, утвердившееся в языке аляскинских эскимосов еще во времена первых казачьих походов, позже стало названием русского человека, а в некоторых селениях употреблялось для названия «священника». После 1867 г., когда на Аляске появились американцы, их тоже стали называть *казаками*, а оставшихся русских — «настоящими казаками» (ср.: *касок* «американец», *касапик* «русский», буквально: «настоящий казак»; суффикс *-пик* выражает значения «настоящий», «истинный»).

Указывая на отсутствие письменности на родном языке в эскимосских школах, автор статьи говорит о том, что «в эскимосских селениях полуострова Аляски многие мужчины и некоторые женщины умеют писать на своем языке, используя алфавит, составленный для них примерно в 1825 г. великим миссионером среди алеутов и на Аляске Иваном Вениаминовым» (стр. 423), являющимся, как известно, автором первой и непревзойденной грамматики алеутского языка, изданной в 1846 г. Петербургской Академией наук. Хаммерих отдает должную дань талантливому русскому исследователю алеутско-эскимосского языка и отмечает, что «принципы транскрипции Вениаминова намного превосходят» все принципы транскрипции, установленные в американской эскимологии как в прошлом, так и в настоящее время (стр. 424).

Устойчивость влияния русского языка на эскимосский ярко иллюстрируется фактами из речи эскимосов селения Uziuki (от русского «Узенький»), в котором эскимосы еще и поныне при общении с иностранцами употребляют русский язык (стр. 420). Указывая на то, что заимствованные слова упрощаются и адаптируются по нормам эскимосского языка, автор отмечает особенности ударения в русском и эскимосском языках. Отсутствие фонематического ударения в эскимосском языке, по мнению автора, компенсируется слоговым ударением, долгие слоги имеют более сильное ударение, чем краткие. В заимствованных словах русский ударный слог становится долгим в эскимосском произношении, что достигается путем удлинения гласного. Автор делает некоторые любопытные наблюдения над звуковыми особенностями эскимосского языка, необходимые для характеристики звуковых изменений в заимствованных словах. В эскимосском языке имеется только четыре фонематических гласных — *a, y, u, y;* в нем отсутствуют звонкие согласные *b* и *d*; сibilлянты, сонанты и велярные звуки качественно и количественно отличны от русских, поэтому заимствуемые слова в большинстве случаев принимают видоизмененный звуковой облик. Все эскимосские имена в своей исходной форме имеют, кроме гласных, только три конечных согласных — *k', k, n*. Указанные звуковые особенности в должной мере учитываются автором при характеристике заимствованных слов.

Необходимо, однако, заметить, что некоторые утверждения автора относительно форм заимствованных слов являются спорными или по крайней мере присущими только языку аляскинских эскимосов. Автор утверждает, что «почти все русские заимствованные слова, безотносительно к их конечному звуку в русском, имеют в эскимосском суффикс *-к*» (стр. 415). Между тем для языка азиатских эскимосов (чаплинский и науканский диалекты) форма заимствуемого слова определяется как его исходной (русской) формой, так и звуковыми особенностями эскимосского языка. Ср.:

В русск. яз.	У азиат. эскимосов	У аляск. эскимосов (по Хаммериху)
<i>банка</i>	<i>па : нка</i>	<i>па : nkaq</i>
<i>газета</i>	<i>каси : та</i>	<i>каси : taq</i>
<i>сахар</i>	<i>сяха : ра</i>	<i>ša : xalaq</i>
<i>адрианополь</i>	<i>трасту</i>	<i>dra : stu</i>
<i>сентябрь</i>	<i>ситября</i>	<i>sinta : bra</i> и т. п.

Характерной особенностью языка эскимосов Аляски является то, что он во многих случаях не использует собственных средств для наименования новых предметов и понятий. Наоборот, язык азиатских эскимосов, заимствуя большое количество русских слов, в то же время интенсивно использует собственные лексико-грамматические возможности для выражения этих новых понятий, например:

В русск. яз.	У азиат. эскимосов	У аляск. эскимосов (по Хаммериху)
<i>бумага</i>	<i>йгак'</i>	<i>luma : raq</i>
<i>карандаш</i>	<i>игасик'</i>	<i>kalanta : saq</i>
<i>коньки</i>	<i>скитык</i>	<i>kanka : k</i>
<i>ложка</i>	<i>альк'утак'</i>	<i>lu : skaq</i>
<i>пароход</i>	<i>ан'вак'нак</i>	<i>palahu : taq</i>
<i>самолет</i>	<i>тын'йхкаюк</i>	—
<i>подушка</i>	<i>аким</i>	<i>putu : skaq</i>
<i>скворода</i>	<i>путарак'</i>	<i>skulu : taq</i>
<i>топор</i>	<i>к'альк'алима</i>	<i>tupu : luk</i>
<i>чай</i>	<i>к'аюк'</i>	<i>ča : joq</i>
<i>чайник</i>	<i>к'аюн'ляясик'</i>	<i>čai : neq</i> и т. п.

Значительное количество заимствованных из русского языка слов, приведенных в списке проф. Хаммериха, записано, повидимому, от лиц, не являющихся эскимосами или плохо знающих эскимосский язык. Такие слова, как *брат, собака, лисица, рог, невод*, являются, без сомнения, словами основного словарного фонда эскимосского языка. Терминология родства, названия животных, частей тела, предметов быта и орудий труда, как известно, в эскимосском языке составляют весьма обширную группу слов, поэтому отнесение указанных выше слов к заимствованным является, повидимому, не совсем точным, так как каждое из них имеет живые и устойчивые эскимосские формы.

Работа проф. Хаммериха в целом носит характер предварительного отчета о непосредственных наблюдениях автора над языком эскимосов Аляски. Эскурсы историко-этнографического характера, которыми изобилует статья, отражают субъективные взгляды автора на историческое прошлое описываемого им народа, однако они в известной мере помогают читателю восстановить картину прежней и современной жизни эскимосов Аляски и показать причины столь глубоких следов русского культурного влияния на их бытовой уклад и язык.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЯЗЫКОВЕДЫ ДОЛЖНЫ ИЗМЕНИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ
К ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

«Так как слова сохраняют и передают представления, то из этого следует, что нельзя ни усовершенствовать язык без усовершенствования науки, ни науку без усовершенствования языка и что как бы ни были достоверны факты, как бы ни были правильны представления, вызванные последними, они будут выражать лишь ошибочные впечатления, если у нас не будет точных выражений для их передачи», — писал А. Л. Лавуазье в «Предварительном рассуждении из „Начального учебника химии“»¹. Лавуазье — виднейший ученый химик, а не лингвист, но он хорошо определил роль и значение слова в науке, их органическую взаимосвязь.

В науке и технике, как известно, важную роль играют слова-термины, каждое из которых имеет одно, строго определенное значение. Именно наличие этой категории слов точного значения знаменует совершившийся в данной области переход от эмпирических знаний и догадок к точному знанию.

Однозначность, краткость, точность — основные требования, предъявляемые к термину.

Терминолог, создающий или упорядочивающий терминологическую систему, работает, имея в своем распоряжении общий словарный состав языка и терминируемые понятия; он должен при этом хорошо знать строительные свойства словарного состава языка, правила словообразования. Он должен также хорошо знать сами терминируемые понятия, так как в термине должны быть отражены некоторые существенные признаки понятий, — это условие обеспечивает точность создаваемого термина.

Таким образом, терминолог должен иметь знания и языковеда, и техника. Но таких универсальных специалистов нет, и трудно предполагать, что все, занимающиеся составлением и упорядочением терминологий, в состоянии быть одновременно и в равной мере квалифицированными языковедами и техниками. Следовательно, для успешной работы в области научно-технической терминологии необходима совместная работа языковедов и техников.

Практика работы по упорядочению терминологии в любой отрасли науки и техники показывает, что более 90% всего труда затрачивается на составление системы и определение понятий. На упорядочение или построение собственно терминов затрачивается немного времени: участники этой работы, придавая главное значение точности термина, далеко не всегда хорошо владеют языковыми средствами его построения и часто не учитывают неудобства того или иного термина. И здесь ведущая роль должна принадлежать языковедам: они должны выработать рекомендации для терминологов — как построить или выбрать наиболее удобный термин, чтобы он был краток, легко произносим и легко усваивался. Кроме того, языковедческая теория должна определить принципиальную возможность построения системы терминов, например, за счет специализации аффиксов. Известно, что химики применяют этот метод для своей терминологии².

¹ См. «Успехи химии», 1943, вып. 5, стр. 359.

² Например, Международный союз по теоретической и прикладной химии рекомендовал правила номенклатуры органических соединений, согласно которым: «Именования насыщенных углеводородов с прямой цепью образуются из греческих числительных и характеризуются окончанием „ан“: пентан C_5H_{12} , декан $C_{10}H_{22}$, триакоктан $C_{30}H_{62}$... Названия ненасыщенных углеводородов образуют заменой окончания „ан“ предельных углеводородов окончанием, характеризующим наличие и число кратких связей. Двойная связь обозначается окончанием „ен“, две двойных связи — „диен“, три — „триен“ и т. д. Тройная связь — „ин“, две тройных связи — „диин“ и т. д... Органические

Может ли русский язык иметь систематизирующее значение в технической терминологии, как, например, латынь в ботанике?¹ Положительное решение этого вопроса сыграло бы прогрессивную роль в деле построения и упорядочения терминологии, а значит и в деле прогресса технических наук. Но решить этот вопрос могут только те, у кого есть глубокие знания языка и хорошее представление о термилируемом объекте.

Первые попытки построения терминологических систем (XVIII — XIX вв.) были основаны главным образом на использовании языковых средств, в частности на специализации аффиксов. Этот метод впервые был применен Лавуазье (1789 г.), затем русскими академиками Шерером, Захаровым, Севергиным, Соловьевым (1800—1820 гг.) и некоторыми другими химиками. Попытки химиков в основном удалась, если не считать работы Шерера, пытавшегося механически перенести французскую систему суффиксов в русский язык, и отчасти работы акад. Захарова, занявшего позицию крайнего пуризма в отношении иноязычных заимствований в терминологии. Из успешной попытки химиков, однако, нельзя делать вывода об универсальном значении специализации суффиксов для построения любой системы технической терминологии, так как химия имеет свои особенности, благоприятствующие применению этого метода. Эти особенности заключаются в том, что основные химические термины обозначают вещества, причем: 1) каждое вещество может соединяться с другими веществами; отсюда большое число возможных словосочетаний; 2) некоторые химические соединения состоят из большого числа элементов или носящих особые названия группы элементов.

Из сказанного следует, что использование языковых средств для систематизации терминологии может быть успешным, но оно не может быть одинаковым для всех отраслей науки и техники. Для каждого отдельного случая языковеды с помощью специалистов соответствующей области знания должны находить новые методы использования языковых средств, учитывая те или иные особенности термилируемых объектов.

Такова, по нашему мнению, сущность работы языковедов по созданию теории построения термина.

К сожалению, языковеды недооценивают необходимость своей активной работы в области разработки научной и технической терминологии. Это стало плохой традицией. До середины XIX в. отчуждение языковедов от вопросов терминологии было явным и почти демонстративным. Но эта позиция была настолько очевидно не отвечающей запросам науки и техники, что ее пришлось несколько изменить. В «Ученых записках Второго отделения Академии наук отражено изменение этой позиции элементальности» следующим образом: «С течением времени, при быстром распространении просвещения и отечестве нашем, родилась новая потребность: вместо отделения языка от науки и жизни, теснейшее соединение родного слова с наукою и жизнию. Новая деятельная сила раскрылась в нас, добывающая из недр своих образцы для каждой мысли, для каждого оттенка чувства — сила, которая все разнообразие мира слов приводит в стройную, народную речь, запечатленную духом народным. Эта сила есть наука, ее могуществом дух человеческий, объемля собою всю природу и претворяя в свое собственное существо, воспроизводит из себя новый мир в слове...»².

Приведенное здесь правильное понимание значения и роли терминологии не получило, однако, практического применения. Многократные обращения к языковедам с призывом участвовать в практических мероприятиях по построению и выбору технических терминов не встречали сочувствия с их стороны; техника приходилось выполнять эту работу без участия языковедов, и естественно, что вследствие отсутствия профессионального знания языковых средств они пользовались ими неумело, создавая иногда неудобные термины и часто без надобности прибегая к иноязычным

соединения и рассматривают как производные углеводородов и называют по исходным углеводородам с указанием префиксами и суффиксами наличия, природы и числа заместителей. Так, спирты и фенолы обозначают суффиксом «ол», алколы... пропанол... Альдегиды обозначают суффиксом «аль», кетоны — суффиксом «он»...» (ВСО², т. 30, стр. 128—129).

¹ В латинской номенклатуре животного мира, начало систематизации которой дал Линней (1707—1778 гг.), а затем Кювье (1769—1832 гг.), наименования отрядов, семейств и видов характеризуются соответствующими, по возможности однообразными окончаниями. Следуя той же системе, Линней разработал также номенклатуру растительного царства (например, в ботанике окончания *altes* обозначают тип, *ine/ae* — класс, *ac/ae* — семейство, *oid/ae* — род, *e/ae* — вид). В технике применение специализации суффиксов для целей терминологии почти не встречается. В качестве примера можно упомянуть только термины—названия свойств металлов (*хладноломкость*, *ковкость*, *акалливаемость* и т. п.); но это настолько редкий случай, что ввести его в систему пока нельзя.

² «Ученые записки Второго отд-ния Акад. наук», кн. 1, СПб., 1854, стр. XVIII—XIX.

заимствованиям. Тем временем количественный состав терминов чрезвычайно вырос, и качественные недостатки терминологии стали все в большей степени затруднять работу ученых, педагогов, специалистов-производственников.

Развитие понятий в технике, особенно если оно происходит бурно, в известной степени создает благоприятные условия для массового заимствования иноязычных терминов и создания различного рода жаргонных терминов, что в свою очередь оказывает тормозящее действие на создание отечественной технической терминологии на научной основе. В СССР это особенно заметно было в 30-х годах XX в. Делались, например, попытки навязать работающим в области технической терминологии убеждения в неполноценности русской терминологии и даже русского алфавита и в преимуществе иностранных алфавитов (даже их букв в перевернутом виде) и так называемых международных терминов. Все это, конечно, оправдывалось «научными» целями, как, например, в статье Е. А. Шилова, предлагавшего заменить такие русские термины, как *железо*, *медь* и т. д., словами *Ferrum*, *Cuprum*¹. Одинакового мнения с Е. А. Шилковым был и Э. Х. Фрицман, утверждавший, что «единообразие и есть международность, а для ее осуществления служит лишь один путь: международный латинизированный научный язык...»²

Только незнанием богатств и творческих возможностей русского языка и неправильным пониманием задач и путей международной стандартизации терминологии можно объяснить отказ от построения терминологии на базе русского языка. Действительная задача международной стандартизации терминологии состоит в строго однозначном определении термилируемых понятий, а национальные термины должны полностью соответствовать требованиям удобства их применения на своем родном языке. В то же время национальный термин обязательно должен отражать содержание термилируемого понятия. Искусственное введение так называемых международных терминов создает лишь внешнее впечатление международной терминологии, так как чаще всего под этим «международным термином» в различных странах, да и отдельными учеными и специалистами в одной стране понимается далеко не одно и то же. Задача широкого внедрения техники в массы, подготовка сотен тысяч специалистов в вузах и техникумах требует создания терминологии, построенной на базе русского языка. Безразличие языковедов к судьбе терминологии сказывается здесь самым отрицательным образом.

В 1933 г. по инициативе акад. С. А. Чаплыгина был организован Комитет технической терминологии Академии наук СССР. Техники были вынуждены взяться за разработку вопросов теории построения и отбора терминов, т. е. за дело языковедов. Конечно, при этом непроизводительно много времени ушло на освоение техниками истины, для лингвистов являющихся прописными. Работая долгое время, и не без ошибок, техники все же разработали некоторые положения в области теории построения и отбора терминов³.

За период с 1933 г. и до настоящего времени языковеды не создали такой научной работы, которую терминологи могли бы использовать как руководство в своей теоретической и практической работе в области построения и отбора терминов. Это тем более странно, что языковеды хорошо понимают роль и значение терминологии в науке, в образовании понятий и т. п. Однако все эти вопросы обычно ставятся в языковедческих работах в общей форме, тогда как необходима конкретная теория построения и подбора терминов, научное руководство в практической работе терминологов.

Проблема построения и упорядочения терминологии возникает всюду, где встает вопрос о широком развитии национальной науки и техники и укреплении международных научных и культурных связей. Именно поэтому проблема терминологии так живо интересует страны народной демократии, Китай, Индию. Из этих стран за последние годы в Комитет технической терминологии АН СССР приезжали делегации ученых, поступали многочисленные запросы по теории и практике терминологической работы. Комитет не мог полностью удовлетворить все поступающие запросы из-за слабости именно языковедческой части в работе по систематизации терминологии, по построению и подбору терминов. Комитет технической терминологии АН СССР ничем

¹ См. Е. А. Ш и л о в, К реформе русской химической номенклатуры, «Успехи химии», 1933, вып. 6.

² Э. Х. Ф р и ц м а н, К вопросу о реформе русской химической номенклатуры, «Успехи химии», 1934, вып. 3, стр. 487.

³ См. следующие работы Д. С. Л о т т е: «Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов» (М.—Л., 1941); «Изменения значений слов как средство образования научно-технических терминов» (ИАН ОТИ, 1941, №№ 6, 7, 8); «Омонимы в научно-технической терминологии» (ИАН ОТИ, 1944, № 1—2); «Образование системы научно-технических терминов. Элементы термина» (ИАН ОТИ, 1948, № 5); «Образование системы научно-технических терминов. IV — Построение кратких форм терминов путем пропуска составляющих» (ИАН ОТИ, 1949, № 10).

не может помочь здесь и нашим союзным республикам, в которых ведется терминологическая работа (Грузия, Латвия и др.).

Видные советские ученые — академики С. А. Чаплыгин, С. И. Вавилов и др. — правильно оценивали роль и значение технической терминологии, уделяя ей много труда и внимания. Акад. С. И. Вавилов говорил, что «дело это очень серьезное и большое, и дело это не временное, потому что терминология, как известно, меняется, по мере роста науки появляются новые термины... Нужда в этом деле чрезвычайно большая»¹.

В работе научных комиссий Комитета технической терминологии АН СССР принимает участие около 400 ученых, создавая и приводя в порядок терминологию различных отраслей науки и техники. Их труд был бы еще более продуктивен, если бы в этой большой творческой работе приняли участие языковеды. Участие языковедов в терминологической работе помогло бы создать такую русскую техническую терминологию, которая была бы точной, краткой и однозначной; оно сделало бы также возможным оказание активной научной методологической помощи союзным республикам; наконец, оно позволило бы нам занять еще более активную позицию в деятельности международных организаций, работающих над вопросами терминологии, что содействовало бы развитию и укреплению международных связей в области науки и культуры.

В. Н. Костров

¹ Стенограмма Распорядительного заседания Президиума АН СССР 21 декабря 1948 г. См. также А. М. Терпигорев, Об упорядочении технической терминологии, ВЯ, 1953, № 1.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ В ПЕКИНЕ ПО ВОПРОСАМ РЕФОРМЫ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И НОРМАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

15 октября 1955 г. Министерством просвещения КНР и Комитетом по реформе китайской письменности была созвана в Пекине Всекитайская конференция по реформе письменности, продлившаяся девять дней; с 25 по 31 октября там же проходила Научная конференция по вопросу о нормах современного китайского языка, созванная Академией наук КНР.

Эти две конференции знаменуют собой начало работы, направленной на ускорение реформы письма, на распространение общенационального языка «путунхуа» («общераспространенный язык»), как его называют в Китае, и — в связи с этим — на нормализацию этого общего языка. Достигнутое в результате победы народной революции небывалое в истории Китая единство народа всей страны, развертывание при самом активном участии народных масс социалистического строительства и социалистических преобразований настоятельно требуют устранения всего того, что мешает китайскому языку в его устной и письменной форме должным образом выполнять свою роль как орудия борьбы и общественного развития. Вместе с тем все это создает и предпосылки к успешному решению данной задачи.

Основные помехи, которые должны быть устранены, — это громоздкая и сложная система письма, недостаточная распространенность сложившегося на базе северного диалекта общенационального языка и недостаточная ясность и точность норм этого языка. Все указанные вопросы теснейшим образом связаны между собой. Вот почему работа обеих конференций была посвящена по существу двум сторонам одной и той же задачи. Первая конференция, наметив общее направление и методы реформы письменности и сделав первый шаг по пути ее упрощения, вместе с тем установила, что предпосылкой коренной реформы письма является всемерное распространение путунхуа как исторически сложившегося общего языка китайской нации. Вторая — всесторонне рассмотрела теоретические проблемы и конкретные задачи, связанные с распространением путунхуа и дальнейшей его нормализацией.

1

Председатель Комитета по реформе китайской письменности проф. У Юй-чжан, сделавший основной доклад на первой конференции, подробно осветил современное состояние китайской письменности, пути и методы ее реформирования. Отметив огромную роль, которую сыграла китайская иероглифическая письменность в истории культуры китайского народа и народов ряда соседних стран (Японии, Кореи, Вьетнама), ее роль в народной революции как средства распространения марксистско-ленинского образования, указав также на то, что эта письменность будет еще более широко применяться в течение довольно длительного периода и в дальнейшем, проф. У Юй-чжан перешел к характеристике ее недостатков.

Ряд цифр и фактов, которые он привел, достаточно ярко говорят о том, насколько затрудняет сложность этой письменности работу по распространению грамотности, культуры и просвещения. Общее количество более или менее употребительных в современном языке иероглифов достигает шести-семи тысяч. Вместе с тем большая часть этих иероглифов очень сложна по своему графическому составу. В результате, несмотря на то, что сложность письма вынудила перейти на двенадцатилетнюю систему обучения в средней школе, школа все же не обеспечивает достаточной грамотности. Более того, даже выпускники вузов не знают всех необходимых иероглифов и часто делают ошибки в их написании.

Как указывает проф. У Юй-чжан, сами народные массы издавна стремились упростить свою письменность и накопили в этом деле богатый опыт. Однако только

в настоящее время, когда народ взял власть в свои руки и достигнуто небывалое сплочение всей страны, появилась возможность организованно и планомерно разрешить этот вопрос.

Метод проведения реформы, предлагаемый Комитетом по реформе китайской письменности, основывается на указаниях тов. Мао Цзэ-дуня, который говорил, что письменность должна быть при определенных условиях реформирована, что реформа эта должна пойти по пути, общему для всех письменностей мира, — по пути перехода на фонетическое письмо, а также на его указания о необходимости проработать для этого большую подготовительную работу. Соответственно работа по реформированию письма разбивается на два этапа. Задачи первого этапа — упрощение существующих иероглифов с целью облегчить пользование ими в настоящее время и проведение подготовки к переходу на фонетическое письмо. Задача второго этапа — коренная реформа письменности, т. е. переход на фонетическое письмо.

Работа по упрощению существующей иероглифической системы письма заключается в постепенном и планомерном введении в печатные издания и, следовательно, в законодании, как нормативных, прежде всего тех упрощенных знаков, которые возникли в общественной практике и уже издавна применяются в письме для замены сложных иероглифов или их составных частей. При этом каждая очередная намеченная к такому законоданию группа упрощенных знаков подвергается общественному обсуждению, предварительно применяется практически в нескольких периодических изданиях и только после того, как она будет одобрена народными массами, вводится в печатные издания во всей стране.

В 1955 г. уже испробованы на практике и получили одобрение две группы упрощенных иероглифов, заменяющие 141 сложный иероглиф. На конференции был установлен список в 512 упрощенных иероглифов и 56 упрощенных элементов иероглифов, которые предполагается ввести в печатные издания небольшими группами в течение ближайших двух лет, после чего должен быть подготовлен новый список очередной серии упрощенных знаков. Кроме того, на конференции был установлен список вариантов написания иероглифов, которые должны быть изъяты из обращения, что позволит несколько сократить общее количество иероглифов, употребляемых в практике.

Подготовка к коренной реформе — переходу на фонетический алфавит — будет заключаться в разработке, обсуждении и опробовании на практике фонетического алфавита, в изучении словарного состава и связи с вопросами орфографии, в обследовании местных диалектов, в изучении опыта проведения реформы письменности в других странах, особенно в странах, использовавших китайскую иероглифическую письменность или продолжающих частично пользоваться ею.

Однако, как отмечает проф. У Юй-чан, главное, что необходимо для успешного перехода на фонетический алфавит, — это принятие единой произносительной нормы и распространение единого произношения по всей стране. Для этого необходимо всемерное распространение сложившегося в процессе развития китайского языка общего языка китайской нации — пунгунхуа, основанного на пекинской произносительной норме. Распространение пунгунхуа необходимо не только для перехода на фонетическое письмо, оно имеет огромное значение и для сплочения самого китайского народа, сплочения всех национальностей внутри Китая и укрепления связей с другими народами.

Конференция заслушала также доклад министра просвещения КНР Чжан Си-жо на тему «Всемерно распространить пунгунхуа, основанный на пекинской произносительной норме», обсудила представленные Комитетом по реформе китайской письменности «Исправленный проект упрощения иероглифов» и «Проект первого списка вариантов иероглифов, подлежащих изъятию из употребления», а также заслушала и обсудила доклад члена Комитета Е Гун-чо о работе по упрощению иероглифов.

Во всем названном докладе конференция приняла следующие решения:

1. Рекомендовать Комитету по реформе китайской письменности передать «Исправленный проект упрощения иероглифов» на рассмотрение и утверждение Государственного совета. Просить Государственный совет опубликовать данный проект и ввести его в действие.

2. Обязать все периодические издания и культурно-просветительные учреждения широко пропагандировать упрощенные китайские иероглифы, ввести эти иероглифы в употребление во всех школах; издательствам и типографиям немедленно приступить к отливке новых матриц, в кратчайший срок ввести упрощенные иероглифы в печать и изъять из употребления признанные излишними графические варианты иероглифов.

3. Обязать Комитет по реформе китайской письменности продолжить свою работу по упрощению иероглифов и изъятию графических вариантов и, используя предложения общественности, как можно скорее завершить работу по упрощению и упорядочению китайской иероглифической письменности.

4. Рекомендовать Министерству просвещения КНР дать указания всем начальным и средним школам, а также всем педагогическим учебным заведениям о необходи-

мости всемерного распространения путунхуа, основанного на пекинской произносительной норме; органам народного просвещения дать указания о необходимости обязать всех преподавателей родного языка окончить курсы по изучению путунхуа. Рекомендовать передачу вопроса о методах распространения путунхуа в воинских частях на усмотрение Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая.

5. Рекомендовать во всех провинциях и крупных городах страны создать Комитеты по распространению путунхуа в целях привлечения всей общественности, а также различных организаций — особенно радиостанций и домов культуры — к агитации за изучение и применение путунхуа.

6. Рекомендовать Академии наук КНР в сотрудничестве с заинтересованными высшими учебными заведениями провести по всей стране обследование диалектов и составить пособия и справочники по путунхуа, для того чтобы облегчить населению районов, говорящих на местных диалектах, изучение путунхуа.

7. Рекомендовать Министерству культуры КНР и заинтересованным ведомствам принять меры к дальнейшему переходу на горизонтальное расположение строк в печатных изданиях.

Рекомендовать государственным учреждениям, воинским частям, учебным заведениям и общественным организациям переходить на горизонтальное расположение строк в официальных бумагах и переписке.

8. Рекомендовать Комитету по реформе китайской письменности в возможно короткий срок составить предварительный проект фонетического алфавита для китайского языка и передать его для широкого обсуждения и пробного использования.

2

Вопросам, связанным с распространением и нормализацией общенационального языка, был посвящен основной доклад второй конференции, подготовленный директором Института языкознания Академии наук КНР проф. Ло Чан-пзем и его заместителем проф. Люй Шу-сяном. В докладе подчеркивается, что в условиях народной демократии, в эпоху, когда Китай идет к социализму и все более широкие массы активно включаются в общественную жизнь, неизмеримо вырастает роль как печатного, так и устного слова, а вопросы языка становятся вопросами всенародного значения. Отсюда — острая потребность в едином, распространенном по всей стране национальном языке китайского народа, с точными нормами как в его письменной, так и в устной форме. Этот общий язык китайской нации — путунхуа — уже сложился, но еще не получил достаточно широкого распространения, многие еще говорят только на диалектах, а сам этот язык еще не имеет точных и ясных норм.

Авторы доклада указывают, что путунхуа основывается на северном диалекте, на котором говорит свыше 70% всех китайцев (387 млн. человек). Однако следует учесть, отмечают они, что на остальных семи крупных диалектах говорит свыше ста пятидесяти миллионов человек, а при огромном населении и размещении его на обширной территории не только северяне и южане испытывают трудности при общении между собой, но и уроженцы одной провинции и даже одного уезда различаются по своему произношению. Северный диалект (как и все другие), таким образом, и сам распадается на множество более мелких диалектов и говоров. Расхождения между различными диалектами и говорами особенно значительны в фонетическом отношении, в меньшей степени они проявляются в области словаря и грамматики. Однако в совокупности они достаточно велики, чтобы взаимопонимание между носителями разных диалектов могло быть установлено только после некоторого их приспособления к речи друг друга.

Недостаточно точны и ясны и нормы современного литературного языка (байхуа), сложившегося на основе того же северного диалекта. Засорение его словами, дублирующими друг друга без всяких различий в оттенках и употреблении, неустойчивости в употреблении многих слов (особенно обозначающих абстрактные понятия), произвольное словотворчество, злоупотребление аббревиатурами, неясности в вопросах грамматических конструкций, расхождения в произношении одних и тех же слов свидетельствуют о том, что и здесь есть ряд проблем, которые должны быть решены. Все это вместе взятое дает некоторое представление о масштабе и сложности задач, стоящих сейчас перед китайскими языковедами и перед всем китайским народом.

В докладе отмечалось, что Коммунистическая партия Китая и Народное правительство уже давно обратили серьезное внимание на этот вопрос. Еще 6 июня 1951 г. газета «Жэньминьжибао» в передовой статье призвала «правильно пользоваться родным языком, бороться за чистый и здоровый язык».

С развитием народного хозяйства и путей сообщения применение путунхуа расширяется, однако в районах, где господствуют местные диалекты, данный язык получил некоторое распространение только в крупных городах. В этих районах даже преподавание в большинстве школ ведется на диалектах. Тем не менее широкие массы китайского народа чем дальше, тем все острее ощущают нетерпимость такого положения, стре-

мится овладеть путунхуа, стараются разобраться в его нормах. Назрел момент для развертывания массового движения за нормализацию национального языка и его распространение по всей стране.

Далее в докладе рассматривались некоторые общие вопросы, связанные с нормализацией языка. Первой задачей в деле нормализации общенационального языка авторы доклада считают выяснение путей сложения общенационального языка и отношения этого языка к диалектам. Они указали, что в период формирования национального языка, помимо развития письменного языка, постепенно складывается и единый разговорный язык, причем оба языка в своем развитии взаимодействуют, постепенно сливаясь друг с другом. Литературно обработанный национальный язык становится литературным языком. Авторы полагают, что национальный язык развивается на основе одного диалекта, но никогда не берет при этом всего, что есть в диалекте-основе. В течение некоторого времени он питается и за счет других диалектов; формирование национального языка вовсе не предполагает в качестве предварительного условия исчезновения диалектов.

Обращаясь к современному состоянию китайского языка, докладчики указали, что Китай давно уже имеет письменный язык, возникший на основе устной речи. Первоначально он явственно хранил следы влияния разных диалектов, однако, несомненно, что уже в Ханьскую эпоху (III в. до н. э. — III в. н. э.) наряду с диалектами существовал и «общий язык». Постепенно старый письменный язык (вэньянь) оторвался от устной речи и на смену ему появился новый письменный язык (байхуа), близкий к живому разговорному языку и основанный на северном диалекте. Этот язык впервые отразился в некоторых памятниках литературы эпохи Тан (VII—IX вв.). Это и был источник письменной формы китайского национального литературного языка. При этом произведение на байхуа распространялись и писались не только в районах северного диалекта, что свидетельствует о том, что данный язык в известной степени имел уже общенародный характер.

Однако вследствие реакционной языковой политики правящих классов старого Китая до начала XX в. старый литературный язык — вэньянь — превалировал почти во всех областях письменной языковой практики. Только движение 4 мая 1919 г. впервые поколебало господствующее положение вэньяня. Все же вэньянь занимал довольно важное место в прессе, документации и коммерческой переписке вплоть до 1949 г. И только после победы народной революции новый литературный язык — байхуа — стал вытеснять вэньянь.

Общий разговорный язык, как указывают докладчики, возникает не позже XIV в. В XVI в. уже встречаются упоминания о гуаньхуа (общем языке, основанном на северном произношении), проникавшем даже в районы южнее Янцзы и противопоставлявшимся местным диалектам. Однако распространение гуаньхуа отставало от байхуа, так как байхуа можно было выучиться по книгам, овладеть же северным произношением по книгам, написанным иероглифами, было невозможно. После революции 1911 г. термин «гуаньхуа» постепенно вытесняется, заменяясь терминами «гоюй» («общегосударственный язык») и «путунхуа» («общераспространенный язык»).

Процесс формирования общенационального языка ускоряется к началу XX в. После революции 1911 г. правительство пыталось в декретном порядке провести «объединение языка через объединение чтения иероглифов». Определенную роль для распространения северного (пекинского) произношения сыграло движение за китайский национальный алфавит, так называемый «чжунь цзыму», и новую латинизированную письменность. Однако успехи, достигнутые в деле распространения северной (пекинской) произносительной нормы по всей стране, были совершенно недостаточны.

После освобождения страны вопрос о китайском национальном языке в результате всестороннего обсуждения был решен следующим образом: в Китае уже существует общий язык китайской нации — путунхуа, однако он недостаточно нормализован. Диалектная основа нового литературного языка шире пекинского говора. Путунхуа в фонетическом отношении строится на пекинской произносительной норме, но некоторые звуки, а также лексические и грамматические явления, специфические для пекинского говора и относительно чуждые для других диалектов, не входят в этот язык. Тем не менее, поскольку только конкретный живой язык имеет нормы, обладающие внутренним единством, ясно, что в основном нужно опираться на пекинский говор, добиваясь именно на этой основе внутреннего единства норм китайского национального языка.

Вторая проблема, которая требует решения, касается соотношения письменного и устного языка, характерных черт, которые являются общими для письменного и устного языка или специфическими для одного из них, соотношения литературного языка и диалектов, источников пополнения и обогащения литературного языка, необходимости изучения языка народных масс и культуры речи.

Третья проблема — это проблема нормализации языка и индивидуальных стилей. Авторы доклада считают, что нормализация языка отнюдь не противоречит многообразию литературных стилей, не исключает и индивидуальных стилей.

Четвертая проблема, по мнению докладчиков, состоит в определении того, как относиться к борьбе между традиционной нормой и вновь возникающими изменениями. На этот вопрос они отвечают так: в каждом отдельном случае, решая вопрос о необходимости или ненужности того или иного языкового средства, следует учитывать направление развития китайского языка в целом, исходить из внутренних законов развития китайского языка.

Пятая задача касается участия языковедов в деле нормализации языка. Возникновение национального литературного языка свидетельствует о том, что, когда язык в своем развитии достигает определенного этапа, он проявляет тенденцию к нормализации. Изучая законы развития языка, языковеды через познание этих законов могут перейти и к воздействию на развитие языка, ускорению его нормализации. Однако в ходе этой работы следует учитывать, что если, с одной стороны, неправильно было бы стоять на позиции невмешательства в процесс развития языка, то, с другой стороны, не следует впадать в ошибки субъективистского толка, грубо навязывая языку какие-либо нормы.

3

Для того чтобы ускорить нормализацию языка, авторы доклада рекомендовали следующие мероприятия: принять меры к внедрению путунхуа в школах, к нормализации языка радио, сцены, кино; создать курсы путунхуа по радио; изучать марксистское языковедие и научиться применять его принципы к китайскому языку; изучить опыт других стран в области нормализации языка; провести ряд научных исследований в различных областях. В докладе были намечены следующие конкретные объекты работы:

1. **С л о в а р и.** Докладчики считают, что до сих пор нет словаря, который отражал бы подлинную картину словарного состава современного китайского языка. Нужны словари слов, а не только иероглифов. Для этого нужно решить целый ряд научных проблем. Кроме обычного словаря, нужен еще большой словарь, охватывающий весь китайский язык, с древности до наших дней, терминологические словари, фонетический словарь, словарь синонимов, словарь служебных слов, словарь идиоматических выражений. Кроме толковых словарей, нужны различные двуязычные словари. На первых порах следует составить нормативный словник ходовых слов, который принесет большую пользу при решении самых различных задач.

2. **Г р а м м а т и ч е с к и е и с с л е д о в а н и я.** Докладчики указывали на то, что сейчас нет ни одной грамматики, которая была бы удовлетворительной по систематичности изложения теории, по полноте и правильности даваемых в ней грамматических норм. Причина этого, по мнению докладчиков, заключается в том, что изданные грамматики не имеют базы в виде фундаментальных монографических исследований частных вопросов. Нужно в ближайшие годы найти приемлемую для всех грамматическую систему и, высвободив часть сил для проведения исследований частных вопросов, на основе данных этих исследований непрерывно совершенствовать принятую систему.

3. **О б с л е д о в а н и е д и а л е к т о в.** Докладчики считают, что для научной постановки преподавания путунхуа и помощи изучающим его самостоятельно нужно детальное обследование диалектов и составление пособий на основе сопоставления путунхуа и диалектов. Изучение диалектов должно дать также ценнейший материал для истории языка, для познания его внутренних законов, опираясь на которые следует направлять работу по нормализации языка.

4. **У ч е б н ы е п о с о б и я и м е т о д и к а п р е п о д а в а н и я.** Это — важная часть общей работы, непосредственно связанная с распространением путунхуа.

В конференции по вопросам нормализации современного языка участвовали научные работники — языковеды Пекина и других городов, преподаватели китайского языка, а также писатели, переводчики, актеры театра и кино, драматурги, работники радио, прессы, издательства, работники стенографии. Общее число участников достигало 126 человек. Кроме того, в работах конференции приняли участие языковеды Советского Союза, Польши, Румынии и Кореи (всего 7 человек).

Заслушав и обсудив доклад проф. Ло Чан-пэя и проф. Люй Шу-сяна, а также ряд выступлений на пленарных и секционных заседаниях, участники конференции единодушно признали своевременность созыва данной конференции и успешность ее работы.

На конференции было решено выдвинуть следующие конкретные предложения:

1. Рекомендовать Академии наук КНР пригласить несколько специалистов и создать Комиссию по изучению произносительной нормы путунхуа, которая должна будет исследовать и определить произношение всех часто употребляющихся слов путунхуа. Комиссии надлежит в годичный срок составить «Орфографический словарь употребительных слов путунхуа». Одновременно комиссия должна выполнять обязанности консультанта по вопросам произношения для радиовещания, кино и театров.

2. Рекомендовать Академии наук КНР совместно с заинтересованными ведомствами пригласить 5—7 специалистов и создать Комиссию по планированию словар-

ной работы. В обязанности комиссии должны входить: 1) обследование наличного состава работников, материалов и состояния работы в существующих ныне словарных учреждениях и выработка предложений о необходимых мерах по их реорганизации; 2) составление детального плана работы над «Словарем современного китайского языка»; 3) выработка наметок плана работы над другими словарями различных типов и представление рекомендаций о том, кому должно быть поручено их составление. Комиссия должна в шестимесячный срок представить отчет о своей работе Академии наук КНР.

3. Рекомендовать Академии наук КНР, Министерству высшего образования и Министерству просвещения в кратчайший срок составить план проведения в течение двух лет первичного сплошного обследования местных диалектов. При этом следует учесть формы проведения работы по единому плану параллельно в разных районах и методы подготовки кадров обследователей. Вместе с тем следует учитывать, что предстоящее обследование имеет своей целью помочь распространению путунхуа, а методы обследования должны быть простыми и удобными на практике.

Для удовлетворения насущных потребностей сегодняшнего дня рекомендовать всем университетам и педагогическим институтам до начала летних каникул 1956 г. составить и издать справочники по путунхуа для всех провинций и крупных городов.

4. Рекомендовать Институту языкознания Академии наук КНР и высшим учебным заведениям усилить между собой связи в научно-исследовательской работе по языку, систематически обмениваясь материалами и докладами о проделанной исследовательской работе, и издавать «Информационные бюллетени».

5. Рекомендовать Институту языкознания АН КНР, филологическим факультетам университетов и редакциям лингвистических журналов путем проведения докладов, обсуждений, собеседований и создания исследовательских групп повсюду организовывать работников языкового фронта и людей, склонных заняться исследованием языка, и планомерно направлять их работу.

6. Рекомендовать издательствам, редакциям журналов и газет, а также радиоцентрам, театрам и кино усилить контроль за качеством языка рукописей и вести широкую пропаганду нормализации китайского языка среди читателей, зрителей и слушателей.

В заключение участники конференции выразили глубокую уверенность в том, что под руководством партии и правительства, при сотрудничестве и поддержке всех слоев населения дело нормализации китайского языка несомненно увенчается успехом; все присутствовавшие на конференции обязались отдать все свои силы борьбе за это дело.

Н. Н. Коротков

ИЗУЧЕНИЕ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИИ

Македонский литературный язык — самый молодой из славянских литературных языков. Он был создан во время второй мировой войны. Правда, еще до войны выходили книжки стихов, авторы которых пытались писать на различных македонских диалектах, однако в то время еще не было условий для создания литературного языка.

Во время войны на занятой партизанами македонской территории печатались газеты, инструкции и приказы. «Так как большинство первых партизан было из Велеса и его окрестностей, циркуляры, приказы и пропагандистская литература писались на языке, который в своей основе имел велеский говор»¹. Позже, однако, диалектная основа литературного языка изменилась. Новый литературный язык мог развиваться только на основе центральных говоров (говоры Битоля, Поречья, Прилепа). «В основу литературного языка было положено центральное македонское наречие... Этим самым был окончательно установлен самостоятельный македонский литературный язык»².

Нет ничего удивительного в том, что язык изданий первых лет не имел строгой нормализации. Для урегулирования вопросов орфографии и языка Министерство народного просвещения Македонии организовало Комиссию языка и орфографии,

¹ «Razvoj makedonskog književnog jezika», «Ilustrirani vjesnik», Zagreb, 1947, broj 105, стр. 8.

² Там же.

которая составила проект «македонской орфографии». Этот проект был утвержден 7 июня 1945 г.

В течение длительного времени центром изучения македонского языка являлась кафедра южнославянских языков философского факультета Скопльского университета, возглавляемая проф. Блаже Конеским. С января 1950 г. эта кафедра начала издавать журнал «Македонски јазик». Ежегодно выходило десять выпусков. В 1953 г. был организован Институт македонского языка, который в настоящее время направляет всю научно-исследовательскую работу в этой области. С 1954 г. журнал «Македонски јазик» становится органом института. В начале 1954 г. было организовано «Общество македонского языка и литературы», которое издает свой журнал «Литературен збор» (выходит четыре номера в год).

В первом номере журнала «Македонски јазик» (январь 1950 г.) перед специалистами-языковедами были поставлены задачи: 1) создать возможно скорее научную грамматику литературного языка; 2) составить словарь македонского языка и разрабатывать вопросы терминологии; 3) вести постоянную борьбу за чистоту языка в литературе, печати, радио, театре и особенно в школе, в связи с чем обратить особое внимание на подготовку учебников по родному языку.

В решении этих важнейших задач имеются известные достижения. Так, из печати вышел двухтомный труд проф. Б. Конеского (Б. Конески, Грамматика на македонскиот литературен јазик, Скопје: дел I — 1952; дел II — 1954). В первом томе «Грамматика» находим описание звукового строя современного литературного языка. Здесь дана краткая акустико-физиологическая характеристика гласных и согласных, определены основные позиционные изменения звуков, охарактеризованы важнейшие типы чередований. Наибольший интерес в первом томе представляет большой раздел (стр. 123—174), посвященный ударению. Автор достаточно подробно описывает все случаи фразеологического ударения, характерные для македонского языка. Второй том посвящен морфологии и словообразованию. При описании отдельных морфологических категорий автор всегда характеризует их употребление.

В 1952 г. в Скопье вышла «Грамматика македонского литературного языка» Г. Ланта, на английском языке (H. G. Lunt, A grammar of the macedonian literary language, Skopje, 1952). Первая часть книги дает краткое описание фонетики и орфографии и подробный очерк морфологии, причем особое внимание автор уделил глаголу. Вторая часть грамматики содержит тексты на македонском языке, третья — краткий македонско-английский словарь. Книга предназначена для иностранцев и носит практический характер.

Большое внимание отдельным вопросам грамматического строя литературного языка уделяет журнал «Македонски јазик». В нем систематически печатаются статьи по вопросам фонетики и грамматики (например, статья Б. Видоевского «Классификация глаголов в нашем литературном языке», Б. Корубина «Употребление и значение предлога на в современном македонском языке», Б. Маркова «Предлог *за* и его значение» и др.). В настоящее время подготовлены две диссертации по современному литературному языку (Р. Угрицова «Глагольные префиксы в македонском языке» и Б. Марков «Продуктивные именные суффиксы в македонском языке»). По отдельным вопросам грамматики среди македонских языковедов возникали дискуссии (например, по вопросу об употреблении относительных местоимений).

Как было указано выше, составление словаря македонского языка признано важнейшей задачей языковедов. В начале 1951 г. Министерство просвещения, науки и культуры приняло специальное решение по этому вопросу и назначило Комиссию по созданию словаря македонского языка, в которую вошли профессора Б. Конески, М. Петрушевски и К. Тошев. В настоящее время эта задача возложена на Институт македонского языка. Уже собран обширный материал и теперь полным ходом идет составление большого толкового словаря. Параллельно с составлением словаря проводится большая работа в области терминологии.

Естественно, что македонские языковеды уделяют много внимания практическим вопросам, прежде всего упорядочению орфографии, преподаванию родного языка в школе, языку газет, радио, театра. Еще в 1945 г. вышел из печати краткий «Македонски правопис», подготовленный Комиссией языка и орфографии при Министерстве народного просвещения («Македонски правопис», Скопје, 1945). В 1950 г. Б. Конески и К. Тошев издали подробный очерк македонской орфографии и орфографический словарь (Б. Конески и К. Тошев, Македонски правопис со правописен речник, Скопје, 1950). В 1946 г. вышло первое издание «Македонской грамматики» К. Кепеского, утвержденное Министерством просвещения в качестве учебника для средних школ (К. Кепески, Македонска граматика, Скопје, 1946). Перед составителем первой грамматики нового литературного языка стояли, конечно, большие трудности. Однако критика справедливо указала на многочисленные методологические и методические ошибки, которых можно было бы избежать (см., например, рецензию М. Соколовского «Нужно больше внимания при составлении наших учебников», опубликованную в газете «Нова Македонија» 30 марта 1947 г.). В 1950 г. вышло из печати третье переработанное издание грамматики. Подробный разбор нового издания был сделан

проф. К. Тошевым, который положительно оценил разделы морфологии и синтаксиса, отрицательно — раздел фонетики, указав, кроме того, на бедность и невыразительность многих примеров (см. К. Т о ш е в, Новото издание на македонската граматика од К. Кенески, «Македонски јазик», Скопје, 1950, број 9—10). В настоящее время находятся в печати учебники по грамматике македонского языка (для четырех классов), которые заменят учебник Кенеского. В начале 1956 г. в Скопие вышла из печати грамматика македонского языка Б. Горубина («Македонска граматика за V одделение и I клас»). В ближайшее время выйдут пособия для других классов.

В журнале «Македонски јазик» систематически публикуются статьи о языке газет, радио, театра, указываются погрешности в языке, пути их исправления.

Мы остановились на тех задачах, которые были поставлены перед македонскими лингвистами в начале 1950 г. Естественно, что лингвисты не могли ограничиться решением только указанных задач. Углубленное изучение грамматического строя литературного языка, фонетики, составление словаря потребовали от них исследования народных говоров и письменных памятников.

Изучению народных говоров в эти годы лингвисты уделили много внимания. Несколько специальных монографий по диалектологии было опубликовано кафедрой южнославянских языков Скопльского университета. Ряд исследований и статей опубликовал журнал «Македонски јазик».

Благодаря трудам В. И. Григоровича, Д. Матова, В. Облака, М. Григорова, А. М. Селищева, А. Мазона, А. Вайана, А. Белича, М. Малецкого, К. Мирчева и других славистов многие говоры Македонии были всесторонне изучены. Однако до сих пор ряд очень важных говоров изучен недостаточно, о некоторых македонских говорах мы не имеем никаких сведений. Естественно, что большое внимание уделяется в настоящее время изучению центральных говоров, играющих большую роль в развитии современного литературного языка. Ряд исследований посвящен северным и восточным говорам.

Проф. Б. Кенески в 1949 г. опубликовал исследование «Прилепскиот говор» («Годишен зборник. Филозофски фак-т на ун-тот — Скопје», кн. 2, 1949). Большую работу в области диалектологии ведет молодой лингвист Б. Видоески. В 1950 г. в Скопие была опубликована его дипломная работа — «Поречкиот говор». Позже появились его статьи о говорах: Велеса — «Белешки за говорот на селата Мелница и Горно Врановци во Велешко» («Македонски јазик», 1951, број 9—10), Кратова — «Местото на акцентот во кратовскиот говор» («Македонски јазик», 1952, број 3), Крива Паланка — «За вокалната система на кривопалянечкиот говор» («Македонски јазик», 1953, број 5—6) и, наконец, большая монография о северных македонских говорах — «Северните македонски говори» («Македонски јазик», 1954, кн. 1, 2). В настоящее время Б. Видоески заканчивает диссертацию о кумановском говоре.

Кафедра южнославянских языков университета опубликовала еще ряд дипломных работ по диалектологии (М. К о н е с к а, Мариовскиот говор, 1951; Р. У г р и н о в а, Говорите во Скопско, 1951; И. Ф и л и п с к и, Неготинскиот говор, 1952; П. М и х а й л о в, Градскиот дебарски говор, 1954).

Много статей по различным вопросам диалектологии публикуется в журнале «Македонски јазик» (статья Р. Петковского об охридском говоре, Т. Маневича об овчепольском говоре и о переходе *џб* в *џа* в некоторых македонских говорах и др.).

В области изучения истории македонского языка ряд работ опубликовал в Скопие проф. Б. Кенески: «Македонската литература и македонскиот литературен јазик» (1945); «Македонските учебници од 19 век» (1949); «Два прилога кон историјата на македонскиот јазик» («Годишен зборник. Филозофски фак-т на ун-тот — Скопје», кн. 2, 1949); «Македонската литература во 19 век» (1950); «Една одломка од XIII век — споменик од Охридската школа» [«Годишен зборник на филозоф. фак-т на ун-тот в Скопје. Ист.-филол. оддел», кн. 3 (1950), № 1], 1950; «Еден охридски текст од 19 век» («Македонски јазик», 1951, број 5) и др.

Институт македонского языка готовит к изданию ряд старых текстов. В 1954 г. опубликовано македонское евангелие попа Иована (XII—XIII вв.) с исследованием проф. В. Мошина (Загреб). Проф. Б. Кенески подготовил и печати отрывки апостола второй половины XIII в. и написал исследование о языке памятника. Труд находится в печати.

В 1953 г. Институт македонского языка опубликовал библиографию по македонскому языку, составленную Б. Видоеским — «Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик». В ней учтены почти все издания по македонскому языку до 1952 г.

С. Б. Бернштейн

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

17—19 октября 1955 г. в Кишиневе по инициативе Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР было проведено совещание языковедов Молдавской ССР с участием представителей Москвы, Киева и Черновцов. Всего на совещании присутствовало до 700 человек научных работников, аспирантов, студентов, учителей, писателей, работников газет и издательств. Предметом совещания были вопросы развития молдавского литературного языка.

С большим интересом присутствующими был заслушан доклад акад. В. В. Виноградова «Общие закономерности развития литературных языков». В докладе было отмечено широкое употребление и разнообразное понимание термина «литературный язык». Между тем литературный язык — не подлежащая никакому сомнению языковая реальность; это — языковое явление с ярко выраженной общественной санкцией, крайне важное по своему культурно-общественному значению.

Изучение литературного языка неизбежно требует исследования таких явлений, как, во-первых, диалекты и жаргоны, во-вторых, общенародный «разговорный язык», «письменный язык» и, наконец, речевой стиль, стиль языка и «стиль» литературы. Ясно, что нельзя обойтись при изучении литературного языка без связи с социальной историей данного народа и с историей его культуры. Учитывая широту самой проблемы литературного языка, надо помнить о научном и практическом ее значении.

Необходимо обратиться к истории языков для того, чтобы установить: за чем именно в этой истории конкретно закрепляется обозначение «литературный язык». В ряду таких языков на первом месте должны быть поставлены языки тех современных народов, история которых начинается с глубокой древности. Наиболее длительной историей из всех языков мира обладают языки некоторых народов Индии и язык китайского народа; длительную историю имеют также языки греческие, иранские, армянский, грузинский, корейский; далее следуют языки «молодых» народов, т. е. тех народов, историческая жизнь которых началась со средних веков; это языки народов романских, германских, славянских и др.

Важно проследить развитие литературных языков этих народов на всем протяжении их истории, а не только на ее новом или новейшем этапе. Содержание понятия «литературный язык» меняется и имеет разный объем применительно к тому или иному историческому периоду. Лишь изучение литературных языков в движении поможет определить масштабы проблемы литературного языка, раскрыть природу последнего, показать закономерности исторических изменений и установить влияние их на самое существо этого явления.

Проблема «язык и общество» — одна из центральных в советском языкознании. История языка находится в непрерывной связи с историей народа. В развитии языка не могут не отразиться исторические изменения в структуре и социальной сущности народа. Многие языковеды склонны видеть в развитии каждого языка три этапа: племенные диалекты, язык народности и национальный язык. Но механическое перенесение этой схемы в историю различных литературных языков недопустимо.

Разговорный язык народности часто бывает очень далек от письменно-литературного языка. Так, ход развития русского литературного языка в древний период, в донациональную эпоху осложнялся параллельным изменением церковнославянского языка русской редакции в разных жанрах литературы и письменности, а также многообразными процессами взаимодействия этих двух языков.

В период национального развития литературный язык не составлял обособленной от разговорного общенародного языка системы при выдержанности норм речевого употребления и разнообразии стилей речи.

В развитии национальной культуры особенно велико значение художественной литературы, которая выступает как организующий фактор в самом процессе формирования и развития национального языка.

К числу общих закономерностей древнейшего периода развития литературных языков на народной основе следует отнести диалектный характер ранних памятников письменности. Поэтому при изучении истории литературного языка необходимо изучать и древние территориальные диалекты с целью выяснения условий взаимодействия диалектов в процессе формирования письменно-литературного языка и его норм. В определенной области общения возможно функционирование чужого языка. По отношению к донациональной эпохе развития литературного языка выступает понятие «литературного (или культурного) диалекта». Ярким примером может служить соотношение немецкого литературного языка и диалектов в эпоху, предшествующую образованию нации.

Далее в докладе были приведены данные о функционировании чужих языков в качестве литературных у ряда народов, поставлены вопросы о «проницаемости» языкового строя при взаимодействии языков, была отмечена некоторая односторонность в исследовании памятников русского языка эпохи народности. Все внимание

исследователей, как указывалось в докладе, было обращено на изучение восточнославянских элементов в составе языка этих памятников. Докладчик особенно отметил значительную роль старославянского языка для восточнославянских литературных языков, в частности для русского.

К числу постоянных признаков литературного или культурного диалекта следует отнести замедленность, заторможенность его развития. Хотя ведется борьба за «чистоту» литературного языка, но он остается под воздействием живых диалектов. В эпоху народности развитие письменного языка происходит в направлении создания «риторического стиля», который постепенно становится непонятным широким кругам.

Первая задача для изучающего литературный язык состоит в том, чтобы установить отношения литературного языка к системе данного языка в грамматическом, лексическом и фонетическом аспектах. Вторая задача — изучение движения литературного языка, выражающегося в переходе от одних его форм — в смысле совокупности грамматических, лексических, фонетических признаков, образующих целостную систему, — к другим формам. История литературных языков ставит вопрос о соотношении движения общенародного языка в целом с движением литературного языка, о соотношении темпов этого движения в обоих случаях. Важен также вопрос о расхождении сфер народного языка в целом и литературного языка.

Своеобразие развития литературного языка требует специфического подхода к нему и ставит перед исследователем много задач и проблем. Особенное значение имеет проблема исторически изменяющихся взаимоотношений между литературным, общенародным разговорным языком и его диалектами. От решения ее во многом зависит понимание специфики внутренних законов развития литературного языка.

Проблема общей закономерности развития национальных литературных языков требует ответа на следующие три вопроса: 1) об исторических взаимодействиях литературного языка и языка художественной литературы; 2) о понятиях «стилей языка», «стилей речи» и «стилей художественной литературы»; 3) о процессах нормализации развития литературного языка, их социальной сущности, о понимании нормы в разные периоды истории литературного языка.

В докладе были приведены примеры сосуществования народного и чужого языков (испанский и галисийский в Испании, итальянский и провансальский в Италии) и предложены принципы деления истории литературного языка на четыре периода (на французском языковом материале).

Доклад канд. филол. наук А. Т. Борща (Кишинев) «Вопросы периодизации молдавского литературного языка» содержал в себе попытку обосновать деление истории молдавского литературного языка на четыре периода. Первый период (II—IX вв.) связан, по мнению докладчика, с существованием и последующим распадом восточнороманской народности. Во второй период (IX—XIV вв.) происходит процесс формирования молдавской народности и ее языка, особенно интенсивно протекающий в связи с возникновением молдавского государства. С этими двумя периодами связана дописменная и долитературная история молдавского языка. Завершается процесс превращения строя латинского языка в строй восточнороманский. Третий период — период языка молдавской народности — охватывает XIV—XVII вв.; XVIII в. докладчик считает переходным между третьим периодом и четвертым (XIX—XX вв.) — периодом образования молдавской нации и молдавского национального языка.

Два последних периода характеризуются развитием письменных памятников на молдавском языке — сначала переводных, по преимуществу религиозных, позднее оригинальных, светских по содержанию. В третьем периоде возникают литературные диалекты и говоры, отражающие особенности территориальных диалектов и говоров. С четвертым периодом связано формирование единого литературного молдавского языка, базирующегося на основных говорах и диалектах Молдавии при доминирующей роли лесских говоров в начальный период, при возрастающем значении говоров нынешней Молдавской ССР как источника обогащения молдавского литературного языка в советское время.

Современным литературным языком молдавской нации следует считать язык литературных памятников XIX и XX вв., включая сюда и советский период. По мнению докладчика, памятники до XVIII в. написаны на древнем молдавском литературном языке.

Канд. филол. наук Н. Г. Корляту (Кишинев) поставил вопрос о единых языковых нормах в современном молдавском языке. В своем докладе «Проблема литературной нормы в современном молдавском языке» он коснулся вначале общих соображений об **устойчивости** общеобязательных норм. По мнению докладчика, единых языковых норм в молдавском литературном языке донационального периода (до конца XVIII — начала XIX в.) не существовало. Все же и при феодальной раздробленности была тенденция к созданию **единых норм**.

Молдавские писатели внесли существенный вклад в развитие литературного языка и способствовали установлению языковой нормы. Особенно значительную роль для

молдавского языка сыграли произведения М. Эминеску. Очевидно, стабилизация языковой нормы возможна при высоком культурном уровне значительного числа говорящих на данном языке.

Непрерывное изменение и развитие языка приводит к нарушению установленной нормы. На примере причастия глагола *a sta* можно видеть, как языковые изменения происходят по закону аналогии. Важное место в нормализации молдавского языка должны занять стилистика и культура речи: при их помощи можно поставить и решать вопросы о борьбе с диалектизмами, с заимствованиями без надобности, с неправильностями словоупотребления. Выразительность, чистота и ясность молдавского литературного языка являются самыми необходимыми элементами культуры молдавского народа.

Докладчик считает, что эта цель может быть достигнута лишь при условии устранения того разброда и неувязок, которые до сих пор бытуют в разных сферах молдавского языка. Необходима строгая нормализация современного молдавского литературного языка на основе тщательного изучения литературного и лингвистического наследия, а также исследования различных стилей народно-разговорного языка.

Канд. филол. наук И. К. В а р т и ч а н (Кишинев) посвятил свой доклад «К вопросу о традиции и преемственности в молдавском литературном языке» выяснению неясных и спорных положений. С 1924 по 1950 г. происходили бесплодные искания путей создания и упорядочения молдавского литературного языка. Свободная дискуссия в газете «Правда», объединенная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Молдавского филиала в 1951 г. с участием языковедов Москвы, Ленинграда и других городов способствовали выяснению задач и перспектив развития молдавского языкознания.

Молдавский народ обладает богатым культурным, в частности литературным наследием: славяно-молдавские грамоты (XIV—XVI вв.), летописание XVII—XVIII вв., классическое литературное наследие. Начало разработки литературной классики поставило вопрос о традиции в языке, без учета которой трудно решить такие сложные задачи, как совершенствование и обогащение современного молдавского литературного языка.

Своеобразие молдаво-румынского литературного процесса в XIX в. не получило еще убедительного освещения. Известно, что часть бывшего Молдавского государства — Бессарабия отшла в 1812 г. к России. Однако культурно-языковые связи не прерывались. Писатели Запрудья молдаване Г. Асаки, К. Негруци, В. Александри, М. Эминеску, И. Кригэ и др. (многие из которых проводят известное время в Бессарабии) испытывали на себе животворное воздействие со стороны русской переводной культуры и литературы. Своим творчеством и художественной практикой они помогли росту молдавской литературы и обогащению литературного языка. В то же время бессарабские писатели К. Стамати, А. Дониц, А. Руссо, А. Хаждэу, Б. П. Хаждэу, И. Сырбу, А. Матеевич и др., тоже приобщившиеся к прогрессивной культуре и литературе великого русского народа, внесли свой вклад в литературу и язык народа, населяющего Запрудье и Румынию.

В 1859 г. Запрудье вошло в состав Румынского государства. Таким образом, в румынскую культуру влилось все созданное и в области литературы и языка. Отсюда можно сделать вывод, что такие деятели молдавской культуры и литературы, как книжники и первопечатники Варлаам и Досифей, летописцы Г. Уреке, М. и Н. Костини, И. Некулче, как просветитель и писатель Д. Кантемир, писатели Г. Асаки, К. Стамати, К. Негруци, А. Руссо, В. Александри, М. Эминеску, И. Кригэ, А. Матеевич и др., являются представителями не только советской Молдавии, но и народно-демократической Румынии.

В свете такого понимания процесса складывания литературно-языковой традиции возможно успешное решение вопроса о молдавской классике и литературном языке. Надо смело использовать, по мнению докладчика, вековой опыт народа и плодотворную практику его лучших представителей-классиков XIX в. для создания богатого и гибкого молдавского литературного языка, а также заимствовать все ценное и приемлемое из современного румынского языка.

Канд. филол. наук В. П. С о л о в е в (Кишинев) сделал доклад на тему «О лексических заимствованиях в молдавском литературном языке». Заимствованные слова проникают в язык двумя путями: устным и книжным. Книжные лексические заимствования проникли в молдавский язык через общественно-политическую, научную, публицистическую и художественную литературу.

Проблема неологизмов не ставилась в древней молдавской литературе, и каждый писатель решал самостоятельно вопрос об использовании новых слов в зависимости от учения, от характера своего произведения. Проблема неологизмов является в основном проблемой стилистической, проблемой мастерства.

Иноязычные заимствования преобразуются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по законам заимствовавшего их молдавского языка. Отношение к иноязычным словам в наши дни должно строиться на разумном и

целесообразном использовании тех лексических единиц, которые отсутствуют в языке, не забывая, что, по словам Белинского, «из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие»¹.

Доклад «К вопросу о диалектной основе молдавского литературного языка» сделала канд. филол. наук Ф. И. К о ж у х а р ь (Кишинев). Обилие описательного материала, нечетко классифицированного, и избыток предложенной схемы диалектного деления помешали докладчику не только решить вопрос о диалектной основе молдавского литературного языка, но даже его научно поставить. В отличие от других докладов доклад по молдавской диалектологии не вызвал интереса у собравшихся.

Канд. филол. наук. И. Ф. М о к р я к (Кишинев) посвятил свое выступление теме «Временные отношения в сложном предложении современного молдавского литературного языка». Удачно подобранные примеры способствовали убедительности выводов.

Преподаватель Н. Н. Р о м а н е н к о (Кишинев) отметил значение сессии 1951 г. и предложил издать наряду с докладами текущего совещания также доклады прошлой сессии на молдавском языке. Им были затронуты вопросы культуры языка и указаны ошибки в очерках «Молдавская советская литература» (Кишинев, 1955 [на молдав. яз.]).

Преподаватель средней школы Б. И. В а к с м а н (Кишинев) отметил отсутствие в школьной грамматике разделов, посвященных специфическим особенностям молдавского языка. Приведя ряд аргументов, он показал своеобразие деепричастных и причастных оборотов в современном молдавском языке.

Аспирантка ИИЯЛ Т. П. И л ь я ш е н к о затронула в своем сообщении вопрос о стилистических функциях вспомогательного глагола *a fi* в современном молдавском языке. Ее выступление содержало ряд ценных наблюдений по поводу употребления различных форм этого глагола.

Преподаватель В. А. К о м а р и ц к и й (Кишинев) пытался охарактеризовать развитие молдавского языкознания с 1951 по 1955 г., но не сумел сделать нужных обобщений.

Научный сотрудник ИИЯЛ В. С. С о р б а л а затронул вопрос о самостоятельности фонем *ж* и *д ж*; он привел интересный диалектологический материал, собранный им в северных районах.

Писатель Р. А. П о р т н о й (Кишинев) нашел доклады Борца, Корляту и Вартчаца мало актуальными. Коснувшись вопроса о качестве переводов классиков марксизма-ленинизма, Р. А. Портной пытался всю вину за ошибки возложить на Н. Г. Корляту. Он высказал недовольство тем, что в русско-молдавском словаре недостаточно используются писатели-классики.

Аспирант Киевского ун-та В. С. С е м ч и н с к и й говорил о славянских заимствованиях в восточнороманских языках, упрекнув В. П. Соловьева за недооценку славянизмов. Внесенное им предложение об организации в Кишиневе магазина румынской художественной и научной книги было встречено общим одобрением.

Научный сотрудник ИИЯЛ А. С. Л а з а р е в а сделала сообщение о вкладе И. Некулче в молдавскую лексику.

Канд. филол. наук В. А. Л и с и ц к и й (Черновцы) посвятил свое выступление диалектологии и исторической фонетике молдавского языка. Он отметил отсутствие серьезных исследований в этой области, а также слабость методологических установок у кишиневских диалектологов. Основной задачей, по его мнению, является составление молдавского диалектологического атласа, работу по которому буковинские диалектологи уже начали.

Доктор филол. наук Р. А. Б у д а г о в (Москва) в своем выступлении характеризовал надежную систему молдавского и румынского языков. Коснувшись природы надежа, Р. А. Будагов предложил свое понимание восточнороманской надежной системы. Он является сторонником теории существования двух надежей в восточнороманских языках в отличие от традиционного положения о четырех надежах. В конце выступления Р. А. Будагов высказал пожелание о приглашении румынских ученых для участия в наших сессиях и отметил различие в позициях на сессии 1951 г. и настоящей в оценке взаимоотношений молдавского и румынского языков.

Преподаватель Г. Ф. Б о г а ч (Кишинев) в своем выступлении, отмечая значение дискуссии об орфографии, упрекал Молдавский филиал в том, что он остался в стороне от этого мероприятия. Соглашаясь с И. К. Варшавном по вопросу о близости молдавского и румынского языков, Г. Ф. Богач защищал тезис об их тождестве. Он предложил практические мероприятия: составить школьную нормативную грамматику, расширить издание румынских и молдавских классиков, установить постоянный контроль над языком газет и радио, организовать совещание по лексике и стилистике.

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Полное собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. IX, СПб., 1910, стр. 375.

Научный сотрудник ИИЯЛ В. П. К о р о б а и отметил основные этапы развития литературного языка. Характеризуя эти этапы, он привел примеры из Кантемира и Александри, указав на своеобразие их стилей.

Канд. филол. наук Ф. Т. Ж и л к о (Киев) сделал сопоставление молдавского языка с украинским, указав на несходство путей их изучения. По его мнению, без хорошо разработанного (с учетом специфики материала) вопросника не может быть речи об успешном решении главной задачи — составления диалектологического атласа. Ф. Т. Жилко рекомендует наряду с собиранием данных разговорного языка начать изучение языка молдавского фольклора.

Писатель Е. Н. Б у к о в (Кишинев) свое выступление построил как практик и публицист. Он говорил о том, что при опубликовании книг и статей приходится преодолевать немало препятствий: в издательствах и газетах, например, зачастую запрещено употреблять коренные молдавские слова. У современных писателей, сказал он далее, встречаются нередко синтаксические неправомерности. В связи с этим необходимо создать хорошие учебники, изъять из обращения устаревшие и негодные, решить основные вопросы терминологии, повысить квалификацию редакционных работников и улучшить практику переводов. Е. Н. Буков убедительно говорил о закономерности сближения молдавского языка с русским. Признавая желательность нормализации литературного языка, он призывал к осторожности в этой большой и трудоемкой работе, которая, несомненно, потребует привлечения молодых кадров.

Преподаватель Р. Я. У д л е р (Черновцы) рассказал об изучении молдавских говоров на Буковине, в Закарпатье и в б. Измаильской области. Программа по собиранию диалектологического материала, составленная ИИЯЛ, не была принята кафедрой романской филологии Черновицкого ун-та. Силами кафедры обследовано 45 сел Черновицкой области; результаты сопоставлены с данными румынских диалектологических атласов и исследований Вейганда, Герцога и др. Р. Я. Удлер сомневается в методологической обоснованности доклада Ф. Ш. Кожухарь и высказанных ею положений о делении молдавского языка на диалекты. Собранный материал по фонетике не дает оснований говорить о коренных расхождениях молдавского и румынского языков.

Канд. филол. наук Д. Е. М и х а л ь ч и (Москва) выступил с рядом замечаний по поводу прослушанных докладов и выступлений. Неудачным, сказал он, следует признать доклад Ф. Ш. Кожухарь, особенно проигрывающий на фоне выступлений диалектологов Киева и Черновца. Вряд ли следовало Г. Ф. Богачу так преувеличивать значение орфографической дискуссии. Тревожные сигналы о недостатках в переводах должны быть приняты во внимание ИИЯЛ. Отметив несомненный рост молодого поколения молдавских языковедов, Д. Е. Михальчи привел ряд примеров недостаточного и несвободного владения разговорным русским языком молодыми аспирантами. В связи с проблемой истории молдавского общенародного языка и молдавского литературного языка он отметил необходимость тесного контакта в работе с историками и археологами. Для усюнения раннего этапа становления и развития молдавского языка нужно наладить эпиграфическое и палеографическое исследование молдавских памятников, а также их научное издание. Положительно расценивая издание молдавских классиков и избранных произведений М. Садовяну, Д. Е. Михальчи отметил такую несообразность, как помещение в приложении к историческому роману Садовяну «Неоарэ Подкоаза» списка молдаванизмов, который нужен только читателю румыну. Издание советских молдавских писателей в Румынской Народной Республике с небольшими стилистическими отклонениями от кишиневских изданий также говорит в пользу серьезного рассмотрения важного вопроса о сближении и близости молдавского и румынского языков.

Кроме того, в обсуждении докладов приняли участие гг. С. И. Горячник, Н. А. Корчинский и др. В заключение на сессии выступил заведующий Отделом науки и культуры ЦК КП Молдавии К. Ф. И л ь я ш е н к о. Отметив отсутствие органической связи между докладами и сообщениями, он указал, что наступило время подвергнуть глубокому историческому исследованию вопрос об общности румынского и молдавского языков.

ВТОРОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

С 28 по 30 ноября в Институте языкознания АН СССР проходило Второе координационное совещание по вопросам диалектологии языков народов СССР, созванное Координационной комиссией при Президиуме Академии наук СССР¹.

В совещании приняли участие, помимо сотрудников Института языкознания АН СССР, представители институтов академий наук Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Грузинской, Казахской, Латвийской, Литовской, Туркменской, Украинской, Киргизской и Эстонской союзных республик, Марийской, Мордовской, Северо-Осетинской и Удмуртской автономных республик и Башкирского, Дагестанского, Казанского, Карело-Финского, Молдавского, Коми и Якутского филиалов АН СССР, а также представители Латвийского и Томского государственных университетов.

Совещание открыл доктор филологических наук проф. Р. И. Аванесов (Институт языкознания АН СССР). Затем был заслушан и обсужден ряд докладов, а также обсуждена инструкция по методике диалектологических наблюдений, составленная, согласно решению Первого координационного совещания, С. В. Бромлей.

В докладе проф. П. С. Кузнецова (Москва) «Значение диалектологических исследований для сравнительно-исторического языкознания» на большом иллюстративном (преимущественно славянском) материале была показана необходимость привлечения диалектных данных при сравнительно-историческом изучении групп или семей родственных языков. Именно в диалектах может быть сохранен ряд архаических явлений, отсутствующих в литературном языке. Это положение особенно важно при сравнительно-историческом изучении ранее бесписьменных языков, когда данные диалектологии, наряду с показаниями родственных языков, являются единственными источниками для построения истории языка. Так как некоторые диалектные явления могут быть представлены не только в диалектах данного языка, но и в других родственных языках, границы распространения диалектного явления могут выходить за пределы одного языка (ср. *аканье* в русском и белорусском языках); в связи с этим при изучении определенных диалектных явлений методами лингвистической географии может быть признано целесообразным составление диалектологических атласов групп или семей родственных языков (например, для прослеживания изменения *ѣ* в славянских языках). В заключительной части доклада П. С. Кузнецов остановился на проблеме субстрата (в связи с диалектологическими исследованиями) и предостерег против сближения родственных языков и диалектов на основе сходства явлений, восходящих и субстрату.

Доклад Ю. Ю. Секуса и З. П. Зинкявичюса «Некоторые новые данные литовских диалектов, важные для сравнительной грамматики балтийских языков» прочел З. П. Зинкявичюс (Вильнюс). В докладе содержится ряд конкретных примеров, показывающих, как данные литовской диалектологии помогают при разрешении вопросов истории литовского и других балтийских языков. Интересны сообщенные авторами сведения о считавшейся несуществующей в современных языках форме существительных и прилагательных с основой на *-й*, о сохранении остатков форм нетематического спряжения глагола в литовских говорах на территории Белорусской ССР; особый интерес представляют новые данные о формах местовменных прилагательных, позволяющие судить о хронологии образования сложных прилагательных в балтийских языках.

Доклад «О принципах составления диалектологических программ», написанный Р. И. Аванесовым и В. Г. Орловой (Москва), прочла В. Г. Орлова. Первая часть доклада была посвящена вопросам монографического изучения говоров, поскольку монографическое изучение говоров и изучение их методами лингвистической географии — это два основных вида и последовательных этапа диалектологического изучения языка, причем опыт монографического изучения говоров языков народов СССР еще никак не обобщен.

Пути сбора материала для монографии варьируются в зависимости от степени изученности языка и от того, является ли сам исследователь носителем данного языка. При монографическом изучении исследователь должен стремиться к возможно полному охвату всех сторон системы говора, поэтому структура монографии во многом определяется спецификой говора. Исходя из этого, авторы доклада сочли возможным предложить лишь некоторые общие положения по данному вопросу, которые могли бы лечь в основу инструкции для монографического изучения говоров. Изучение говора (независимо от степени изученности языка) следует начинать с исследования основных фонетических закономерностей — с установления состава фонем и их позиций распределения характерных чередований и их реализации в различных мор-

¹ О работе Первого всесоюзного совещания по координации диалектологической работы, состоявшегося в ноябре 1954 г., см. ВЯ, 1955, № 3.

фологических условиях. В области морфологии необходимо выяснить распределение лексики по различным грамматическим категориям. Трудности, связанные с исследованием синтаксиса, диктуют необходимость определенных временных ограничений при изучении синтаксической системы говора.

Основной формой изучения лексики в монографическом исследовании является составление словарей говоров; объектом диалектного словаря могут быть все специфические местные названия, в том числе и названия распространенных только на ограниченной территории предметов, процессов и явлений, а также названия, которые выделяются по типу словообразовательной модели, месту ударения, по наличию частных отличий в составе фонем. В монографическое исследование может входить изучение отдельных групп (пластов) лексики.

В результате сравнительного изучения данных монографического исследования говоров устанавливается группировка говоров и круг основных диалектных различий данного языка, после чего становится возможным создание диалектологических программ и переход к следующему этапу — изучению говоров методами лингвистической географии.

Вторая часть доклада посвящена принципам построения диалектологических программ. Программа для подготовки диалектологического атласа предусматривает сбор материала, характеризующего черты диалектных различий языка; структура каждого вопроса в программе должна определяться характером данного диалектного различия. Очень важна роль общих формулировок вопросов программы, которые составляются по-разному — в зависимости от того, к какой именно стороне языка относится диалектное различие. Отдельные вопросы программы иллюстрируются примерами, которые могут указывать на определенные лексические категории слов или быть принципиально лексически неограниченными. При этом возможность лексикализации явления специально оговаривается в общей формулировке вопроса.

Вопросы по фонетике и морфологии должны строиться на значительном по объему материале из основного лексического фонда языка. Предполагаемые варианты слов иллюстрируют только данное диалектное различие. Необходимо стремиться к исчерпывающему приведению вариантов, а также предоставить собирателю возможность включать в ответ новые, неизвестные варианты. Такой принцип построения программы, рассчитанный на обследование всех говоров данного языка, позволяет собрать материал о явлениях, дающих изоглоссы на территории распространения языка в целом.

Доклады О. Н. Мораховской, Л. Н. Булатовой и Л. П. Жуковой (Москва), посвященные принципам картографирования диалектных различий в области фонетики, морфологии и лексики, суммировали опыт работы по составлению атласов русских народных говоров, накопленный Сектором истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР. В докладах подчеркивалось, что при картографировании любого языкового материала необходимо показывать каждое диалектное явление с учетом его места в системе говора. С этим связано и то обстоятельство, что карты атласов русских народных говоров посвящаются диалектным различиям, независимо от того, представляют ли эти последние собой единичный факт или целую систему фактов, характеризующую какую-либо из сторон языка.

Докладчики наметили на материале русских говоров основные типы диалектных различий в фонетике, морфологии и лексике и показали, как с целью учета специфики картографируемого материала варьируются методы показа его на лингвистических картах. Картографирование фонетических и морфологических диалектных различий принципиально отличается от картографирования лексики тем, что в первых двух случаях могут противопоставляться не только отдельные явления, но и целые системы (например, картографирование системы предупредного вокализма в фонетике или целых парадигм в морфологии).

Ряд выступавших в прениях по докладам конкретными примерами из языков народов СССР подтвердили правильность высказанных П. С. Кузнецовым теоретических положений. Ш. И. Микаилов (Махач-Кала) говорил о целесообразности составления атласа для групп родственных языков при изучении многочисленных родственных языков Кавказа. М. Ш. Рагимов (Москва) отметил, что памятники языков, использовавших ранее арабские алфавиты, не отражают особенностей произношения; в связи с этим при изучении азербайджанских диалектов необходимо привлечение диалектных данных из родственных языков — туркменского, турецкого. Поддерживая мысль П. С. Кузнецова об особом значении диалектологии для ранее бесписьменных языков, Н. Т. Саурабаев (Алма-Ата) подчеркнул, что историзм при изучении младонисемных языков заключается главным образом в опоре на диалекты. М. Ш. Ширалиев (Баку), в дополнение к мысли П. С. Кузнецова, считает необходимым при изучении азербайджанских диалектов использовать не только сравнительно-исторический метод, но и сопоставительный метод — для сопоставления азербайджанских диалектов с соседними кавказскими языками.

Был обсужден ряд насущных практических вопросов диалектологической работы. М. Ш. Ширалиев, Н. М. Терещенко (Ленинград) указали на трудность публикации диалектологических материалов. В частности, Н. М. Терещенко сообщила, что материа-

ды по языкам народов Севера не публикуются и остаются большей частью в архивах, в то время как финские и венгерские ученые работают по материалам, опубликованным в XIX в. О необходимости публикации диалектологического материала говорили в своих выступлениях и Л. Н. Будатова и В. Г. Орлова.

М. Ш. Ширалиев, Ш. Ш. Сарыбаев (Казахская ССР) отмечали недостаточность обмена научными материалами и информацией между филиалами АН СССР и АН союзных республик. Многие выступавшие подчеркивали необходимость проведения региональных диалектологических совещаний по отдельным группам родственных языков. Н. Т. Сауранбаев отметил, что в полезности таких совещаний убеждает положительный опыт литераторов и историков.

В связи с поднятým Р. И. Аванесовым вопросом о применении звукозаписи в диалектологической работе высказались Н. М. Терещенко, С. С. Высотский (Москва), П. П. Баранков (Якутия), В. А. Сенкевич (Томск). Выступавшие отметили, что механическая запись живой речи в диалектологии применяется недостаточно. С. С. Высотский остановился на методике работы со звукозаписывающей аппаратурой в диалектологических экспедициях и рассказал о применении экспериментально-фонетической аппаратуры при диалектологических исследованиях; он выдвинул мысль о необходимости организации систематического обмена записями. Ф. Т. Жилко (Киев) констатировал, что основные положения трех докладов, посвященных картографированию, подтверждаются опытом работы над диалектологическим атласом украинского языка, и подчеркнул, что в процессе работы над атласом необходимо добирать материал и уточнять программу.

Кроме указанных лиц, в прениях выступали также: А. А. Беляков (Петрозаводск), М. А. Бородина (Ленинград), И. И. Кавгарадзе (Тбилиси), О. А. Константинова (Ленинград), Д. Г. Мартиросов (Тбилиси), Б. О. Орузбаева (Фрунзе), А. Я. Универе (Донецкая ССР).

Подводя итоги работы совещания, Р. И. Аванесов отметил, что оно сыграло положительную роль в дальнейшей организации диалектологической работы, и обратил внимание на необходимость более тесной связи диалектологов Советского Союза между собой и большей активности местных коллективов диалектологов. В решениях, выработанных совещанием, намечены основные практические мероприятия, необходимые для улучшения диалектологической работы. Намечено провести региональные диалектологические совещания по восточнославянским (в Киеве), тюркским (в Баку), кавказским (в Тбилиси) и финно-угорским (в Москве) языкам. В целях улучшения качества диалектологических наблюдений, получения в короткий срок обширных материалов и сохранения для будущих поколений современной живой звучащей речи совещание решило рекомендовать широкое применение механической записи диалектной речи при сборании диалектологических материалов.

Совещание признало необходимым систематическую публикацию материалов по диалектологии языков народов СССР и, в частности, признало целесообразным возобновление печатания сборников «Материалы и исследования по русской диалектологии» и издание на русском языке обобщающих работ по диалектологии языков народов СССР.

В связи с тем, что на Втором совещании не был зачитан доклад о принципах составления областных словарей, решено перенести этот вопрос на следующее совещание. На Третьем координационном совещании, намеченном на октябрь—ноябрь 1956 г., решено заслушать и обсудить следующие вопросы: 1) о диалектологическом атласе группы родственных языков; 2) о программах собрания сведений для диалектологических атласов киргизского, литовского, латышского языков; 3) о построении и структуре областного словаря; 4) о применении звукозаписи при сборании диалектологических материалов.

М. И. Преображенская и В. С. Шварцкоф

В УЧЕНОМ СОВЕТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

I

В мае 1955 г. в Секции языковедения Ученого совета филологического факультета Московского университета была представлена диссертация В. В. Иванова на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тема диссертации — «Индоевропейские корни и клинописном хеттском языке и особенности их структуры».

Секция языковедения Ученого совета филологического факультета, единогласно присвоив В. В. Иванову степень кандидата филологических наук, признала возмож-

ным представить его исследование на пленум Ученого совета факультета в качестве докторской диссертации. В октябре 1955 г. на заседании Ученого совета филологического факультета состоялась защита докторской диссертации В. В. Иванова.

Во вступительном слове диссертант остановился на задачах и методах своей работы и кратко изложил ее выводы. До последнего времени, сказал он, отсутствовала специальная работа, в которой были бы собраны и исследованы факты хеттского языка, необходимые для изучения теории индоевропейского корня. Эта задача и была поставлена в диссертации. Во введении к диссертации, посвященном критическому разбору работ по теории индоевропейского корня, диссертант отклонил дававшиеся некоторыми лингвистами чисто фонетическое определение корня, считая, что корень является прежде всего морфологической единицей.

В первой главе диссертации путем морфологического и этимологического анализа хеттских глаголов, существительных и прилагательных устанавливаются индоевропейские непроезводимые основы (корни), представленные в хеттском языке, и только после этого (во второй главе) изучается их фонетическая структура.

В второй же главе исследуются особенности хеттского глагольного и именного словообразования.

Система г л а г о л а хеттского языка характеризуется наличием большой группы архаичных корневых глаголов спряжения на *-mi*. Ряд непроезводимых глаголов спряжения на *-mi* сохранился только в хеттском и древнеиндийском языках. В хеттском языке имеются и такие общиндоевропейские корневые глаголы, о существовании которых ранее только делались предположения на основании сравнения фактов древнеиндийского и древнегреческого языков.

В диссертации обращается особое внимание на исследование архаичных суффиксов, которые срослись с корнем еще в древний период развития индоевропейских диалектов. Для системы глагольного словообразования важную роль играл суффикс **-s-*, связанный с суффиксом **-sk-*. История указанных суффиксов рассматривается в диссертации на основании данных вновь открытых индоевропейских языков — хетто-лувийских языков Малой Азии и «тохарских» (кучанско-карашарских) языков. Исследование классов глаголов на **-s* и **-sk* дало возможность провести этимологический анализ ряда глагольных основ индоевропейских языков. Факты показывают, что система словообразования глагола в хеттском языке отличается обилием корневых слов и относительной бедностью суффиксов.

Система словообразования и м е н и в хеттском языке характеризуется немногочисленностью корневых слов и обилием архаичных основообразующих суффиксов. Большинство именных суффиксов входит в систему морфологических чередований гетероклитического типа. При изучении хеттского именного словообразования определяются различные хронологические слои основ с соответствующими суффиксами. Так, прилагательные на *-u-* и *-i-* имеют ясную морфологическую структуру и соотносятся с глаголами, образованными от тех же корней посредством суффикса *-es-*, а существительные на *-u-* и *-i-* обнаруживают слияние суффикса с корнем, происшедшее в более древний период.

В диссертации доказывается, что с архаичными основами на *r* гетероклитического типа тесно связаны имена на **-ri* и на **-ru*, образовавшиеся благодаря слиянию суффикса **-r-* с аффиксами *-i-* и *-u-*. Анализ основ этого типа дал возможность объяснить происхождение некоторых слов хеттского языка, не имевших ранее индоевропейских этимологий (например, *ēd-ri* «существо» от корня *ēd* «быть»).

Во второй главе диссертации рассматриваются особенности структуры древних индоевропейских корней, представленных в хеттском языке. Фонетико-морфологические закономерности строения индоевропейских основ ясно обнаруживаются в хеттском языке. Наблюдается количественное и качественное чередование гласных в глагольных и именных основах. Очень важным для установления происхождения индоевропейского *o* является наличие огласовки *e* в именных основах хеттского языка, которым соответствуют в других индоевропейских языках основы с огласовкой *o*.

В хеттском языке сохранилась древняя структура ряда именных основ, которые в других языках преобразовались в результате устранения сочетания смычных согласных после редукции гласного. Анализ этих основ и новых фактов клинописного хеттского, иероглифического хеттского и кучанско-карашарских языков дает возможность отказаться от теории интервокального спиранта Бругмана.

Для анализа древней структуры индоевропейского слова и для теории корня большое значение имеет отражение в хеттском языке индоевропейского «ларингального» **h*, развившегося в хеттское *h*. Сопоставление передачи родственных слов в хеттской клинописи, в хеттском иероглифическом письме и дикийском алфавитном письме позволяет определить некоторые фонетические особенности «ларингального». На основании исследования структурных типов индоевропейских корневых морфем и анализа фонетических свойств хеттского *h* диссертант приходит к выводу, что индоевропейский ларингальный был шумным согласным (заднеязычным спирантом). Данные хеттского языка свидетельствуют о том, что корни общиндоевропейского языка не принадлежали к одному структурно-фонетическому типу. В диссертации

устанавливается пять основных структурных типов индоевропейских корневых морфем, отраженных в хеттском языке.

В диссертации показывается, что хеттский язык очень близок другим древним индоевропейским языкам не только в грамматическом, но и в лексическом отношении. У многих исследованных в работе групп слов (например, у названий частей тела, у терминов, связанных с упряжкой, у глаголов говорения) имеются индоевропейские этимологии. Ряд хеттских слов, считавшихся заимствованиями из неиндоевропейских языков, в действительности представляет результат своеобразного развития хеттских лексических единиц индоевропейского происхождения. Производные от корневых слов индоевропейского происхождения и архаичные сложные слова в хеттском и других индоевропейских языках тождественны (например, хеттское сложное слово *aššu-šiyatt* «благой день» и др.-инд. *su-dyut* и т. п.). Сопоставление слов, образованных от одних и тех же корней, в хеттском и других индоевропейских языках показывает, что специфические для хеттского языка словообразовательные типы сложились в результате развития общиндоевропейских морфологических средств.

При изучении общиндоевропейской лексики в хеттском языке особый интерес представляют явления, отражающие особенности истории носителей этого языка. В первом приложении к диссертации рассматривается история прилагательного *panku-* «совокупный», субстантивированного прилагательного *pankuš*, являвшегося названием хеттского государственного собрания, и родственного термина *pankur* «род». Изменение значения слова *panku-*, которое прослеживается по памятникам хеттского языка, отражает процесс преобразования хеттского государственного собрания в связи с развитием рабовладельческого государства.

Анализ памятников, используемых для изучения лексики, позволил уточнить значение некоторых хеттских слов (например, существительного гетероклитического типа *paltar*, имеющего значение «крыло» во всех ритуальных текстах, рассмотренных во втором приложении к диссертации).

В диссертации исследованы также клинописные памятники лувийского языка (включая и тексты, опубликованные Оттеном в 1953 г.). Лувийские тексты дали возможность определить значение неизвестных ранее лувийских слов, родственных хеттским. Новые данные подтверждают большую близость лексики хеттского и лувийского языков.

В результате своего исследования диссертант приходит к выводу, что данные хеттского языка подтверждают, уточняют и дополняют ряд гипотез сравнительно-исторического языкознания, высказывавшихся еще до расшифровки хеттских памятников. Поэтому изучение хеттского языка представляет особый интерес и для общего языкознания, так как проверка сравнительно-исторических гипотез при помощи объективных критериев может способствовать дальнейшей разработке теории сравнительно-исторического языкознания.

Официальный оппонент доктор филологических наук проф. А. В. Десницкая характеризовала состояние хеттологии и ее роль для сравнительной грамматики индоевропейских языков. Плодотворно использовать хеттские материалы для решения проблем древней истории индоевропейских языков можно только на основе исторического изучения хеттского языка. В этом отношении одной из наиболее актуальных проблем, по мнению А. В. Десницкой, является уточнение генетических связей хеттско-лувийских языков с другими индоевропейскими языками. Особое значение при этом имеет исследование вопросов этимологии индоевропейского корнеслова в лексическом составе хеттского языка и установление этимологических связей хеттского языка с другими языками индоевропейской группы. Таким образом, назрела потребность в обобщающей работе, посвященной этимологическому составу хеттского языка. Такой работой и явилось исследование В. В. Иванова.

А. В. Десницкая остановилась на построении диссертации, подробно характеризую и оценивая каждую ее часть. Она высказала пожелание, чтобы в работе была рассмотрена и структура хеттских основ неиндоевропейского происхождения. В заключение А. В. Десницкая сказала, что у нее нет возражений ни против постановки основных проблем диссертации, ни против метода исследования, ни против выводов. Диссертация представляет собою оригинальное исследование одной из назревших в науке проблем и продвигает вперед изучение исторической лексикологии хеттского языка, а также сравнительной грамматики и этимологии индоевропейских языков. А. В. Десницкая считает, что В. В. Иванов заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук. Его работа должна быть опубликована.

Акад. В. В. Струве, как и первый оппонент, прежде всего отметил быстрое развитие хеттологии за последние два десятилетия. Однако результаты изучения хеттского языка, сказал он, недостаточно привлекаются в работах по сравнительному языкознанию, так как для этого требуется как зрелищия в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, так и знание хеттского языка. Ученик выдающегося языковеда проф. М. Н. Петерсона, В. В. Иванов оказался способным самостоя-

тельно овладеть хеттологией. Диссертант детально изучил хеттские письменные памятники и привлек лексикологический материал на основании анализа контекста.

В. В. Струве особо отметил добросовестность и филологическую точность диссертанта при представлении читателю текста хеттского письменного памятника. В. В. Иванов в целях многостороннего изучения хеттского языка использовал также литературу по другим древним языкам Малой Азии, данные египетских надписей и папирусов (ономастический материал), а также частично коснулся семитологического материала.

В. В. Струве высказал критические замечания относительно понимания диссертантом характера власти хеттского царя, а также по поводу чтения основы косвенных падежей хеттского названия «крыла» и толкования § 36 хеттских законов. Подводя итог своему выступлению, В. В. Струве сказал, что он считает В. В. Иванова заслуживающим за свой труд присуждения ему степени доктора филологических наук.

Член-корр. АН СССР А. А. Фрейман выразил надежду на скорейший выход в свет работы В. В. Иванова, что позволит широкой аудитории принять участие в обсуждении и оценке этого труда. Разрешение при помощи хеттского языка вопроса о структуре индоевропейских корней имеет не только теоретическое, но и чисто практическое значение при составлении этимологических словарей, в том числе и словарей языков Советского Союза, отметил А. А. Фрейман.

Теория строения корня издавна привлекала внимание ученых. А. А. Фрейман коснулся истории изучения структуры корня, изложенной в диссертации, и перешел к вопросу о фонетическом или морфологическом определении корня. Приводя определение корня, данное диссертантом и примиряющее две противоположные точки зрения, А. А. Фрейман заметил, что и такое определение ему кажется недостаточным, так как оно не учитывает условий письменной культуры народов, языки которых изучаются. В вопросе об определении корня, считает А. А. Фрейман, следует учитывать одновременно культурно-исторический, морфологический и фонетический критерии. Наиболее интересное место диссертации, по мнению А. А. Фреймана, — изложение теорий, связанных с этимологией индоевропейских слов со значением «земля». А. А. Фрейман несколько подробнее остановился на этих теориях.

В своем отзыве А. А. Фрейман также подробно остановился на проблеме датировки разных частей «Авесты», возражая по этому вопросу диссертанту. Давая заключительную оценку диссертации, А. А. Фрейман сказал, что присуждение ее автору степени доктора является заслуженной оценкой этой работы.

В заключительном слове диссертант ответил на замечания и возражения оппонентов.

Ученый совет филологического факультета единогласно присудил В. В. Иванову ученую степень доктора филологических наук.

В. А. Кочергина

II

В ноябре 1955 г. на заседании Секции языкознания Филологического факультета МГУ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук воспитанником Московского университета В. Н. Топоровым.

В кратком вступительном слове диссертант охарактеризовал задачи, методы и материалы своего исследования, посвященного синтаксису локатива в славянских языках. Почти полная неразработанность сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков, а также отсутствие удовлетворительных работ по славянскому локативу обусловили целесообразность постановки данной темы в качестве диссертационной.

Основную задачу своей работы диссертант видел в том, чтобы дать историю общеславянского локатива, показав его судьбу в отдельных славянских языках, проследив основные тенденции в его развитии. При этом в центре внимания автора было то общее, что есть в локативных конструкциях славянских языков (с выделением того, что является общим праславянским наследством, и того, что развилось параллельно, но независимо), и отдельные частные отклонения, помогающие определить направление развития локатива в том или ином языке.

Этой общей задаче подчинена другая, более частная, в соответствии с которой в диссертации делается попытка восстановления некоторых элементов праславянского локатива на основе приемов сравнительно-исторического исследования. Это обусловило необходимость определения некоторых принципов такого исследования в применении к изучаемой проблеме.

Решению каждой из поставленных задач посвящены две основные части диссертации, предваряемые краткой вступительной статьей с изложением основных принципов анализа, некоторых вопросов из истории изучения локатива и указанием источников, послуживших базой при сборании материала.

Работа основывается на изучении самостоятельно собранного диссертантом огромного материала по русскому, украинскому, белорусскому, польскому, кашубскому, полабскому, сербо-лужицкому, чешскому, словацкому, старославянскому, древнеболгарскому, сербо-хорватскому и словенскому языкам. Особое внимание диссертант уделял древнейшему периоду славянской письменности (X—XVI вв.).

Первая основная часть работы состоит из 12 разделов, каждый из которых посвящен описанию локативных конструкций того или иного языка рассматриваемой языковой семьи — с древнейших памятников до настоящего времени. Особое место в первой части работы занимает раздел, посвященный обзору локативных конструкций в русском языке. Здесь автор подробно раскрывает приемы своего исследования. Произведя учет употребления локативных конструкций, диссертант прежде всего устанавливает как различия общего и частных падежных значений, так и принципы определения самих значений; затем выявляет связи между локативными и иноподлежащими конструкциями. В этой части своей работы автор делает попытку наметить теоретические принципы реконструкции синтаксических явлений в применении к локативным конструкциям; определить источники, способы и условия реконструкции локативных типов в праславянском языке; определить значение данных других индоевропейских языков в осуществлении поставленной задачи; оценить степень вероятности высказываемых предположений, касающихся отдельных деталей из истории локатива в дописьменный (включая сюда и праславянский) период.

В связи с этими проблемами явилась необходимость затронуть вопрос о древности индоевропейского локатива, о его распространении и соотношении с формами, представляющими частую основу и признаваемыми многими исследователями за локатив.

На основании анализа материала — с широким привлечением индоевропейских данных — диссертант приходит к выводу о том, что взгляды традиционной индоевристики, приписывающей индоевропейскому праязыку восемь падежей, не могут быть признаны состоятельными. Лишь в языках группы *satəm* развился в полной мере особый самостоятельный падеж локатив, достаточно четко противопоставленный другим падежам.

Во второй части работы диссертант, затрагивая ряд праславянских проблем, связанных с реконструкцией отдельных локативных типов, делает попытку определить предшествующие им типы, выявить эволюцию значений отдельных локативных конструкций, наметить хронологические пределы существования той или иной конструкции (в относительном плане), установить некоторые закономерности в особенностях географического распространения отдельных типов локатива.

Вторая часть работы включает в себя разделы, посвященные беспредложному локативу в праславянском языке, локативным конструкциям с предлогом *o*, с предлогом *lo*, с предлогом *при* и с предлогами *e* и *na*.

Ряд заключений, к которым приходит автор на основании анализа разнообразных данных славянских языков, а также необходимых материалов других индоевропейских языков, вносит существенные поправки в истолкование многими исследователями некоторых изучаемых вопросов, а также восполняет пробелы, касающиеся истории отдельных локативных типов (ср. определение условий наиболее длительного сохранения беспредложного локатива, дающее вместе с некоторыми другими соображениями основание утверждать, что замена беспредложного локатива предложным была вызвана не необходимостью более точно определить место действия, а более глубокими причинами структурного порядка; решение проблемы, связанной с древностью локативных конструкций с предлогом *при*; определение относительной хронологии возникновения локативной конструкции с предлогом *o*, сменившей более раннюю аккумулятивную конструкцию с тем же предлогом, а также локативной конструкции с предлогом *lo*, которой, по предположению диссертанта, в ряде случаев предшествовала конструкция этого предлога с родительным падежом и др.).

Как отметили официальные оппоненты проф. Т. П. Ломтев и старший научный сотрудник Института языковедения А. Д. Григорьев, работа В. Н. Топорова является ценным вкладом в славистику, представляя собой первый опыт сравнительно-исторического исследования славянского локатива на материале всех славянских языков [в единственной работе, посвященной синтаксису падежей ряда славянских языков (Ф. Миклошича), данные некоторых славянских языков отсутствуют вовсе, другие же представлены далеко не полно].

Т. П. Ломтев отметил особую ценность попытки диссертанта наметить источники, способы и условия реконструкции локативных типов в праславянском языке, поскольку методология подобных реконструкций в области синтаксиса на основе приемов сравнительно-исторического исследования является совершенно неразработанной. Оппонент признал убедительными и целый ряд конкретных реконструкций автора (недостаточно обоснованным, по его мнению, является только сопоставление славянских

локативных и аккузативных конструкций с предлогом *o* с литовской конструкцией *apie* + винительный падеж).

А. Д. Григорьева, давшая высокую оценку защищаемой диссертации, высказала сожаление по поводу отсутствия в работе анализа эволюции общего значения локатива в славянских языках. Кроме того, она отметила слишком узкое, по ее мнению, понимание диссертантом так называемых «дублетных» конструкций.

В заключительном слове диссертант обстоятельно ответил на вопросы и замечания оппонентов. Он обосновал невозможность исследования общего значения падежа (в понимании Р. Якобсона) в славянских языках в историческом плане ввиду ограниченности материала и отсутствия возможности проведения лингвистических экспериментов, а также ввиду того обстоятельства, что в ряде случаев понимание локатива в старых текстах настолько затруднено, что попытка выяснить его значение неизбежно приведет к переосмыслению его в соответствии с нормами современного употребления. Диссертант считает, что при современном уровне знаний и состоянии материала историческое исследование о развитии общего значения падежа является невозможным. Последние работы Куриловича, Гроота, Серенсена и других свидетельствуют, по его мнению, о том, что лишь современный язык дает достаточные основания для исследований такого рода.

Ученый совет филологического факультета, учитывая высокие научные достоинства представленной диссертации, единогласно присудил В. Н. Топорову искомую степень кандидата филологических наук.

Г. В. Булыгина

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1) Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи должны быть разборчиво указаны сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, адрес, телефон.

2) Объем статьи, как правило, не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15—20 стр. машинописи.

3) Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Каждая цитата должна быть завизирована автором.

4) При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указывать не следует.)

5) При наличии в статье сокращенных названий, последние непременно расшифровываются полностью в специальном приложении.

6) При ссылке на труд иностранного автора фамилия автора и название труда обязательно сообщаются в тексте статьи по-русски, независимо от указания их — в тексте же или в подстрочном примечании — на языке книги.

7) Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

8) Автор должен обязательно указывать инициалы имени и отчества упоминаемых в статье лиц.

9) При использовании в статье термина, не являющегося общеупотребительным, он должен быть истолкован в подстрочном примечании.

10) Статьи объемом свыше 15—18 стр. машинописи должны быть, как правило, разделены на рубрики.

11) Авторская правка в сверстанных листах не допускается.

12) Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. В. Виноградов и Б. А. Серебrenников (Москва). О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков	3
И. Лекков (София). Отклонения от флективного строя в славянских языках	18
Н. А. Катагощина (Москва). Процессы формирования французского письменно-литературного языка	27

С О О Б Щ Е Н И Я И З А М Е Т К И

А. И. Смирницкий Аналитические формы	41
М. Б. Балакаев (Алма-Ата). Типы именных словосочетаний в казахском языке	53
Н. Ю. Шведова (Москва). К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы	67

Я З Ы К О З Н А Н И Е И Ш К О Л А

Обсуждение курса «Современный русский литературный язык» (Обзор статей)	83
---	----

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

П. С. Кузнецов (Москва). Букварь Ивана Федорова	91
Э. А. Макаев (Москва). А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков	97
И. А. Оссовецкий (Москва). W. Kuraszkiiewicz. Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych	103
Вяч. В. Иванов (Москва). Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка	111
Н. А. Кондрашов (Москва). Adolfu Kellnerovi. Sborník jazykovědných studií	121
Г. А. Меновщиков (Ленинград). Русские заимствования в языке эскимосов Аляски	124

П И С Ь М О В Р Е Д А К Ц И Ю

В. Н. Костров (Москва). Языковеды должны изменить свое отношение к терминологической работе	127
---	-----

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ь

Н. Н. Коротков (Москва). Конференция в Пекине по вопросам реформы китайской письменности и нормализации китайского языка	131
С. Б. Бернштейн (Москва). Изучение македонского языка в Народной Республике Македонии	136
Д. Е. Михальчи (Москва). Советские по вопросам развития молдавского литературного языка	139
М. Н. Преображенская и Б. С. Шварцкопф (Москва). Второе Всесоюзное координационное совещание по вопросам диалектологии языков народов СССР	144
В. А. Кочергина и Т. В. Булыгина (Москва). В Ученом совете филологического факультета МГУ	146

Р е д к о л л е г и я:

О. С. Алманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. П. Григорьев (и. о. отв. секретаря редакции), А. И. Ефимов, В. В. Иванов
(и. о. зам. главного редактора), Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова,
Г. Д. Санжеев, В. А. Серебrenников, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 4-75-42

T-02370. Подписано к печати 9/IV 1956 г. Тираж 12100 экз. Заказ 46
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4³/₄ Печ. л. 13,02 Уч.-изд. л. 16,7